

Пирмин
Майер

ПАРАЦЕЛЬС
ВРАЧ
И ПРОВИДЕЦ

Пирмин Майер
Парацельс – врач и провидец.
Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме
Серия «Традиция, религия, культура»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6567324

Пирмин Майер. Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме: Смысл;

Москва; 2014

ISBN 978-5-91896-116-2

Оригинал: PirminMeier, "Paracelsus Artz und Prophet. Annäherungen an Theophrastus Von Hohenheim"

Перевод:

Е. Б. Мурзин

Аннотация

Эта книга посвящена Парацельсу – одной из самых знаменитых и таинственных личностей европейского Возрождения.

Благодаря живому и увлекательному повествованию создается яркий и целостный образ выдающегося человека. Книга Пирмина Майера открывает Парацельса не только как известного врача, но и знакомит с интересными моментами его биографии, с философскими и религиозными воззрениями, представляет его как психолога, алхимика и прорицателя, а также прослеживает влияние Парацельса на европейскую культуру вплоть до XX века.

Автор книги – специалист по немецкой и швейцарской истории и философии, автор многих публикаций.

Содержание

Введение	4
Часть I	9
Глава I	9
Глава II	22
Глава III	32
Лечение дождевыми червями	34
Магистр Симон о цыгане Теофрасте	37
Предсказатель из Хохентвиля	39
Глава IV	42
Глава V	51
Глава VI	63
Глава VII	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пирмин Майер Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме

Юргу Федершпилю посвящается

Введение Гнев горлинки, или Из жизни одного спорщика

Выдающийся человек после своей смерти становится всеобщим достоянием, тогда как при жизни окружающие часто лишь презрительно отмахиваются от него. Горожанин Страсбурга, известный сегодня под именем доктора Парацельса, чей ослепительный образ занял прочное место в солидных справочниках о знаменитых немцах, швейцарцах и австрийцах, и ставший предметом гордости и восхищения многих авторов, в некоторых своих принципиальных проявлениях предстает перед нами как дитя итальянской системы ренессансного образования, являет собой яркий образчик европейца эпохи Возрождения, словно сошедшего со страниц красочного альбома.

В политическом отношении он, несмотря на своеобразие своей личности, может скорее служить примером противоречивости швейцарской свободы. Человек, девизом которого было: «Я не должен принадлежать никому, кроме самого себя», закончил свою жизнь крепостным аббата в Айнзидельне. Языком, на котором он говорил и который даже пытался ввести в научное обращение, был грубоватый сельский вариант раннего нововерхненемецкого языка, распространенный в простонародной среде. По этой причине его не без иронии называли «Лютером в медицине». В его высказываниях о Германии и немцах, в отличие от похожих заявлений современников Парацельса Ульриха фон Гуттена и Мартина Лютера, не следует искать национальный или религиозный подтекст. Они были выкованы на наковальне сурового жизненного опыта, следовали из того, что он сам называл «опытностью». Когда речь заходила о его коллегах из Германии, он, не стесняясь, говорил о «немецких ослах», «немецких дураках» и о «докторе Пердуне».

В архивах Австрии, где он провел часть своей юности, а позже несколько лет занимался практикой, хранятся две записи о его внезапных исчезновениях, которые, судя по характеру текста, в обоих случаях больше походили на бегство. Краткая заметка о том, как он во второй раз покинул Австрию, является последним достоверным свидетельством о его жизни. Спешно составленный протокол, помеченный 1526 годом, сообщает, что он уехал из Зальцбурга, охваченного пламенем крестьянской войны, и 24 сентября 1541 года приказал долго жить. Это случилось через три дня после составления завещания, в котором было описано его имущество – наследство человека, который провел нелегкую жизнь, изобиловавшую разного рода трудностями. Его смерть породила множество легенд, ведь судебно-медицинское освидетельствование не было в то время обычной практикой. О том, что этот человек уже очень скоро займет достойное место среди наиболее выдающихся представителей науки в шекспировской Англии, в день его похорон даже не догадывались. И уж никто не смел поду-

мать о том, что бездомный нищий из Айнзидельна и Виллаха войдет в альманах восточной науки под именем «Баракальсуса, основателя новой химической медицины»¹.

О его жизни, едва заметной в полумраке слухов, легенд и опалы и до неузнаваемости высветленной лучами посмертной славы, нет практически никаких достоверных сведений. Едва ли можно с уверенностью определить, какой из многочисленных вариантов его подписей действительно подлинный. Весьма вероятно, что мы до сих пор вообще не обнаружили ни одного оригинала. Очень часто хронологически выверенный жизненный путь какого-либо человека, состоящий из постоянных перемещений, которые на первый взгляд кажутся взаимосвязанными друг с другом, легко поддается описанию. Однако лучшие знатоки соответствующих текстов, такие как, например, Ганс Хузер в конце XVI века, Карл Зюдхофф и Курт Гольдаммер в XX столетии, были вынуждены отказаться от намерения составить связную биографию Парацельса. В отличие от обилия сведений о Лютере или Гете, которые имеются в нашем распоряжении, свидетельств о жизни всемирно известного Парацельса, чье имя громким эхом отозвалось в истории науки, сохранилось ничтожно мало. Даже если мы попробуем опереться на биографии, написанные на основе документального материала, это нам вряд ли поможет. Известную сложность представляет собой и интерпретация оригинальных источников, поскольку многие произведения Парацельса вызывают затруднения даже у специалистов. При этом именно эти источники чаще всего используются в качестве несущих конструкций при составлении биографии, в которой все элементы связываются между собой в соответствии с надежно обоснованными сценариями. Тем не менее, его образ в истории, истории науки, сказаниях и литературе нарисован весьма своеобразно. В этом смысле можно говорить о феномене Парацельса.

Принимая во внимание состояние источников, можно с уверенностью сказать, что обычная биографическая схема оказывается явно недостаточной для полного изображения этого феномена. Более удачными в этом смысле можно считать яркие скетчи, например рассказ Роберта Генри Блазера о пребывании Гогенгейма в Базеле.² При этом обнаруживается, что эта загадочная личность скорее раскрывается перед нашим сознанием, когда она включена в историческую действительность города и окружена живыми людьми, с которыми жила и общалась. Между тем составление биографии Парацельса по-прежнему остается благим намерением, к которому намертво пристала «воздвигнутая на радуге» картина из мистического наследия средневековья, символизирующая человеческое существование вообще. В этом смысле «реконструкция» радуги, распростершейся 28 октября 1531 года над Санкт-Галленом и Боденским озером, может помочь нам примерно определить границы и возможности исследования жизненного пути Теофраста фон Гогенгейма.

Нашу попытку реконструировать духовно-историческую биографию Гогенгейма на основе имеющихся у нас сведений о пребывании знаменитого медика в Санкт-Галлене и генеральных линий его работ предваряет краткий очерк его жизненного пути, составленный большей частью из обрывочных сведений о Парацельсе. Лапидарность этого жизнеописания в определенной мере компенсируется достоверностью и надежностью предложенной в нем информации.

Сын деклассированного представителя мелкопоместного швабского дворянства, имевшего медицинское образование, и простой швейцарской женщины появился на свет в 1483 или 1484 году в Эгге на земле, принадлежавшей бенедиктинскому монастырю Айнзидельна, который располагался на территории современного кантона Швиц. Не позднее 1502 года его отец Вильгельм фон Гогенгейм вместе со своим единственным сыном переселился в Карин-

¹ Kolta, Kamal Sabri: Paracelsus im Urteil des osmanischen Oberhofarztes Salih b. Nasrallah b. Sallum, in: Goerke, H. u. Terzioğlu, A.: Die medizinischen Beziehungen zwischen Deutschland und der Türkei, Verhandlungen des am 18. und 19. Oktober 1976 in Istanbul abgehaltenen Symposiums, München 1978, S. 103.

² Blaser, Robert-Henri: Paracelsus in Basel, Muttentz/Basel 1997.

тию, в город Виллах. По всей вероятности, мальчик получил хорошее образование. К сожалению, у нас нет достоверных сведений, которые могли бы раскрыть подробности интеллектуального становления молодого Гогенгейма. Это обстоятельство представляется весьма необычным для эпохи расцвета гуманистической культуры. Существуют надежные свидетельства, указывающие на то, что после нескольких лет странствий Гогенгейм защитил докторскую диссертацию под сводами университета в Ферраре (около 1515 года или немного позднее). Затем в должности военного хирурга он успешно применял свое врачебное искусство на полях сражений в Верхней Италии и Нидерландах, лечил раненых при осаде Стокгольма, прибыв под стены города в свите датского короля Кристиана II. До 1524 года он, по-видимому, успел предпринять продолжительное путешествие, подробностями которого мы не располагаем. Известно, что он проехал Литву, Польшу, нанес визит иоаннитам на Родосе, побывал в Валахии и Словении, посетил Францию, Испанию и Португалию.

В 1524 году он приехал в Зальцбург, где планировал остаться надолго. Однако уже менее чем через два года мы встречаем его на территории Южной Германии, в Баден-Бадене, недалеко от Фрайбурга, куда он приехал по приглашению заболевшей аббатисы Анны Блетц фон Роттвайл, и в Страсбурге, где он в декабре 1526 года купил право бюргера и стал своим человеком в реформистски настроенных кругах страсбургского общества. Однако ожесточенный спор с неким Венделином Хоком, имевший негативные последствия, и успешно завершившееся лечение известного базельского издателя Иоганна Фробена побудили его уже в 1527 году переехать в Базель. Здесь он подвизался в качестве экстраординарного профессора в основанном в 1460 году университете, хотя в юридических актах это и не зафиксировано. В документах его называют городским врачом. Эта должность была единственным «прочным рабочим местом» в его жизни, которое он занимал в течение 10 месяцев.

Во время своего пребывания в Базеле он в присутствии таких известных гуманистов, как Иоганн Хербстер, Бонифаций и Василий Амербахи, читал лекции по медицине на немецком языке, что очень ценилось на всем географическом пространстве Верхней Германии. Эти доклады не случайно зачитывались во время каникул. Они во многом означали объявление войны господствующей тогда схоластической медицине, которая опиралась на систему римского врача Галена из Пергамона. Вследствие того что эта система придавала большое значение учению о четырех жидкостях – крови, слизи, желтой желчи и черной желчи, – она была названа гуморальной патологией. Догматике этого учения Теофраст фон Гогенгейм противопоставил не обычные «современные» методы лечения, а основанную на опыте и одновременно интеллектуально-духовную целостную медицину. Последняя, учитывая общепринятые точки зрения, частично опиралась на древнюю народную медицину, магические и алхимические традиции, а также придавала большое значение целительной силе природы, символов (сигнатур), внутренней силе души и вере. При этом на первый план выдвигался натурфилософский и одновременно медицинский подход к проблеме, которая рассматривалась с точки зрения трех принципов – соли, серы и ртути.

В Базеле помимо преподавательской деятельности он взялся за исправление плачевной ситуации в местных аптеках. Проверая деятельность аптекарей, контролируя правильность выписки рецептов, устраивая визитации, регулируя таксы и проценты в обоюдной прибыли врачей и аптекарей, он пытался устранить недостатки в работе базельских аптек. Среди его знаменитых пациентов кроме Фробена были известнейший гуманист эпохи Эразм Роттердамский, а позже настоятель собора Корнелиус фон Лихтенфельс, Корнелиус фон Лихтенфельс. Между тем зыбкость положения Гогенгейма как преподавателя усугубилась судебной тяжбой с Лихтенфельсом по поводу гонорара за лечение. Все это привело его к преждевременному и опрометчивому решению покинуть Базель.

Неурядицы в Базеле, а также неудачная попытка опубликовать свои медицинские сочинения в Нюрнберге (1530) были для Гогенгейма, человека, намеревавшегося реформировать

медицинскую науку, настоящим ударом. При этом представляется исторически неверным рассматривать научные споры Парацельса (гуманистический псевдоним Гогенгейма, взятый им в 1529 году) с его оппонентами исключительно как борьбу света и добра с силами тьмы. В бурных спорах, которые в зависимости от ситуации могли закончиться сожжением книг брызжущего слюной визави, в ожесточенной даже по представлениям того беспокойного и грубого времени полемике, вызывающей к жизни образ современника Парацельса Михаила Колхаса и связанной с трепетным отношением к получению и сохранению прав, отразился дух эпохи со всеми его важными сторонами, пристрастиями и возможностями. Следуя традиции, заложенной Гиппократом, Гогенгейм видел во врачебной деятельности в большей мере искусство, чем науку, притом самое высокое и благородное, которому, однако, угрожает опасность возможных злоупотреблений со стороны людей. Лейб-медики и врачи, по мнению Парацельса, придерживались устаревшей догматики, все больше прилепляясь к деньгам, чем служа искусству. «Самая кроткая горlinka воскипит гневом, слушая их непотребные рассуждения» (XI, 153), – заявил он в своей шестой апологетической речи в Каринтии, «чтобы оправдать свое удивление и возмущение» (XI, 152). Гнев горlinkи может служить символом жизни, полной непрестанной борьбы и одновременно целительной нежности, проросшей из семени жертвенной любви.

До посещения Базеля и в постбазельский период Парацельс вел преимущественно странствующий образ жизни. Это был типичный бродяга XVI века, который в поиске философского алхимического камня и тайного эзотерического знания, в желании овладеть целительными силами природы был вынужден «истреблять шляпы и ботинки» (XI, 145), как голодающий старатель из фильма Чарли Чаплина «Золотая лихорадка». Второй кульминационный период в жизни и творчестве Парацельса приходится на время его непродолжительного пребывания в Санкт-Галлене, маленьком городке на востоке Швейцарии, где благодаря широко развернувшемуся текстильному производству стремительно развивались экономика и образование. Никогда еще врачебное призвание и непреодолимое стремление Гогенгейма пророчествовать и вести за собой души людей не проявлялись так согласованно, как в те полные драматизма недели между появлением кометы, названной в честь Эдмунда Галлея, и сокрушительным поражением сторонников Ульриха Цвингли во Второй Каппельской войне 1531 года.

Примерно в эти годы вышло сочинение светского богослова Теофраста Парацельса, которое до сегодняшнего дня остается предметом исследований. 1530-е годы были временем, когда слава Парацельса как мага и предсказателя достигла своего апогея. Многие высказанные им мысли пережили своего автора и во многом повлияли на модные эзотерические течения последующих эпох. В сочинениях Парацельса, из которых на сегодняшний день издано около 10 000 страниц, читателю открывается своеобразная смесь из медицины, космологии, психопатологии, магических воззрений и политической критики, представленная в виде захватывающей системы знаков и символов. При этом многие естественнонаучные наблюдения знаменитого медика необходимо заново пересмотреть в ближайшем будущем, но уже в более сдержанной манере и с учетом их этической составляющей.³

После вновь неудавшейся попытки опубликовать некоторые из своих главных сочинений в Каринтии Парацельс испытывал разочарование за разочарованием, которые длинным шлейфом тянулись за ним в течение всех последних лет его жизни. Об этом красноречиво свидетельствует вторая работа гравера А. Х. 1540 года. Смерть, настигшая его в Зальцбурге,

³ Benn, Gottfried: Goethe und die Naturwissenschaften, in: Ders., Gesammelte Werke in acht Bänden, Bd. 3, Wiesbaden 1968, S. 725. Бенн называет естественнонаучные сочинения Гете «не просто творением, но целым наследством». Эти же слова можно отнести и к творчеству Гогенгейма.

нашла там страдающего эмпирика, который, странствуя по лабиринту врачебных проб и ошибок, перенес целую часть света на географическую карту Утопии.

Так называемый чистый результат Парацельса надо рассматривать только в непосредственном соприкосновении с его наследием. Меткие наблюдения и апробация новых методов, например использование ртути при поиске воды или улучшение пищеварения с помощью минеральных источников (Санкт-Мориц, Егер), учение о коагуляции и образовании камней (Тартарус), о сифилисе и эпилепсии, а также его вклад в хирургию в некоторых своих моментах весьма впечатляют. Применение химико-металлических медицинских препаратов в лондонской фармакопее в 1618 году началось благодаря усилиям английского парацельсиста и стало своего рода запоздалым триумфом Гогенгейма. Его лекции о язвенных болезнях предоставляют нам возможность с удвоенным вниманием заглянуть в бездну человеческих страданий. Истолкованный соответствующим образом пассаж из книги «О невидимых болезнях», которая написана в санкт-галленский период, позволяет заключить, что все эти бедствия, так же как и пугающие примеры психических заболеваний, побуждают даже верующего человека сомневаться в разумности мироздания.⁴

Теофраст фон Гогенгейм, всегда решительный и бескомпромиссный в вопросах религии и медицины, был в то же время весьма скептически настроенным ученым. Поэтому и творческое наследие, и вся жизнь этого человека скрывают в себе множество удивительных загадок. Яркие проблески гогенгеймовского духа не только открывают перед любознательным исследователем научные глубины творчества Парацельса, но и подчас наполняют его уникальным гуманистическим содержанием.

⁴ Vgl. Kap. Para-Psychiatrie oder von den unsichtbaren Päpsten, S. 180.

Часть I

Огненный дух соли из Санкт-Галлена

Глава I

Радуга на восходе солнца

*Представь, что его окровавленная спина
Уподобилась небу.
После того как небесные воды
Смыли наши грехи,
Над землей простерлась сияющая радуга,
Которая стала знаком Божией милости к
человеку.*

Иоганн Себастьян Бах. «Страсти по Иоанну»

Нежная бархатистость октября, разлитая в воздухе Швейцарии, резко диссонировала с общим подавленным настроением, которое осенью 1531 года царило в протестантских кантонах немецкой части Швейцарского союза. 11 октября солнце навсегда померкло для Ульриха Цвингли, теократического предводителя протестантских общин. Знаменитый цюрихский реформатор и борец за общее дело христианской республики был обвинен в измене родине, четвертован и сожжен как еретик в местечке Массакер недалеко от Каппеля (KS, 376). 600 человек из его окружения, среди которых было немало вдохновенных проповедников, остались лежать мертвыми на крепостных валах. Спустя две недели, во вторник 24 октября, города, связанные с Цюрихом союзными соглашениями, потерпели сокрушительное поражение в битве при Губеле на земле кантона Цуг, потеряв 800 человек убитыми. В это же время в Базеле в смертельную борьбу за собственную жизнь вступил знаменитый церковный и общественный деятель Иоганн Околампад. Он не принимал участия во внутренних войнах, не слышал звона оружия и не видел ожесточенных лиц воинов католических кантонов, размахивавших оружием и сеявших смерть на своем пути. Враг, причинявший Околампаду невероятные мучения и стремившийся погубить его, имел совсем иную природу. Проповедника мучила «пожирающая человека болезнь, которую обычно называют раком» (KS, 384). В описываемое время у больного уже начались метастазы, проникшие в голову и все шире распространявшиеся в области спины.

Искусный городской врач, фогт и реформатор Санкт-Галлена, ученый и почитаемый доктор Иоахим фон Ватт, известный под именем Вадияна, также переживал не самый легкий период в своей жизни. Его страдания были вызваны двумя причинами. С одной стороны, предпринятые им попытки затормозить развитие военного конфликта только способствовали скорейшему поражению его собственного лагеря. С другой – здоровье врача, глубоко переживавшего за судьбу страны, в это время заметно ухудшилось и вызывало серьезные опасения. Еще недавно энергичный и жизнерадостный, Вадиян чувствовал себя больным и разбитым. В минуты отчаяния он, думая об участии родного города, горестно восклицал: «О, благочестивая община Санкт-Галлена! Что тебя ожидает?!» (KS, 372). Под угрозой находился труд всей его жизни. Вадиян не переставал спрашивать себя, сколько еще времени пройдет до тех пор, пока аббат, изгнанный из Санкт-Галлена, не вернется с триумфом в ста-

рую княжескую резиденцию? Это был вопрос нескольких месяцев, а возможно, и нескольких недель.

На заре Нового времени Санкт-Галлен являлся крупным ремесленным и торговым центром. В городе не было единоличного правителя. Республиканская система с ежегодно сменяющимися бургомистром, унтербургомистром, советом и главами цехов, которые участвовали в управлении, по своей природе не предполагала наличия властной вертикали, на вершине которой находился бы безусловный лидер, обладающий неограниченными полномочиями. Такой тип правления имел свои преимущества, которые особенно явно проявились в это время, когда многие горожане, принадлежавшие к лучшим семействам и составлявшие верхушку городского магистрата, погибли, в том числе и бургомистр 1530 года Кунрад Майер. Ханс Штудер, правящий бургомистр, в прежние годы служивший солдатом в армии французского короля, уже несколько месяцев был прикован к постели смертельной болезнью. Он не выходил из своего дома, находившегося на монастырской территории неподалеку от бывшей братской больницы. Вопреки настойчивым просьбам окружающих, бургомистр не стал обращаться к Вадриану, который в это время предпочитал препоручать своих пациентов, страдавших от тяжелых и безнадежных болезней, другим медикам. Нередко это были врачи из Констанца или Фельдкирхе. Нежелание Штудера иметь дело с Вадрианом объяснялось их недостаточным доверием друг к другу. Два других врача, известных в городе, Бишвайлер и Каспар Бризиг⁵, не были настолько опытными, чтобы осмелиться лечить самого бургомистра. Остальные цирюльники и лекари, жившие в Санкт-Галлене и его окрестностях, не могли и мечтать о том, чтобы приблизиться к постели высокопоставленного больного. Между тем потребность бургомистра в личном лейб-медике возрастала, поскольку в некоторых городских кварталах были замечены случаи заболевания людей чумой (KS, 370).

Свою последнюю надежду 73-летний бургомистр возлагал на чудодейственное лекарство одного странного доктора, принадлежавшего к кругу знакомых его зятя – Бартоломе Шовингера. Последний в часы досуга увлекался алхимией и гуманитарными науками, а в описываемое время готовился возглавить торговое предприятие, имевшее свои представительства в разных странах. Шовингер представлял собой блестящую партию для дочери бургомистра Елены, которая, выйдя замуж за перспективного предпринимателя, могла уже более не думать о завтрашнем дне. Ее почтенный супруг любил и уважал своего тестя, в любой момент был готов помочь ему словом и делом и особенно ценил богатство и социальное положение старика. Лелея в глубине души мысли о наследстве, он, тем не менее, старался не надоедать Штудеру разговорами о завещании. Приглашенный к одру больного врач был невысоким хрупким человеком. На вид ему было около 40 лет. Рахитичное тельце доктора венчала огромная голова, а его сгорбленная фигура усугубляла и без того удручающее и жалкое впечатление, которое он производил. Он больше походил на мелкого воришку, чем на доктора обоих видов медицины, получившего степень в Италии, и специалиста в области терапии (учения о внутренних болезнях) и хирургии. Доморощенные лекари были озлоблены против него и мечтали запутать его в тенетах судебных разбирательств, а Вадриан старался просто не замечать его. Городская молва, которая дошла до нас в более позднем пересказе хронистов Иоганна Кесслера и Иоганна Рютинера, составлявших окружение знаменитого городского врача Санкт-Галлена, отзывалась о нем как о странном и необычном человеке, относя все связанное с ним к разряду курьезов. Кем же был этот загадочный доктор на самом деле?

⁵ Staerkle, Paul: Beiträge zur spätmittelalterlichen Bildungsgeschichte St. Gallens, St. Gallen 1939, S. 133 (nach Rütiners Diarium).

При жизни его чаще всего называли доктором Теофрастом, хотя в различных записях он фигурирует и как Теофраст фон Гогенгейм (KS, 360). Что касается самого прозвища Парацельс, то оно в санкт-галленских источниках вообще не упоминается вплоть до 1537 года. Те же источники ничего не знают о полном имени знаменитого швейцарского доктора, которое встречается в его более поздних биографиях, и в частности в версии цюрихского врача доктора Ганса Лохера, датированной 1851 годом: «Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст Парацельс фон Гогенгейм, Лютер медицины и наш величайший швейцарский врач»⁶. И все же имя Парацельс начиная с 1529 года появляется в нюрнбергской «Практике о грядущих событиях в Европе», а с 1531 года и в швейцарских печатных изданиях.

Для врача, не имевшего частной практики, неудавшегося университетского преподавателя, исследователя, писателя и автора нескольких книг, посвященных специальным вопросам, приглашение к постели состоятельного больного, уже не имевшего надежды на полное выздоровление, было редкой удачей. Обычно личный врач получал отдельное помещение и в продолжение всей службы жил на средства своего пациента. Гогенгейм прожил в доме Кристоффеля, или Кристиана Штудера, 27 недель. Это был едва ли не самый длительный период пребывания Парацельса на одном месте. Для «неисправимого бродяги» (XII, 268), как называет себя ученый в «Великой астрономии», такая усидчивость не была характерной. Возможно, здесь Парацельс впервые испытал на себе чарующее воздействие уютной домашней атмосферы, созданной рачительным попечением супруги бургомистра, Елены Штудер. Вместо опостылевшего молочного супа на обеденном столе с завидной частотой появлялись блюда с ароматно дымящейся куропаткой или другой жареной дичью, ожидавшие, когда их оценят по достоинству. Сама бургомистерша, урожденная Цили, несмотря на свой почтенный возраст, слыла заботливой хозяйкой. В свои 64 года она была крепкой и сильной женщиной, которой с момента нашей встречи с ней предстояло прожить еще 20 лет.⁷ Записки о жизни Парацельса отнюдь не изобилуют упоминаниями о женщинах, которых судьба связала с нашим героем. То, что мы знаем имя и место проживания фрау Штудер, является скорее счастливым исключением, чем ординарным событием. Эта женщина, всегда остававшаяся на заднем плане, сыграла решающую роль и в карьере самого бургомистра. Богатство и политическое возвышение Штудера во многом связаны с его женитьбой на Елене, которая стала его третьей женой. Благодаря этому союзу имущество будущего бургомистра за короткое время увеличилось в пять раз и продолжало понемногу расти, после того как он основал в Нюрнберге вместе с Гансом Хойссом торговое общество (1511)⁸. Не менее успешно развивалась предпринимательская деятельность членов семьи Цили, активно занимавшихся торговлей шелком, шафраном и инжиром и имевших прочные деловые связи с Венецией. Именно благодаря финансовой помощи Цили, Якоб Цвингли, брат знаменитого реформатора, смог оплатить курс обучения в Вене, а Доминик Цили получить место проповедника в городской церкви святого Лоренцо, которая, будучи оплотом протестантизма в этой области, соперничала за сферы влияния с местным католическим монастырем.⁹ Упомянутый выше Цили из-за своей дружбы с баптистами просто не мог, как говорят в Восточной Швейцарии об идейных противниках, играть на одной сцене с Вадрианом. Впрочем, к Елене Штудер вряд

⁶ Locher, Hans: Theophrastus Paracelsus Bombastus von Hohenheim, der Luther der Medizin und unser grösster Schweizerarzt, Zürich 1851, S. 18. Эта восторженная титулатура тесно связана с атмосферой, характерной для времени основания федерации (1848), и 500-летием со дня вступления Цюриха в Швейцарский союз. Юбилейная биография, написанная Лохером на хорошем историческом уровне, противостоит негативным оценкам личности и достижений Гогенгейма, которые высказывались многими швейцарскими врачами начиная с эпохи Просвещения.

⁷ Peyer, Hans Conrad: Leinwandgewerbe und Fernhandel der Stadt St. Gallen von den Anfängen bis 1520, Bd. II, St. Gallen 1960, S. 47, S. 82. Stadtarchiv St. Gallen: Steuerbücher 1490–1530. Persönliche Mitteilung von Viktor Schobinger.

⁸ Peyer, a.a.O., S. 52f.; Staerkle, S. 41, 45, 138 mit Verwendung von: W. Ehrenzeller: Geschichte der Familie Zili in St. Gallen, St. Gallen 1928.

⁹ Staerkle, a.a.O.

ли можно применить парацельсистскую формулу «звезды-прародительницы» (XIII, 390). В бургомистерском доме она отвечала за материальную, хозяйственную часть жизни, которую остальные члены семьи часто даже не замечали. Ни сам бургомистр, ни его предприимчивый зять, ни домашний доктор по имени Гогенгейм не задумывались о том, что стояло за вкусной пищей, теплой постелью, чистотой и порядком и общей уютной домашней атмосферой.

Гогенгейм у Кристиана и Елены Штудер. Каким образом Парацельс узнал о болезни бургомистра? Возможно, Шовингер сам навестил своего странного приятеля и пригласил его к одру больного. Мы также можем предположить, что, напротив, доктор посетил Шовингера в его опрятном домике, где все дышало сытостью и довольством. Вообразив двух друзей, коротающих время в дискуссиях об алхимии за бутылкой заморского вина или рейнвейна, мы можем впасть в искушение именно так представлять себе уровень и качество жизни в эпоху Ренессанса. Однако указания источников побуждают нас более трезво смотреть на повседневные реалии того времени. Как уверяют врачи, сведущие в виноделии, многие сорта вин, которые были распространены в Восточной Швейцарии, такие как, например, «Кельхаймер», производившийся в Баварии, вызывали после их употребления боли в желудке (XI, 95). Эту оценку не меняет даже стилизованная в духе гуманизма реклама Вадияна, который говорит о «хороших, свежих, здоровых винах, большей частью красных или, реже, более светлых тонов»¹⁰. Если верить свидетельствам современников, в 1529 году «вино было таким отвратительным, что его никто не мог пить, предварительно не поморщившись». Кроме того, что вино 1529 года обладало омерзительными вкусовыми качествами, оно еще вызывало желудочно-кишечные болезни (KS, 335). В Восточной Швейцарии это вино называли не иначе как «сохрани нас, Боже»¹¹. В 1530 году ситуация несколько улучшилась, однако вино все равно продолжало оставаться на редкость плохим.¹² Что же касается 1531 года, то к опи-сываемому времени сбор урожая еще не был закончен.

Если же вкусовые недостатки вина восполнялись дорогими импортными деликатесами, возвышенная беседа между Шовингером и Гогенгеймом о состоянии научного знания вообще не могла иметь места. «Мой язык не пригоден для болтовни. Его назначение – работать, творить и обличать ложь» (II, 3, 168), – писал доктор немного позже. Маловероятно, что личный опыт Бартоломе Шовингера может опровергнуть приведенное выше высказывание. Даже если предположить, что наш странствующий доктор находил в состоятельном приятеле интересного и увлекательного собеседника, то последний вряд ли был способен сполна насладиться беседой своего визави. В более позднем своем письме Шовингер, говоря о госте, с горечью отмечает, что «с трудом понимает некоторые написанные им вещи, и именно это является причиной, почему его книги и врачебное искусство не принесут пользы последующим поколениям медиков»¹³.

Несмотря на все усилия, Гогенгейм не мог окончательно вылечить больного бургомистра. Престарелый отец города находился уже в том возрасте, когда, по словам самого врача, составившего тайный комментарий к 89 псалму, «мы лишаемся прежнего облика, у нас отнимаются ноги, ступни и разум, а все возможные болезни в одночасье сваливаются на нашу голову» (II, 4, 219). Важной частью лечения таких пациентов являются социальные компоненты, поведение супруги, членов семьи и домашней челяди, которые, как говорится в базельском комментарии к Гиппократу, должны составлять «единое сердце» с больным. Людям, которые «готовят ему еду», «ждут, поднимают и укладывают его», необходимо про-

¹⁰ Rüschi, Ernst Gerhard: Vadian und der Thurgau, Thurgauische Beiträge zur vaterländischen Geschichte, Helt 121 (1983), S. 7.

¹¹ Kläui, Paul: Chronik Bezirk Hinwil, Zürich 1944, S. 111.

¹² Pfister, Christian: Klimahistorische Daten, 16. Jahrhundert, Computerausdruck, Bern 1990, S. 25.

¹³ Sudhoff, Karl: Paracelsus-Forschungen II, Frankfurt 1889, S. 144 (из собрания «химических» манускриптов Й. Исаака Фосса Лейденского университета).

никнуться теми же мыслями, чувствами и желаниями, что и у объекта их забот. В создании такой «сердечной» атмосферы вокруг постели больного принимают участие как сам пациент, так и его лечащий врач. Внимательное отношение к больному, милосердие и сочувствие входят в число наиболее важных обязанностей любого доктора. Там, где нет сердечного согласия и «домашние настроены враждебно по отношению к отцу семейства, – что остается делать врачу?» (IV, 498).

Придерживаясь такого убеждения, Гогенгейм совершенствовал свое врачебное искусство и одновременно мог со спокойной совестью предаваться научным занятиям. Однако окружавшая его мирная обстановка не вполне соответствовала настроению чудаковатого доктора и мешала удовлетворять снедавшую его страсть к новым исследованиям и открытиям. Девизом Гогенгейма в это время стала максима, вошедшая в «Книжечку о нимфах»: «Как больной нуждается в докторе, так и вещам нужен философ» (XIV, 119). Однако, сидя за печкой, невозможно стать хорошим космографом или географом. «Разве не создает наглядное представление основу для зрения?.. – писал Гогенгейм. – Ловелас готов проделать целый путь для того, чтобы встретить красивую женщину, а что уж говорить о страстном любителе какого-либо искусства, стремящемся глубже познать его!.. Те, кто сидит за печкой, едят жареную индейку, а познающие искусство питаются молочным супом» (XI, 145).

Искусство никогда не бежит навстречу ищущему. Наоборот, его нужно искать, а найдя, стараться не упустить из виду (XI, 142). В этом смысле спокойная и размеренная жизнь у Кристиана Штудера не могла затянуть или увлечь того, кто сделал беспокойство принципом своего существования.

И все же многое говорит о том, что удобная кровать и регулярный стол сыграли не последнюю роль в появлении на свет сочинения «Парамирум» и в разработке труда «О невидимых болезнях», которые были написаны в период пребывания Гогенгейма в Санкт-Галлене. *Vita brevis, ars longa*.¹⁴ Это крылатое выражение не оставляет свободного времени тем, кто постоянно держит его в уме. Рютинер пишет: «Его усердие столь велико, что он спит крайне мало, даже не снимая одежды. Обутый в сапоги со шпорами, он дремлет в течение двух-трех часов, а затем снова хватается за перо»¹⁵.

Эта заметка, которая, по свидетельству автора, сделана неким магистром Симоном, очень примечательна, поскольку содержит информацию о том, что Гогенгейм нередко сам держал в руке перо. Обычно он диктовал свои книги слуге или ассистенту. Один из них, Иоганн Хербстер из Базеля, известный под прозвищем Опоринус, в воспоминаниях о Гогенгейме описал некоторые привычки своего учителя, во многом напоминающие те, о которых пишет и упомянутый выше Симон.¹⁶

Но вот первые лучи солнца возвестили о наступлении 28 октября, которое в 1531 году пришлось на субботу. В тех случаях, когда Гогенгейм проводил всю ночь под кровом своего гостеприимного хозяина, он уже с раннего утра был на ногах. Для кальвинистского населения Санкт-Галлена пять часов утра являлись временем утренней молитвы (KS, 385). Что же касается человека, готовящегося к отъезду, то в XVI столетии, как, впрочем, и несколько веков спустя, он начинал собираться в путь с первыми петухами. Мы не зря рассказываем об этом, поскольку описываемым субботним утром Гогенгейм готовился к отъезду. Один или с несколькими попутчиками, он выехал в направлении Боденского озера, где располагался монастырский комплекс, включавший в себя и небольшой порт, неподалеку от которого «стоял прелестный домик». Оттуда Гогенгейм намеревался отплыть в Констанц или Юбер-

¹⁴ Rütiner, Johannes: *Diarium*, I. Fol. 84a–84b (оригинал написан на латыни).

¹⁵ Domandl, Sepp (Hrsg.): *Paracelsus, Werk und Wirkung, Festgabe für Kurt Goldammer zum 60. Geburtstag*, Wien 1975, S. 391f.

¹⁶ Watt, Joachim von (Vadianus): *Deutsche Historische Schriften*, hrsg. von Ernst Götzinger, Bd. II, S. 443 (цит. по Rüscher, G., Vadian und der Thurgau, S. 8).

линген.¹⁷ Несмотря на ностальгические воспоминания Гогенгейма, у нас нет достаточных сведений для подробного описания коттеджа Шовингера, удачно вписывавшегося в горный альпийский пейзаж. Можно лишь с достоверностью предположить, что он был построен не раньше 1546 года, а во владение к Шовингеру попал не раньше 1566 года.¹⁸ К сожалению, мы также не владем хоть сколько-нибудь надежными свидетельствами о контактах Гогенгейма с аптекарями, врачами и учителями Констанца. В то же время нам известно, что осенью 1531 года его сочинение о комете появилось на полках книготорговых лавок города (IX, 392).

Из сухопутных дорог любознательный путешественник мог выбрать либо имперскую дорогу на Констанц, тянущуюся вдоль живописного берега Боденского озера, либо равноценные пути на Арбон или Роршах. Везде, где бы Гогенгейм ни останавливался, он завязывал контакты с местными школярами. До нас дошли подробные описания таких встреч. В них Гогенгейм фигурирует под именами *небесного аптекаря* (XII, 189), *небесного учителя* (XII, 192), *Аполлона*, а также «учителя, которого Бог поставил в невидимой школе, устроенной на небесах» (XII, 190). Что эти поэтические прозвища означали в каждом конкретном случае, можно понять, только углубившись в контекст повествования, снабженного осторожными комментариями.

Когда рассвело, бодрящую утреннюю прохладу сменила изнуряющая дневная жара, которая уже несколько недель не выпускала из своих объятий эту часть швейцарской земли.¹⁹ Впрочем, погода как нельзя лучше гармонировала с унылой политической ситуацией, сложившейся после поражения протестантов в минувший вторник. Однако в описываемое время уже наметились первые признаки некоторых изменений. 28 октября по юлианскому календарю солнце над Боденским озером взошло в 6 часов 47 минут утра. На небе появились редкие облака, а знойный южный ветер уступил место легкому северо-восточному бризу. Рыбаков с Романских Альп и корабельщиков с лодочных пристаней Штаунена и Горна, членов кальвинистских общин, ютившихся по периметру Боденского озера, к которым относился и Арбон, эти климатические изменения удивили. Дальнейшие события заставили их изумиться еще больше.

Гогенгейм пишет, что утром «между шестью и восемью часами» через Боденское озеро с юга на север протянулась громадная радуга, которую очевидцы могли наблюдать в течение одного-двух часов (IX, 403). В это время суток радуга редко появляется на небе. Такой максимальной высоты она достигла только благодаря восходу солнца. Эта естественная взаимосвязь была хорошо известна Гогенгейму, однако в тот момент его мало занимало указанное обстоятельство. Гораздо важнее для него было то, что радуга указывала в ту сторону, откуда два месяца назад появилась ужасная комета. Это безымянное небесное тело было названо позже Галлеем по имени человека, рассчитавшего его периодичность. Вплоть до XX века появление этой кометы вызывало у людей панику, ужас и беспокойство.

Такое удивительное явление природы, как радуга, с незапамятных времен обросло в народе различными названиями и легендами. Например, в Швабии ее называют «небесным кольцом», которое таинственным образом забирает воду на небо. В Таиланде считают, что радуга «качает воду из моря»²⁰. В районе «немецкого моря» (VIII, 140), как Гогенгейм в одной из своих заметок называет Боденское озеро, радугу именовали «облачным дышлом», которое с давних пор указывало на перемену погоды. Эта примета «хорошей» (IX, 407) и «дождливой» (XIII, 206) погоды была хорошо известна Гогенгейму. Народные традиции кон-

¹⁷ Mitteilung von Viktor Schobinger. Vgl. Schobinger, Viktor: Geschichte der Schowinger, Zweites Heft, Die Münchner Schobinger im 16. Jahrh/Von der Schobingerschen Handelsgesellschaft, Wädenswil 1969, S. 54.

¹⁸ См. примечание 8.

¹⁹ Bächtold-Stäubli, Hanns: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, Berlin und Leipzig 1936, Bd. 7, S. 587.

²⁰ Mitteilung von Max Tobler, Lehrer u. Historiker, Romanshorn. Под «долиной» имеется в виду ближайшая окрестность.

сервативны, так что и спустя 450 лет после его смерти в Романских Альпах широко распространена пословица:

Радуга над озером – утром солнце светит,
Над долиной радуга – утром дождик льет.²¹

К тому времени, когда радуга величественно и изящно изогнулась над водными просторами Боденского озера, Гогенгейм по праву мог считаться одним из лучших экспертов своей эпохи в области метеорологии и был способен лучше, чем кто-либо другой, объяснить этот удивительный феномен. Однако мало кто знал об этом, поскольку труд ученого «О метеорах» при его жизни не был напечатан. Наблюдения и размышления Гогенгейма о погоде, относящиеся к описываемому периоду, сохранились в его знаменитых календарных текстах (с 1529 года). У него были две возможности: либо попытаться объяснить небесные явления «естественным образом» (IX, 337), либо, как в случае с кометой, «искать толкование в том, кто сотворил свет (природу)» (IX, 337), то есть прибегать к гомилетическому истолкованию на основе библейских текстов. На тот исторический момент, когда выжившие во время Каппельской войны стремились тайком проникнуть в Восточную Швейцарию, а немногочисленные общины, рассеянные по берегам Боденского озера, боялись открыто исповедовать свою веру, публикация натурфилософского сочинения была бы несвоевременной, тем более что ни одно из естественнонаучных творений Гогенгейма тогда еще не было опубликовано. Возможно, он немало написал об увиденной радуге, однако до общественности дошли лишь жалкие крохи. И мы имеем в своем распоряжении только небольшое произведение, скорее напоминающее листовку. Его название звучит так: «Толкование радуги, раскинувшейся через Боденское озеро в 1531 году, каковое знамение упразднило угрозу надвигающейся катастрофы, предвозвещенной кометой в августе». Такого рода тексты хотя и обладали смелыми перспективами, лишь на короткое время заняли место религиозной литературы назидательного характера. Благодаря Реформации рассуждения о свободе христианина можно было слышать повсюду. Поэтому тексты авторов, подобных Гогенгейму, несмотря на то, что публиковались от случая к случаю, распространялись преимущественно из-под полы и часто без особого восторга принимались окружающими. Примечательно, что до потомков дошел только один-единственный экземпляр, сохранившийся в библиотеке процветающего издателя того времени Густава Фрайтага (IX, 20). Оттуда он впоследствии перекочевал в городскую библиотеку Франкфурта-на-Майне. Там его и нашел в 1900 году Карл Зюдхофф, ведущий исследователь творчества Парацельса и издатель его сочинений в нашем столетии. Место печати указано не было, но, по всей вероятности, издание сочинения – дело рук цюрихского печатника Фрошауера.

Что означала радуга для Гогенгейма? Как объяснял он себе ее зарождение, появление на небе, происхождение цветовой гаммы? Что означало это небесное явление в системе апокалиптических предзнаменований?

Для ответа на эти вопросы недостаточно рассмотреть все детали сочинения о радуге. Необходимо также учитывать и остальные произведения нашего автора, хотя можно предположить, что из чувства самозащиты он преднамеренно дистанцировался от естественного, языческого и «саддукейского» истолкования феномена радуги (IX, 407). При этом, как нам представляется, различие между общим учением о радуге, основанном на научных выкладках и разрабатываемом в рамках естественных наук, и истолкованием этой конкретной радуги, овеванной духом пророчества, имеет немаловажное значение.

²¹ Zihlmann, Josef: Die Bergmännchen auf der Nagelfluh. Tages-Anzeiger v. 6. November 1985. Ders.: Volkserzählungen und Bräuche, Hitzkirch 1989, S. 135.

В точке пересечения указанных выше двух типов объяснений находится поразительная в научном отношении мысль, которая составляет ядро опубликованного «Толкования». Речь идет об особом роде теории гашения. Появление радуги (которую в сочинении автор называет аркой или мирным луком, как будто на общеупотребительное обозначение радуги было наложено табу) означало, что предзнаменование, связанное с кометой, потеряло прежнее значение, «все равно как если бы горящий хворост был потушен водой» (IX, 407). Проще говоря, радуга, раскинувшаяся над Боденским озером, упразднила страхи, связанные с явлением кометы. В своем толковании Гогенгейм обращается к опыту рабочих горнорудной и металлургической промышленности. «Когда дерево сгорает, образуется уголь, который после непродолжительного мерцания разрушается и превращается в пепел. Пепел же смешивается с землей, которая поглощает его и полностью вбирает его в себя» (I, 407).

Образный язык сочинения Гогенгейма не следует понимать как объяснение причинно-следственной связи и критиковать автора с позиций современного уровня естествонаучного знания. Скорее здесь говорится о взаимосвязи двух символов, толкуемых с точки зрения временного «астрального» соотношения и одновременно с учетом того, что любой верующий понимает под конечной целью всех вещей. «Истинность» этой теории вступает в корреляцию с истинностью и правдивостью двух природных явлений. Ее нельзя рассматривать изолированно. Напротив, указанную теорию необходимо соотносить с человеком и его ощущениями, с коллективом и исторической ситуацией. Только тогда то, что кажется нам по-детски наивным, раскроется как выражение мифологического мирозерцания. В отдельных случаях нас, наоборот, поразит точность некоторых наблюдений, свойственная в большей степени следующему столетию.

Для Гогенгейма с его опытом и знаниями, его провидческим и даже пророческим характером, радуга стала образом, полным фантазии, красоты, смысла, и поистине великолепным зрелищем.

В концепциях и дополнениях к произведению «О метеорах», которые были в рукописном варианте представлены Иоганну Хузеру, первому издателю творений Парацельса, мы находим запись, относящуюся к 1589 году, которая, как представляется на первый взгляд, не относится напрямую к основной теме работы: «Рождение и становление радуги подобно рождению женщины» (XIII, 211). В конце сочинения объясняются феномены двойных и тройных радуг, названных в одном месте близнецами. Они сравниваются с двойняшками и тройняшками. Вырываясь за рамки проводимых аналогий, Гогенгейм пишет, что радуга в течение 40 недель развивается невидимо для человеческого зрения из особой «звезды, расположенной под твердью», до тех пор, пока в условиях «мягкой погоды» не пробьет час ее явления миру. Появляется «субтильная и нежная (радуга), которая порой очень быстро распадается». Краткосрочность полноценного периода этого небесного явления Гогенгейм сравнивает с краткостью человеческого существования, и следует заметить, что этот прием нередко встречается в его сочинениях. «Возьмем, к примеру, ребенка и столетнего старика, – пишет он, – неужели кто-либо полагает, что временное расстояние, существующее между ними, поможет кому-то из них избежать смерти?» (XIII, 212). В соответствии с ранними работами Гогенгейма его знаменитый «Парамирум» упоминает также и о «внутренних планетах» человека, находящихся в постоянном вращении, независимо от возраста последнего.

Созерцание радуги было для Гогенгейма не только источником натурфилософских открытий, но и настоящим наслаждением, которое с несвойственной стилистике ученого нежностью выражено в его произведении. «Для чего нам потребны глаза и язык? ...Для того чтобы посредством них восхвалялся Бог в своих творениях» (XIII, 212). Далее он сравнивает величие радуги с красотой цветов. В этом сравнении перед нами раскрывается парацельсистское восприятие удивления как начала всякой философии: «Смотрите же, какую прекрасную форму он (Творец) создал для роз и лилий. Эта форма не приносит никакой пользы, но

лишь удивляет и поражает зрение» (XIII, 212). Человек рождается зрителем, а становится созерцателем! Здесь нет и следа целевого мышления, свойственного аристотелизму, которое господствовало в натурфилософии вплоть до эпохи Просвещения.

Беря начало из небесного лона, радуга подобна «цветку, который из себя рождает листочки и лепестки». Однако ее «корни» находятся не в земле, а «вверху, так что она должна расти вниз, отталкиваясь от своей почвы, а не стремясь к ней» (XIII, 213). Таким образом, радуга в изображении Гогенгейма предстает как звездное цветоложе. Небесная твердь в зеркальном отображении становится нашим небесным садом, населенным алхимиками и учителями *sui generis*²², а также их помощниками или таинственными пенатами. Последние наделены особыми силами и имеют духовную сущность. Составляя касту небесных художников и поэтов, эти радужные кобольды придают радуге ее алхимическую сущность (XIII, 205). Два или три солнца, появляющиеся порой на небе вместе с радугой, или аналогичное количество лунных светил, зафиксированные в «Саббате» Иоганна Кесслера 27-м февраля 1527 года, также следует считать делом их рук (KS, 243). Пенаты появляются «и употребляют свое умение» (XIII, 193) не только для того, чтобы предсказывать людям погоду, но и, как в случае с Содомом и Гоморрой, указывать на признаки духовного и физического вырождения. Уже в XX столетии представления такого рода были распространены в люцернской долине. Йозеф Цильманн, швейцарский исследователь народных обычаев, указывает, что самым широко известным признаком изменения погоды является артиллерийская пальба, устраиваемая накануне гномами и карликами.²³

В небесной мастерской пенатов было достаточно инструментов, чтобы они могли, к внящему удивлению хронистов, изготовить из меди второе солнце и дополнительную луну. Помимо этого они «окружают солнце и луну ореолом, радугой или другого рода знаменами различных цветов» (XIII, 205). В этой связи нельзя не упомянуть также об особо таинственной лунной радуге.

То, что, согласно этой теории, радуга, с одной стороны, является творением, а с другой стороны, рождается самостоятельно, только кажется противоречием. Используя образный язык, Гогенгейм высвечивает интересующий его феномен, часто рискуя быть неправильно понятым. Все явления материального и духовного миров интересовали его с точки зрения их провиденциального наполнения. Таинственные знамения, скрытые в них, он воспринимал как предсказание, естественное откровение или знак, имеющий простое практическое значение, что для него, как врача, было особенно важно.

Воспринимаемая как пророческий знак радуга, по библейской традиции, несла в себе весть о мире и согласии. В натурфилософском истолковании она, напротив, «вместе со всеми своими красками представляет не что иное, как соединение серы, соли и ртути» (XIII, 206). В натурфилософском тоне выдержана и следующая заметка Гогенгейма: «Радуга берет свои краски от попавшей в огонь соли и других элементов огня. Помимо красок, получаемых из огненной сущности, радуга не содержит в себе других элементов. Когда вы видите пламя и бросаете туда соль, она окрашивает огонь в зеленый, желтый, голубой, коричневый, красный и другие цвета, не смешивая их друг с другом, но отделяя один от другого. Так же и радуга разделяет цветовые слои, которые она получает с помощью духа соли, скрывающегося в элементах огня» (XIII, 211f).

Какое значение имеет такая объяснительная модель радуги? В противоположность теории Роджера Бэкона, который за три столетия до Гогенгейма справедливо объяснял появление радуги как результат преломления света в каплях воды²⁴, в противоположность мнениям

²² Darmstaedter, Ernst: Paracelsische Auffassungen über Farben-Erscheinungen, Acta Paracelsica Heft 5 (1932), S. 126.

²³ Spinoza, Baruch de: Algebraische Berechnung des Regenbogens, Berechnung von Wahrscheinlichkeiten, Hamburg 1982.

²⁴ Betschart, Ildefons: Theophrastus Paracelsus, Der Mensch an der Zeitenwende, Einsiedeln 1941, S. 35f.

Спинозы и Ньютона²⁵, Гогенгейм считал появление на небе цветовой гаммы не столько физической, сколько химической проблемой. Вместе с тем он был далек от чисто химического изучения феномена радуги, активно включая в свои рассуждения алхимические и магические представления. Он рассматривал радугу не с точки зрения оптики, а, скорее, как таинственное огненное творение кобольдов, изготавливаемое ими на основе трех биохимических и одновременно биоспиритуальных принципах – соли, ртути и серы, которым посвящена книга Гогенгейма, увидевшая свет весной 1531 года. Соль олицетворяла твердую сущность, обладавшую большой сопротивляемостью. Ртуть служила воплощением жидкого и текучего принципа. Сера считалась проявлением огненной природы. Материальными примерами трех алхимических принципов выступали соответственно соль, ртуть и сера, используемые в повседневной жизни. В своей «Книге об образах» Гогенгейм различает шесть цветов: черный, белый, желтый, красный, зеленый и голубой. В другом сочинении он насчитывает уже семь цветов, которые находятся в тесной связи с планетами и металлами, в результате чего выстраивается следующая последовательность: Сатурн – свинец – зеленый; Меркурий – ртуть – желтый; Венера – медь – индиго; Юпитер – олово – голубой; Марс – железо – красный; Луна – серебро – фиолетовый; Солнце – золото – оранжевый.²⁶

Эрнст Дармштедтер в своем исследовании «Взгляд Парацельса на цветовые явления» выдвигает предположение о том, что сведения, содержащиеся в работах Гогенгейма, об изменении цвета пламени были получены им во время экспериментов с различными металлами и их соединениями. Так, зеленый или мареновый оттенок мог быть получен благодаря меди, свинец и сурьма давали бледно-голубой цвет, а поваренная соль (натрий хлор), попадая в огонь, расцветивала пламя желтыми красками. Эти наблюдения, сделанные в алхимической лаборатории, были по аналогии перенесены на радугу.²⁷

О взаимосвязи между парацельсистской алхимией и красками упоминал и Гете в своих «Материалах по истории учения о красках». Представляя в конспективной форме первоначальное учение о ртути, сере и соли, он пишет о том, что Парацельс выводил происхождение красок из свойств серы, «вероятно, потому, что, по мнению знаменитого алхимика, воздействие кислоты на цвет и цветовые явления имело решающее значение, а сера, согласно весьма распространенным представлениям, содержала в себе максимальную концентрацию кислот. Если, следуя означенным рассуждениям, каждый элемент имеет свою долю в сере, понимаемой таинственно и мистически (как первооснова цвета), то процесс возникновения красок в самых различных случаях становится прозрачным и легко объяснимым»²⁸.

Впрочем, о хоть сколько-нибудь законченной теории цветов радуги, разработанной Гогенгеймом, не может идти и речи. В одном случае в основе происхождения цветов лежит принцип соли, в другом возникновение красок выводится из принципа серы. Последний вариант представлен в «Парагрануме» (1530) – важном программном сочинении Гогенгейма: «В сере содержатся желтая, белая, красная, коричневая и черная краски. Каждая краска обладает свойственными ей одной силой и добродетелью. Все прочие вещи, включающие в себя такие краски, помимо своих добродетелей имеют и те, которые хранятся в данных красках» (XIII, 192). Рассуждения Гогенгейма о «добродетели» в данном контексте очень напоминают пассажи некоторых работ Гете²⁹, в которых поэт говорит о морально-нравственном воздействии красок. Гогенгеймовская «добродетель» раскрывает сущность размышлений ученого о красках вообще и о радуге в частности. Гогенгейм пытается выявить логос

²⁵ Darmstaedter a.a.O., S. 122.

²⁶ Goethe, Wolfgang, Sämtliche Werke in 18 Bänden, Zürich 1950, Bd. 16, S. 390.

²⁷ Goethe, a.a.O., S. 206ff.

²⁸ Spiess, Johann: Historia von Doktor Johann Fausten, Stuttgart 1960, S. 119f.

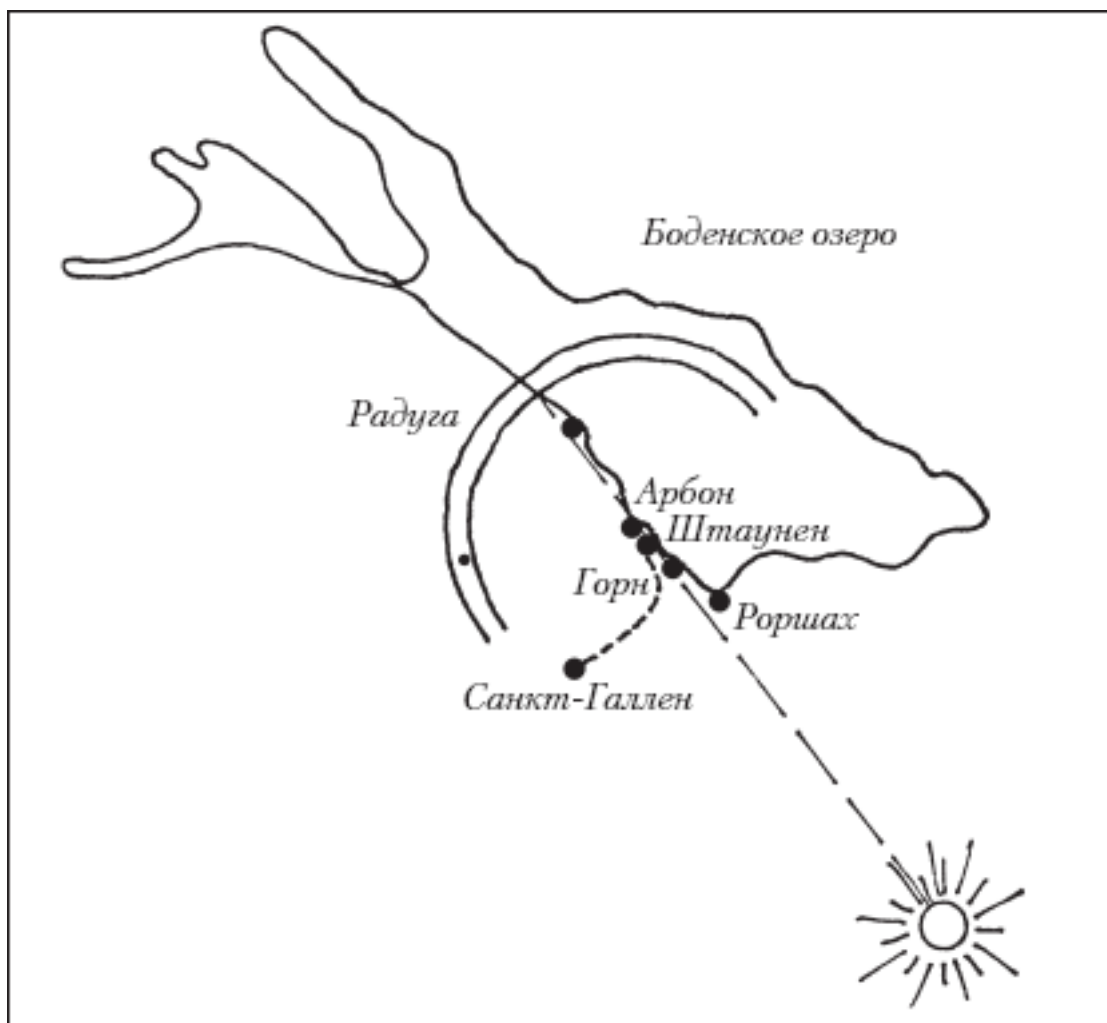
²⁹ Goldammer, Kurt: Der göttliche Magier und die Magierin Natur, Stuttgart 1991, S. 18f.

всех вещей, для того чтобы безошибочно толковать знамения природы и сверхприродного мира, которые мы постоянно наблюдаем в нашей жизни и которыми нередко руководствуемся. Сюда относятся как знамения, являемые глобальным организмом – природой, планетой и макрокосмом, так и те симптомы маленького мира человеческого тела, которые открываются взгляду и ощущениям опытного врача.

В конце октября 1531 года Гогенгейм прекрасно знал, какие из его суждений о радуге будут приняты окружающими, а что следует сохранить в тайне. Общественный страх перед надвигающейся катастрофой вряд ли мог стать благодатной почвой для обсуждения вопросов о том, берет ли радуга свое происхождение из серы или из соли, о таинственных изображениях пенатов и о радуге как творении женской природы. Следует сказать, что в теологических работах Гогенгейма начала 1530-х годов и без того появляется немало свидетельств о постепенно увеличивающихся сомнениях автора в необходимости натурфилософских исследований. Так, астрономии он называет «несамодостаточной» дисциплиной, медицина в его представлении распространяет свои милости лишь на избранное число больных, наконец, философия содержит в себе, по словам Гогенгейма, «такое количество язвительной иронии... что воистину стала она моим крестом и будет продолжать мучить меня вплоть до смерти» (II, 3, 169).

То, что Гогенгейм предложил для печати, выполняло в духовном смысле санитарную функцию, способствуя установлению в обществе мира и спокойствия. Трактат смягчал апокалиптические настроения и своим спокойным тоном и выдержанным стилем изложения подрубал основы эсхатологических конструкций. Гогенгейм начинает свое повествование от лица самой радуги, которая, появившись на небе солнечным субботним утром, в подтверждение своих мирных намерений ссылается на соответствующее место в Библии: «Смотрите, чтобы не было ваше бегство зимою или в субботу, говорит Господь... знайте же, что я возвещаю вам лето, которое является лишь подготовкой к зиме». В свою очередь осенью автор рассказывает своим читателям о лете, изображая его как время цветения и созревания, как царство Божье, которое в его работах идентифицируется с блаженной жизнью в новозаветном понимании. Следуя за евангелистами Матфеем (24:29–31) и Марком (13:24–25), Гогенгейм представляет радугу как знак времени, который, будучи истолкованным вне связи с искусством саддукеев, имеет благое и целительное значение. В самом названии произведения о радуге было крупными буквами написано, что это небесное знамение отменяет неурядицы, «которые предвозвестила комета». То, что автор в дальнейшем изложении предостерегал любознательных читателей от попыток астрологического толкования, было скорее выпадом в адрес конкурентов – многочисленных составителей календарей, чем отступлением от своих прежних мыслей. Комета оставила на небе «свой хвост, как если бы она хотела смести с небесной тверди все звезды» (IX, 409). Теперь же «недружелюбное знамение потеряло свое прежнее значение» (IX, 407). Из всего вышесказанного видно, что Гогенгейм в своем сочинении не обещал читателям золотых гор, но просто призывал их к терпению и евангельской жизни.

Это, пожалуй, единственное недвусмысленное толкование значения радуги, которое можно найти у Гогенгейма. Другие попытки ученого осмыслить это небесное явление либо неизвестны, либо овеяны таинственным туманом: «Все знамения покоятся в руке Божией, и коль скоро Господь крепко их держит, никто из нас не может правильно судить о них. Они находятся в постоянном изменении и вследствие этого оставляют астрономов с носом» (XIII, 408).

Реконструкция радуги. 28 октября 1531 года

© Christoph Frauenfelder

По своему целебному воздействию радуга сравнима с лекарством. Вопреки безумному стремлению доктора Фауста, ее квинтэссенцию нельзя потрогать руками.³⁰ «Любое лекарство, принимаемое больным, спиритуально по своей сущности. Попадая в организм, оно сохраняет свою форму, подобно радуге, раскинувшейся по небу, создавая зеркальное изображение» (XI, 209). Именно изображение производит лечебный эффект в соответствии с основными принципами естественной магии.

Врач и пророк – таким предстает Гогенгейм перед нами на восходе солнца, наблюдаемом по обеим сторонам Боденского озера более 460 лет тому назад. Возвышенность духа, призванная, по мысли Канта, напоминать нам о нашем нравственном устроении, и смирение, присущие личности ученого и теолога, выступали на первый план, когда он, оставив в стороне свойственное ему упрямство, устремлялся на помощь людям и умирал волны охваченного паникой общественного океана. В конце своей работы о радуге он сам скромно именуется Теофрастом-интерпретатором или попросту толкователем. За год до этого в одном из латинских писем он мягко иронизировал по поводу эпитета «*vates et medicus*» (провидец и врач), которым снабдил его один нюрнбергский доктор, обратившись к адресату с просьбой «люби меня». В «Великой астрономии», изданной в 1537 году, он, глядя на мир с высоты всеобъемлющей космологии, чрезвычайно высоко оценивает статус врача и про-

³⁰ Sudhoff, Karl: Paracelsus, Ein deutsches Lebensbild aus den Tagen der Renaissance, Leipzig 1936, S. 74.

рока: «Разве есть на свете что-нибудь скрытое от подлинного пророка или неизвестное ему? И кого можно поставить превыше доктора? Они словно бы объаты пламенем, и, подобно огню, сверкают они своими трудами» (по XII, 320).

В нравственном понимании врач и пророк выступают защитниками правды и справедливости. Именно в этом смысле в книге «Парамирум», написанной в Санкт-Галленский период, употребляется образное понятие огня: «Доверять другому человеку можно лишь в той степени, в какой он испытан огнем. Так же и лекарство, не будучи испытано огнем, не способно пробудить в больном веру. Как уже было сказано, из огня рождается врач. Этому учит и алхимия, которую еще называют „спагирия“: она учит отделять ложное от справедливого» (IX, 55).

История – это алхимический процесс постепенного сгорания. Человек, наделенный божественной силой, может совершать великие поступки. Он должен идти вперед и, даже спотыкаясь и падая, всего себя отдавать любимому делу.

Глава II

«Правда в дыре»

Каждый дом имеет свое собственное знание всех природных вещей.
(XIV, 115)

«В 1532 году в этом доме в качестве гостя Варфоломея Шовингера жил знаменитый врач Теофраст фон Гогенгейм, известный как Парацельс». Эти слова можно прочесть на стеклянной витрине, открывающей вход на лестницу роскошного дома преуспевающего санкт-галленского бюргера. На представленном здесь же графическом рисунке изображены двое мужчин: почтенный отец семейства с окладистой бородой и его плешивый гость в зеленом пальто и сапогах. Художник изобразил обоих мужчин в тот момент, когда они сердечножимают друг другу на прощание руки. Если бы Йозеф фон Шеффель, прославивший Санкт-Галлен своим бестселлером «Эккехард» (1855), мог принять участие в составлении памятной надписи под рисунком, то она, по всей видимости, звучала бы следующим образом: «Мы, немцы, любим друг друга»³¹.

То, что до наших дней сохранились памятные надписи, посвященные Парацельсу, можно считать удачей. Аналогичные таблички с именем Гогенгейма есть и в уже знакомом нам прелестном домике в местечке с красноречивым названием Вархайт им Лох («Правда в дыре»), а также на площади святого Галла, расположенной напротив монастырского комплекса. Следы пребывания Гогенгейма на земле настолько призрачны, что вырезанные на деревянной и бронзовой пластинах, и даже якобы достоверные, указания на место его рождения в районе Чертова моста и на так называемый дом Парацельса в баден-вюртембергском Эсслингене вызывают вполне справедливые сомнения и требуют к себе критического отношения.³² В большинстве случаев такие указания действительно имеют определенную связь с биографией Гогенгейма, однако при ближайшем рассмотрении они, как правило, несут в себе иную смысловую и фактическую нагрузку.

Так, например, многие данные подтверждают факт пребывания базельского врача у Кристиана Штудера. Однако 30 декабря 1531 года бургомистр умер. В некрологе, написанном Кесслером, он ележно назван «человеком, который в наше смутное время не щадил себя, усердно исполнял свои обязанности на ниве установления справедливости и всем сердцем любил правду» (KS, 385). В то же время предположение Карла Зюдхоффа о том, что после смерти своего хозяина Гогенгейм переехал к Шовингеру, источники не подтверждают. В этом смысле для нас представляет интерес письмо Бартоломе Шовингера к неизвестному адресату, написанное в более поздний период. В нем отправитель прямо пишет о том, что он «хорошо знал Теофраста, который провел 27 недель в доме моего блаженной памяти тестя»³³. О переезде Гогенгейма в дом Шовингера не сказано ни слова, хотя упоминание об этом было бы самым веским аргументом, подтверждающим тесное личное знакомство врача и предпринимателя.

Однако встреча Гогенгейма с Бартоломе Шовингером и его старшим братом Иеронимом, независимо от многочисленных сомнений относительно времени, места и условий пребывания ученого в Санкт-Галлене, все же зафиксирована в памятной надписи. В этом нет ни

³¹ Meier, Pirmin: Vom feinen Liedlein und dem finstern Grund, Scheffels romantische Weltflucht und das Seetal, Seengen 1986, S. 13.

³² Sudhoff, Paracelsus, Ein deutsches Lebensbild, S. 68.

³³ Sudhoff, Paracelsus-Forschungen II, S. 144.

малейшего намека на воссоздание картины немецкой мужской идиллии эпохи Ренессанса. Скорее изображение и надпись служат примером тех вступающих в силу передовых ориентиров и модифицированных ценностей, с помощью которых дух Нового времени должен был изменить мир, отбросив в сторону устаревшие идеи и образ действий реформаторов. Дом, в котором Гогенгейм, не будучи постоянным жильцом, все же нередко сиживал в часы досуга, носил название «Вархайт им Лох» («Правда в дыре»), скрывавшее в себе целый ряд таинственных ассоциаций. В средние века в южнонемецких землях кварталы часто называли «Лох». Что же касается слова «Вархайт», то в 1531 году этой части названия дома еще не существовало. Таинственный смысл словосочетания «правда в дыре», относящегося к символическому языку многообразной знаковой системы алхимии, и по сей день остается нераскрытым. В другом смысле название дома Шовингера, возможно, являлось символическим выражением трагического тупика, которым в представлении Гогенгейма являлся Санкт-Галлен. Подобного рода ассоциации могли посетить его сознание перед так называемым кризисом аппенцельского времени, наступившим в 1530-е годы и, с легкой руки Курта Гольдammer, носящим название «период его величайшей нужды».

Что же представляла собой семья Шовингеров? Согласно исследованиям Виктора Шобингера, Ганс Шовингер, служивший лейб-медиком у аббата Санкт-Галлена и оберфогта Оберберга, имел троих сыновей. Биография каждого из них легко может стать предметом специального изучения.³⁴ Старший Иероним, родившийся в 1489 году, получил хорошее образование и стал булочником. Из-за особенностей своей фигуры со стеатопигийными отложениями в области бедер Иероним получил шутовское прозвище Матушка³⁵. Он с воодушевлением принял Реформацию и в скором времени сделался одним из страстных проповедников нового учения в пригороде Госсau. После изгнания аббата Франца Гайсберга (1529) мы находим его в пещере «санкт-галленского медведя» исполняющим роль первого управляющего опустевшим монастырем. Освободившиеся помещения навели Иеронима на мысль с помощью Гогенгейма разместить в одном из зданий этого величественного историко-архитектурного комплекса Восточной Швейцарии алхимическую лабораторию. Однако известные на сегодняшний день источники не позволяют проследить за тем, как Шовингер пытался реализовать свои намерения.³⁶ 1 марта 1532 года, когда новый аббат Дительм Бларер фон Вартензее торжественно въехал через монастырские ворота, для Иеронима наступил час расплаты. Несмотря на порядок, сохранявшийся в монастыре все это время, и нежную комплекцию, бывший управляющий был подвергнут пыткам. Фактически его сделали козлом отпущения за все преступления санкт-галленских протестантов, и в частности иконоборчество, в котором Иероним участвовал во время своей реформаторской деятельности в Госсau.³⁷ Мы видим, что рекатолизация края была, таким образом, осложнена рядом неприятных моментов. Тем не менее, бургомистр Санкт-Галлена продолжал открыто исповедовать свою веру. Иероним Шовингер, оправившись от пыток, вернулся к своему прежнему делу и до конца своих дней держал хлебопекарню на церковной площади в Госсau. Возможно, он усвоил высказывание Гогенгейма: «Алхимик – это тот же булочник, который также занимается приготовлением хлеба...» (VIII, 181).

Генрих Шовингер был на два года моложе Иеронима и в молодости учился торговому ремеслу у одного купца в городе святого Галла. Затем он покинул Швейцарию и переехал в Мюнхен, где открыл торговлю скобяными товарами. Ко времени пребывания Гогенгейма

³⁴ Schobinger, Viktor: Die Münchner Schobinger im 16. Jahrhundert/Von der Schobingerschen Handelsgesellschaft, Wädenswil 1969, S. 3f.

³⁵ Staerkle, Paul: Geschichte von Gossau, Gossau/SG 1961, S. 145.

³⁶ См. стр. 48. Э.Г. Рюш отчетливо показал, что в основе сведений об «алхимической кухне» лежит неправильный перевод известного места из Рютинера (из его писем).

³⁷ Staerkle, a.a.O., S. 139f.

в Санкт-Галлене Генрих владел уже двумя лавками, расположенными неподалеку от Зендлингских ворот, в месте особенно бойкой торговли. Генрих Шовингер заложил основу для развития международного торгового бизнеса своей семьи. После его ранней смерти скобяные лавки, открытые им в Мюнхене, перешли к младшему брату Бартоломе, который, объединив несколько отраслей торговли в одних руках, стал объектом зависти многих немецких и швейцарских купцов. Фигура Генриха примечательна еще и тем, что, внутренне тяготея к реформационному учению, он ставил свою религиозную принадлежность в зависимость от пользы той или иной конфессии для торговли. Поэтому, оказавшись в католической Баварии, мюнхенская линия Шовингеров, или Шобингеров, как именовали ее представителей в первое время по приезде, приняла католичество.³⁸

Бартоломе Шовингер родился в 1500 году. На портрете, относящемся к 1527 году, он изображен цветущим полным мужчиной с нордически вздернутым носом-картошкой и нежными, блестящими глазами, смотрящими на зрителя из-под полуприкрытых век. В фигуре Бартоломе, как и у его старшего брата, проглядывает что-то женское. Интересно, что проведя анализ костей скелета Гогенгейма, доктор Херманн Абеле также констатировал наличие у знаменитого ученого упомянутого выше феномена.³⁹ Согласно Вадриану, Бартоломе, несмотря на свойственные характеру Гогенгейма угрюмость и необщительность, нередко удавалось увлечь своего ученого друга занимательной беседой. Во время нахождения Гогенгейма в доме санкт-галленского бургомистра, Бартоломе Шовингер был едва ли не единственным его постоянным собеседником, которого отличали обширные знания и многосторонние интересы.

О широте познаний Шовингера свидетельствует его библиотека, которая по подборке и качеству книг, превосходила, пожалуй, все современные ей частные библиотеки на верхненемецком пространстве. В 1545 году Рютинер составил список книг, входивших в это библиотечное собрание, и он стал настоящей находкой для исследователей личности Парацельса. Особую ценность представляет составленная Виктором Шобингером транскрипция, которая включает многочисленные регистры. Мы находим в списке главные работы трех известнейших протестантских медиков Феррары: Никколо Леоничено, Джованни Манарди и Мишеля Савонаролы, у которых одно время учился Гогенгейм. Там же указаны труды знаменитого классика алхимии Арнольда де Вилланова. Без него многие теории Парацельса едва ли получили бы свое развитие. В список включены и «Книга о дистилляции» и «Новая книга о дистилляции» Бруншвига, травники Мацера, Бренфельса и Диоскорида, «Зерцало врача» и «Книга о естественных минеральных источниках» Лаврентия Фриза, друга и гостеприимного хозяина Гогенгейма во время его путешествия по Эльзасу. На книжных полках библиотеки Шовингера нашлось также место и для не принятой современниками книжечки Ульриха фон Гуттена, содержащей сомнительные рекомендации по лечению сифилиса. В библиотеке были хорошо представлены труды по астрономии, среди которых необходимо упомянуть работу о сферах английского исследователя Иоанна де Холивуда из Йоркшира. Разумеется, в библиотеке Шовингера можно было найти произведения классиков медицины от Гиппократов и Галена до Авиценны и Альберта Великого, а также сочинения Аристотеля и Плиния. Обращает на себя внимание наличие в книжном собрании трудов немецких мистиков (Иоганна Таулера) и критических работ некоторых гуманистов (Лоренцо Валлы и Эразма Роттердамского).

Упомянутый портрет 27-летнего Бартоломе снабжен надписью, алхимический характер которой становится очевидным уже из первых строчек, содержащих упоминания о

³⁸ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 24.

³⁹ Abele, Hermann: Grabdenkmal, Schädel und Abbildungen des Theophrastus Paracelsus, Salzburg 1891, S. 59.

Венере и Меркурии.⁴⁰ По всей вероятности, подобными предметами в Санкт-Галлене интересовались еще до приезда туда Гогенгейма. И все же изучение библиотеки Шовингера с точки зрения ее влияния на Гогенгейма может оказать нам лишь гипотетическую помощь, причем лишь в том случае, если мы ограничимся книгами, которые хозяин приобрел до 1531 года. Какие из этих книг уже были куплены Шовингером на тот момент? Учитывал ли он советы Гогенгейма? Насколько обоснованно предположение о том, что Гогенгейм оставил в библиотеке друга некоторые из своих книг, после того как в 1531–1532 годах ему, казалось, опротивели естественные науки? По каждому из этих вопросов мы можем высказывать лишь спекулятивные соображения. Однако никакие знаки вопроса не могут скрыть необыкновенную увлеченность Шовингера проблемами новой науки, даже если сделать предположение, что некоторые книги были приобретены им просто с целью пополнить книжную коллекцию, в которой он видел еще одно вложение капиталов.

В своем письме, адресованном в Вальсхут, где речь идет, в частности, и о Гогенгейме, Шовингер высказывает дифференцированное суждение об алхимии. В тексте, оригинал которого находится в Лейденском собрании рукописей Исаака Восса, «старый Бартоломе Шовингер», как он сам именует себя в конце письма, хвалит своего адресата. «Ваше увлечение алхимией... – пишет купец, – не превратилось в настоящую страсть. В этом вы поступаете верно и благоразумно. Ведь это искусство с самых первых дней своего существования и вплоть до настоящего времени искусило и частью даже погубило многих высокородных и состоятельных мужей»⁴¹. Это предупреждающее замечание является стандартным и характерно для всех настоящих поклонников алхимии. Его смысл становится понятным, если вспомнить серьезные предубеждения относительно алхимии, распространенные как в протестантском, так и в католическом лагерях.

Общая позитивная оценка алхимии в среде ее верных сторонников соседствовала с обязательным предупреждением против злоупотреблений алхимическими методами. Такие предостережения можно встретить и у Гогенгейма. «Что касается интереса, который многие питают к полезному и увлекательному искусству дистилляции, – писал он, – то следует сказать, что с помощью последнего можно из любой материи посредством нагревания и выпаривания получить эссенцию (квинтэссенцию), являющуюся тончайшей субстанцией и заключающую в себе высочайшую силу. Упомянутый метод, равно как и многие другие, способствует поддержанию здоровья людей, помогает получить нужные лекарства для больных, которые, прибегнув к их помощи, скоро выздоравливают. Это настоящее искусство, которое можно открыть лишь самому близкому человеку (который, более подвижимый любовью к ближним, чем соображениями собственной выгоды, стремится помочь людям)»⁴².

В 1530 году Гогенгейм в своем знаменитом труде «Парагранум», посвященном четырем столпам врачевания, в очередной раз выражает похожее отношение к алхимии: «Не следует подражать тем, которые говорят только о том, что алхимия превращает металлы в золото и серебро. В этом искусстве скрыта великая тайна, смысл которой состоит в лечении болезней. Именно здесь лежат основы алхимии» (VIII, 185).

Именно «тайна», чудодейственные лекарства, рассматриваемые в свете естественного откровения, а вовсе не изготовление золота являются основой алхимии. Ради нее врач не должен жалеть своих сил, поскольку благодаря ей он становится «великим мастером земного света». Учитывая согласие, царившее между Шовингером и Гогенгеймом по ряду принципиальных вопросов, некоторые негативные отзывы Бартоломе о Теофрасте не могут не обращать на себя внимание: «Вероятно, учитель, от которого он узнал это искусство, во многом

⁴⁰ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 45.

⁴¹ Sudhoff, Paracelsus-Forschungen II, S. 144.

⁴² Sudhoff, a.a.O.

обманивал его. Он лишь частично открывал ему правду, в то время как основная масса учения так и осталась им не понятой вследствие туманного изъяснения. Это можно было почувствовать в то время, когда он бывал у меня». Вполне правдоподобны замечания Бартоломе о книгах Гогенгейма, «одна часть которых написана темным языком, а другая недоступна, вероятно, пониманию самого автора». Шовингер указывал, что в период между 1570 и 1580 годами «было издано множество книг под его именем, которые Теофраст не только не писал, но даже ни разу не видел в глаза. Ведь мне хорошо известен стиль Теофраста и то, как он имел обыкновение выражаться на письме». В списке библиотечного собрания, относящемся к 1545 году, упомянута книга под названием «Хирургия Теофраста Парацельса». Написанная ясным языком, она представляет собой одну из главных работ Гогенгейма, опубликованных при его жизни, авторство которой не вызывает сомнений.⁴³

Письмо, написанное Шовингером, свидетельствует о том, что он был хорошо знаком с творчеством Гогенгейма. Бартоломе ссылается на личное знакомство с ученым («когда он бывал у меня») и занимает критическую позицию по отношению к тому, чья посмертная слава через несколько десятилетий достигла необычайных размеров. Однако не только Шовингер давал произведениям Гогенгейма негативную оценку. Труды ученого медика навлекали на себя критику многих заметных фигур европейского интеллектуального бомонда, которые в своих отзывах касались не только проблем, связанных с пониманием текста. Мнение Шовингера, высказанное им в 1531 году, было далеко не единственным. Позже Гогенгейм стал пользоваться дурной славой в среде благочестивых протестантов. Буллингер упрекал Теофраста в недостоверности излагаемых им сведений, а Конрад Геснер даже обвинял его в арианской ереси. Опоринусус, сравнивая Гогенгейма с Иоганном Вейером, гнусно оклеветал его, а Томас Либ, более известный под именем Эраста, опубликовал в 1572 году антипарацельсистский трактат. Последний содержал красочную иллюстрацию с изображением дьявола, а Гогенгейм был назван в нем «хрюкающей свиньей»⁴⁴. В 1553 году Кальвин сжег в Женеве еретического врача, астролога и свободомыслящего богослова Мигеля Сервета. В этой ситуации Бартоломе Шовингер, будучи умным человеком, которому к тому же нередко приходилось путешествовать по торговым делам, не мог позволить себе некритично отзываться о Теофрасте, своем старом знакомом. Одновременно прежние дружеские отношения, которые связывали друзей в более ранний период, могут служить доказательством высокой степени доверия, существовавшего между ними. Несмотря на активные нападки на Гогенгейма со стороны европейских интеллектуалов, очень часто их критика касалась лишь формальных сторон творчества ученого. В качестве примера можно привести Конрада Геснера, который, упоминая о «Теофрасте Бомбасте фон Гогенгейме» в своей «Универсальной библиотеке», пишет о «темных, варварских, страстных и глупых высказываниях и суждениях», подразумевая под этим туманный, искусственный и вдобавок испещренный варваризмами язык произведений Гогенгейма.⁴⁵

Во время пребывания Гогенгейма в Санкт-Галлене его отношения с Бартоломе отличались заметной амбивалентностью. Благодаря приобретенному авторитету крупного купца и уважаемого бюргера, Шовингер сумел продлить срок врачебной практики Гогенгейма в Санкт-Галлене, которая, по решению цехового Совета одиннадцати, или Большого совета, должна была завершиться задолго до истечения ее запланированного срока. Он вообще был едва ли не единственным человеком среди узкого круга людей этого небольшого городка, сталкивавшихся по роду своей деятельности с Гогенгеймом, который замолвил словечко

⁴³ Schobinger, Viktor: Quellensammlung zur Geschichte der Schowinger, Teil II, Heft 4, Die Schowinger von St. Gallen, Bartolome Schowingers Bücher 1545, Zürich 1978, S. 191.

⁴⁴ Sudhoff, Paracelsus-Forschungen II, S. 44f.

⁴⁵ Blaser, Robert-Henri: Paracelsus in Basel, Muttentz 1979, S. 67.

за одного из самых примечательных гостей, когда-либо посещавших его уютное обиталище.⁴⁶ С другой стороны, Бартоломе в разговорах со своим школьным учителем Себастьяном Кунцем не скупился на критику в адрес Гогенгейма. Он называл последнего суетливым человеком и транжирой, жаловался на его расточительность и говорил, что все богатства французского короля не способны удовлетворить потребности ученого. Шовингер отвергал полезность хиромантии, к которой Гогенгейм прибегал во время лечения бургомистра. Он считал досужей выдумкой рассказы о наличии у Гогенгейма собственной библиотеки, находящейся в Мюнхене и отличавшейся великолепной подборкой книг.⁴⁷ Учитывая двойственное отношение Шовингера к Гогенгейму, предположение, будто он настаивал на более продолжительном пребывании ученого в Санкт-Галлене, представляется маловероятным.

Знакомство Теофраста фон Гогенгейма с Бартоломе Шовингером с полным правом можно называть знаменательной встречей двух выдающихся мужей, которые по своим интересам, уму и талантам далеко превосходили многих своих соотечественников, но которые, вопреки возможным ожиданиям, так и не сумели понять друг друга. Они целиком сходились во мнениях по многим вопросам алхимии и единодушно выступали за реформу закоснелой книжной медицины. Оба упражнялись в толковании знамений времени, однако каждый делал это исходя из своих собственных позиций и перспектив.

Один был врачом, алхимиком и христианином единой, неразделенной церкви, другой – прекрасно образованным, преуспевающим купцом, который полностью отдавал себе отчет в том, что дух новой эпохи несет на себе отпечаток ценности научного знания. Отличаясь к тому же прагматичностью и трезвым умом, Бартоломе жил сегодняшним днем и был далек от стремления сгореть в пламени научного исследования, перспективы которого виделись ему туманными и неразборчивыми. В свою очередь, профессиональная деятельность Шовингера, стремительный рост его благосостояния и ценность его «купеческого сокровища» (II, 3, 169) не находили одобрения или, на худой конец, понимания у Гогенгейма, для которого любой купец однозначно принадлежал к «небратскому сословию» (PS, 130).

Бартоломе никогда серьезно не размышлял об эсхатологических и апокалиптических перспективах своего времени. Мысли об этом не посещали его даже в тревожный октябрь 1531 года, когда тяжелый пресс истории в мгновение ока раздавил сочные виноградины Реформации, казалось выжав из них последние капли сока. Даже в этот трагический период в семье Шовингеров, как и в немногих других протестантских фамилиях, царили оживление и радость. В те ужасные дни, когда по Швейцарии разнеслась печальная весть о поражении протестантских сил в Каппельской войне и под Губелем; когда Гогенгейм ломал голову над пророческим значением землетрясения, случившегося 10 октября, проживавший в Мюнхене брат Бартоломе Генрих сделал удачное приобретение, которое имело значение для будущего престижа всего клана Шовингеров. 14 октября король Фердинанд подписал грамоту, предоставлявшую братьям Шовингерам право иметь собственный герб. На желтом фоне на гербе была изображена горlinka. Герб украшали два «бутафорских рожка» с торчащими из них красными и желтыми перьями павлина.⁴⁸ Такая удача была счастливым знаком для всех Шовингеров, и в частности для Бартоломе!

По сравнению с доктором зять его пациента был настоящим счастливчиком. Две линии жизни, пересекшиеся в Санкт-Галлене, далее расходились в противоположных направлениях. Поразительно, что при всем различии наклонностей и темпераментов, оба просвещенных мужа считали, что распространенное в народе мнение, будто алхимия в основном

⁴⁶ Rütiner, Johannes: *Diarium*, Bd. II, Fol. 25 v bis 26r.

⁴⁷ См. приложение «забытое место из дневника Рютинера», с. 463 (приложение к третьему изданию). Rütiner, *Diarium*, I, fol 84v. Mitgeteilt von E.G. Rüsche.

⁴⁸ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 6.

занимается изготовлением золота, содержит древнюю и, возможно, скрытую и вытесненную истину. «Правду в дыре»!

Если верить народным преданиям, Гогенгейм получил в «темных лесах» Айнзидельна имя Парацельса, а вдобавок к этому стал называться еще и Растером, демоническим изготовителем золота. По коварству и вероломству его сравнивали с Румпельштильцхеном, а по преданности дьяволу с доктором Фаустом. В набалдашнике рукоятки своего меча он хранил таинственный порошок и там же прятал камень мудрости. От Базеля до Нюрнберга, от Инсбрука до Вены и даже в далеком Зибенбюргене люди передавали друг другу истории о Гогенгейме, познавшем тайну изготовления золота.⁴⁹ Путь на Клаузенберг был неблизким. Рассказы о «золотом мире» Парацельса, плод народной фантазии, неслись семимильными шагами и, как правило, обгоняли своего героя, достигая самых отдаленных земель. Никто даже не догадывался, что истина скрывается гораздо ближе.

Если отождествлять алхимию с изготовлением золота и считать ее искусством, занятия которым обеспечивают человеку счастливое, здоровое и долгое существование, то можно сказать, что Бартоломе Шовингер сумел в течение своей земной жизни сделать многое из того, что простой народ приписывал Парацельсу. Это подтверждают уже не предания, а документы, извлеченные из архива Виктором Шобингером, изучавшим семейную историю. Если мы взглянем на постепенный рост благосостояния Бартоломе, то перед нами предстанет человек, которого Мельхиор Гольдаст фон Хаймисфельд (1576–1635), историк и путешественник из Восточной Швейцарии называл позже «самым богатым философом»⁵⁰. Свою первую торговую операцию Бартоломе совершил в 1522 году, осуществив поставку гвоздей и воска в Санкт-галленскую церковь святого Лоренцо. На тот год его имущество составляло 498 гульденов. Этот стартовый капитал 22-летнего предпринимателя равнялся десятикратному годовому доходу оберфогта аббатства. К 1531 году имущество Шовингера увеличилось в шесть раз, а в 1541 году, ознаменованном смертью Гогенгейма, состояние купца в денежном эквиваленте достигло 8800 гульденов. Документы, относящиеся к 1560 году, сообщают нам о сумме в 42 400 гульденов, а в 1585 году частное имущество 85-летнего Шовингера, которого многие за глаза называли швейцарским Крезом, перевалило за 104 000 гульденов. К этому времени общий капитал торгового дома Шовингеров составлял 235 000 гульденов, а некоторые данные позволяют даже немного увеличить указанную сумму.⁵¹ Кроме главных контор, расположенных в Санкт-Галлене и Мюнхене, Шовингеры имели торговые представительства в Лионе, Вене, Антверпене и Милане. Торговля велась по самым различным направлениям, однако приоритетными видами продукции являлись изделия из металла и текстильные товары. Кроме того, на первом плане находились также разработки серебряных рудников. Среди торговых партнеров Шовингеров наиболее часто упоминаются Фуггеры. Владевшие состоянием в 4 750 000 гульденов, Фуггеры справедливо считались миллиардерами своей эпохи. От них зависели финансовые судьбы императоров, королей, князей и пап.

По сравнению с Фуггерами Шовингер при всей динамичности своей торговой деятельности, связанной с постоянными разъездами, был скромным мультимиллионером, жизнь которого практически не нашла отражения в мировой истории. Он не совершал экстравагантных поступков, а его научные и мировоззренческие интересы не выходили за рамки обычных гуманистических штудий. Два замка, один из которых располагался на берегу Боденского озера, были приобретены Бартоломе в пору расцвета его купеческой карьеры и после смерти предпринимателя отошли к его удачливым сыновьям. Он был женат три раза и имел от трех жен 20 детей, из которых выжила только половина. Большинство сыновей

⁴⁹ Betschart, Ildefons: Paracelsus in der Sage, Atlantis 9, 1941, S. 493f.

⁵⁰ Schobinger, Die Münchner Schobinger, S. 37.

⁵¹ A.a.O., S. 52.

Бартоломе влились в семейный бизнес и трудились, в частности, на горных разработках в Чехии. Тобиас, бывший крестником Иоганна Кесслера, отправился в Италию, Францию и Нидерланды для изучения языка и «обычаев» этих стран.⁵² Шовингер так и не приобрел дворянского титула. Всю свою жизнь он вообще держался в стороне от политических интриг, а также социальных и религиозных смут, связанных с Реформацией. «Бог благословил его земным богатством, – писал о Бартоломе его благодарный внук Иеремия Шовингер, – его состояние было приобретено в результате невероятных трудов и неустанного усердия, с которым он принимался за любые предприятия и, рано или поздно, обязательно доводил дело до конца»⁵³. Бартоломе Шовингер может служить примером раннего капиталиста, как будто нарочно вырезанного из бессмертного труда Макса Вебера.⁵⁴

В этой связи нельзя не упомянуть о смелой монографии Ганса Кристофа Бинсвангера «Золото и магия – истолкование и критика современной экономики», которая имеет несколько спорный характер. Автор выдвигает тезис о том, что современная капиталистическая экономика представляет собой секуляризованную (обмирщенную) форму великой мистерии, своего рода «продолжение алхимического искусства с помощью других средств»⁵⁵. Это предположение основывается, в частности, на том, что алхимики жертвовали собой ради своего дела и работали не жалея своих сил. Алхимический принцип *plus ultra* («все время вперед») Бинсвангер истолковывает применительно к безостановочному процессу современной экономики, в основе которой лежат непрерывный рост производства, нечеловеческие усилия и предпочтение количества качеству. Соответствующим образом толкуя «Фауста» Гете, автор вводит три парацельсистских принципа во внутреннюю структуру современной экономики. При этом ртуть отождествляется с принципом банковских операций и бумажных денег, сера являет собой принцип инвестиций, а соль отвечает за реальный капитал, или, другими словами, совокупную сумму средств производства, кораблей, машин, а также таких объектов инфраструктуры, как здания, дамбы, шоссе и каналы. Сущность современной экономики, определяемой как секуляризованный алхимический процесс, заключается в возможности «озолотить» весь мир, в умении из всего извлекать прибыль.⁵⁶

Разумеется, подобное толкование алхимии было чуждо как Шовингеру, так и Гогенгейму. Наоборот, они были единомышленны в том, что великая мистерия не должна служить инструментом обогащения. Тем не менее, теоретическая модель Бинсвангера хотя бы на один шаг приближает нас к пониманию того, из каких недр возрос дух новой эпохи, характерной чертой которой стало непрерывное умножение капитала. Дистанция, образовавшаяся между Шовингером и Гогенгеймом, служит тому ярким, хотя и не однозначным примером.

Вопреки всем историям об изготовлении им золота, бедность, эта «лживая шляха» (II, 2, 314), следовала за Гогенгеймом по пятам в течение всей его жизни. Бедность приобрела в мировоззрении Гогенгейма экзистенциальную сущность и стала частью его жизненной философии: «Блажен и присноблажен тот человек, которого Бог благословил бедностью». (PS, 261). Бедность врача, сопряженная с его «благочестием» (IX, 562) и постоянным странничеством, по прошествии нескольких поколений оказалась неразрывно связанной с образом Парацельса, созданным им самим.

В отличие от сыновей Шовингера, унаследовавших от своего отца шестизначные суммы, «ближайшие друзья» Гогенгейма «в Айнзидельне в Швейцарии» получили в память

⁵² A.a.O., S. 46.

⁵³ A.a.O., S. 45.

⁵⁴ Weber, Max: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, Frankfurt 1910.

⁵⁵ Binswanger, Hans Christoph: Geld und Magie, Deutung und Kritik der modernen Wirtschaft, Stuttgart 1985, S. 50.

⁵⁶ A.a.O., S. 58f.

о нем «десять гульденов в монетах». Большая часть наследства, за исключением накладных расходов и «посмертного побора», отошедшего по праву мертвой руки аббату в Айнзидельне, досталась «бедным нищим, жалким людям, не имеющим за душой ни гроша»⁵⁷.

Богатство Бартоломе Шовингера и процветание его семейного предприятия, даже в масштабах Швейцарского союза, не уникальное явление. Так, например, торговые общества Диесбах-Ватт в Берне или Клаузера в Люцерне могли похвастаться не меньшими, а то и большими успехами. На этом фоне наш интерес вызывают не столько регулярные известия о постепенном росте состояния Бартоломе, сколько запись, сделанная горожанином Цюриха Конрадом Геснером о Гогенгейме, который, согласно посвященной ему краткой статье Лексикона, будучи одно время профессором в Базеле, получил в 1545 году в качестве оплаты за свои труды немалую сумму (*amplum stipendium*). Это материальное вознаграждение ставило ученого-эрудита, привыкшего надрываться за ничтожные гонорары, на одну доску с именитыми профессорами того времени.⁵⁸

Действительно, проживая в Базеле и исполняя обязанности городского врача и профессора, Гогенгейм получал приличное жалование. Его годовой доход равнялся 60 гульденам, из которых ему за удержанием четверти суммы было выплачено 45 гульденов. Однако, даже если признать верными данные городского хрониста о более высоких доходах Гогенгейма, денежные возможности последнего были весьма ограничены.⁵⁹ Размер его регулярных отчислений богатому канонику Корнелию фон Лихтенфельсу был в судебном порядке сведен к шести гульденам. Из своих личных доходов Гогенгейм выплачивал жалование слуге и оплачивал работу писца. Немалая часть денег уходила на содержание лаборатории, лошадей, а также квартиру и стол. Отличаясь известной экстравагантностью, он, помимо прочего, никогда не стирал свою одежду, предпочитая, когда она становилась непригодной для носки, покупать новое платье.⁶⁰

Мы практически ничего не знаем о доходах Гогенгейма в Санкт-Галлене. Кроме Штудера он, по всей видимости, курировал еще двух пациентов. Однако цеховые ограничения связывали врача по рукам и ногам, препятствуя развитию свободной деятельности. Пауль Штеркле и Вернер Фоглер обнаружили в городском архиве Санкт-Галлена сведения о получении Гогенгеймом гонорара за лечение некоего монаха. Согласно документам, проливающим свет на распределение финансовых средств аббатства, четыре с половиной гульдена были выплачены «доктору Теофрасту за Хансена». Возможно, под упомянутым в документе Хансеном имеется в виду мюнстерский проповедник Иоганн Хесс. Для исследователя этот документ представляет собой настоящую головоломку, главным образом из-за даты его составления (17 декабря 1533 года). Указание на полученный гонорар служит единственным свидетельством медицинских успехов Гогенгейма во время его пребывания в Санкт-Галлене. По всей видимости, Иоганн Хесс был серьезно болен. Гонорар в четыре с половиной гульдена наводит на мысль о четырех или пяти основательных консультациях при условии, что он начислялся на тех же основаниях, что и при Иоганне Рюссе из Констанца, прежнем враче аббатства. Последний работал в монастыре до 1529 года и именовался, так же как и Гогенгейм, доктором обоих видов медицины. За один день напряженной работы с больным Рюсс получал один гульден и вдобавок натуральное вознаграждение, например вино, хлеб и т. д.⁶¹

⁵⁷ Netzhammer, Raymund: Theophrastus Paracelsus, Das Wissenswerteste über dessen Leben, Lehre und Schriften, Einsiedeln 1901, S. 165.

⁵⁸ Blaser, Paracelsus in Basel, S. 67.

⁵⁹ Blaser, a.a.O., S. 113.

⁶⁰ См. примечание 2 к гл. «Радуга на восходе солнца».

⁶¹ Staerkle, Paul: Die Leibärzte der Fürststäbte von St. Gallen, Rorschacher Neujaarsblätter, 57. Jahrg. (1967), S. 76. Vogler, Werner: Ein neues Dokument zum Aufenthalt von Paracelsus in St. Gallen im Jahre 1533, Nova Acta Paracelsica, Neue Folge 3 (1988), S. 32f.

О том, что лечение отца Иоганна Хесса закончилось успешно, свидетельствует известие о его смерти, наступившей намного позже, в день памяти волхвов в 1545 году.

По данным источников, находясь в Восточной Швейцарии, Гогенгейм не мог позволить себе содержать слугу или писца. По крайней мере, у нас нет ни одного документа, содержащего упоминание об обслуживающем персонале. Все это говорит о том, что условия жизни Гогенгейма в Санкт-Галлене отличались от базельских в худшую сторону.

Что было бы, если бы он, утвердившись в должности городского врача и профессора, остался в Базеле?! Что бы случилось, если бы его после 10 месяцев пребывания в городе не вынудили бежать оттуда?! Возможно, тогда Гогенгейм стал бы настоящим реформатором медицины и не испытывал бы в течение жизни материальных затруднений. Однако даже в этом случае для того, чтобы сравняться со своим другом Шовингером по количеству заработанных денег, Гогенгейм должен был бы работать городским врачом в Базеле 1733 года и 4 месяца.

Смерть не пришла за Шовингером в хорошо знакомый нам дом. Он умер в своем поместье, находящемся в пригороде Санкт-Галлена. В отличие от своего тестя, члена ткацкого цеха, он пополнил число знатных нотаблей, к которым принадлежал также и Вадиан. Городской хронист Рютинер рисует Шовингера человеком, сведущим в вопросах алхимии и астрологии.⁶² За глаза ему приписывали способность делать золото. А почему бы и нет? Как рассказывают многочисленные истории, в алхимии, помимо прочих таинственных практик, была разработана одна из самых ранних техник очистки золота. Стремительный рост доходов того или иного человека ассоциировался в народном сознании с его занятиями алхимией. Слава преуспевающего алхимика волочилась как за Бартоломе, заработавшим свое состояние честным путем, так и за французской четой Николасом и Пернель Фламель. Эта семейная парочка пыталась, выставив на обозрение свое увлечение алхимией, скрыть основной источник принадлежащего им огромного богатства, нажитого за счет преследования иудеев и постыдных занятий ростовщичеством.⁶³ В соответствии с принципами бюргерской морали Шовингер Бартоломе отдавал себе отчет в сомнительной природе этого искусства. В этом смысле он напоминал Иоганна Фишарта, который, изображая работу алхимика в сатирической манере, в то же время сам писал алхимические трактаты.⁶⁴ Так, в сознании ранней буржуазии постоянное увеличение состояния, привлекая внешним блеском, по-прежнему еще вызывало тревожные сомнения.

⁶² Rütiner, Diarium, I, fol. 133.

⁶³ Schmieder, K.Ch.: Geschichte der Alchemie, Halle 1832, S. 190ff. Hinweis von Joachim Telle, Stuttgart.

⁶⁴ Sudhoff, Paracelsus-Forschungen II, S. 145.

Глава III

Низменность – излюбленное место обитания дождевых червей

Кесслер и Рютинер жили как две души в одном теле.

Вадриан

Не сукном единым живет владелец ткацкого цеха, но также и гуманистической латынью. Это высказывание, которое нельзя приписать только лишь высокомерию и тщеславию предпринимателей того времени, кипевших желанием продемонстрировать свою образованность, подтверждается примером старшего товарища Бартоломе Шовингера, Иоганна Рютинера, имя которого легким эхом раздается в залах музея Санкт-Галленского Ренессанса. Старейшина ткацкого цеха с 1534 года и член городского совета с 1549 года, он вел регулярный дневник, так называемый диариум, который особенно часто цитируется в исследованиях, посвященных Вадриану. Вычищенная, надежно верифицированная транскрипция этого с трудом разбираемого текста, насчитывающего сотни страниц, принадлежит Эрнсту Герхарду Рюшу, который впервые осуществил научную обработку дневника Рютинера. Хочется выразить надежду, что этот уникальный источник, имеющий огромное историко-культурное значение, в скором времени увидит свет.

Непонятно, как в голове мастодонта ткацкого дела могла родиться идея вести дневник, в котором нашли отражение размышления и события, далекие от деловой жизни фабриканта. Неясно, почему языком диариума стала академическая латынь, которая, несмотря на все старания автора, весьма неохотно и угловато ложилась на страницы его дневника. На этом наши вопросы и недоумения не заканчиваются. Удивление вызывают еще два обстоятельства: почему сведения о пребывании Гогенгейма в городе были добавлены позднее и насколько они достоверны?

Трудно переоценить роль торговли сукном в развитии политических отношений и формировании тех слоев общества, которые не были связаны с клерикальными группами. Это особенно характерно для Санкт-Галлена и Аппенцелля в XV и XVI веках. В данном случае речь идет об общеевропейской тенденции, создававшей особую атмосферу свободолобивых стремлений в Европе, в особенности на верхненемецком пространстве. В Санкт-Галлене и примыкающих к нему окрестностях Аппенцелля развитие сукноделия и торговли, установление политической независимости (не без отдельных рецидивов) и повышение уровня образования населения шли стремительно.⁶⁵ Производство сукна, переживавшее в XIV веке настоящий период расцвета, повлекло за собой массовое переселение в город жителей Аппенцелля, Торгау и Тоггенберга. Возросшее влияние торгово-ремесленных слоев в результате привело к тому, что республиканская партия города изрядно потеснила позиции аристократической политической группировки, идейный генератор которой, по общему мнению, находился за стенами аббатства. Отношения между городом и монастырем стали еще более напряженными, что на столетие наложило на историю восточношвейцарской метрополии отпечаток не менее сильный, чем реформационные события.

Торговля сукном, принявшая к тому времени международные масштабы, базировалась главным образом на децентрализованном способе производства (надомная работа, распространная, к примеру, в Аппенцелле). При этом она требовала знаний языка, особенностей тогдашней бухгалтерии, ведения документации и, не в последнюю очередь, способ-

⁶⁵ Staerke, Paul: Die spätmittelalterlichen Bildungsverhältnisse Appenzells, Appenzel 1944, S. 4.

ности реалистично оценивать политическую ситуацию на южнонемецком пространстве, и прежде всего в Швейцарии. Это, в свою очередь, повышало востребованность фундированного общего образования.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале 20-х годов XVI века мы, прогуливаясь по коридорам святая святых Базельского университета, могли бы встретить там двух вполне заурядных бюргеров – шорника Кесслера и сукнодела Рютинера. Вершиной их образовательной программы была встреча с королем гуманистов Эразмом Роттердамским, когда тот, в своем всегдашнем голубом, отороченном мехом сюртуке, излагал ученые мысли. «Тогда я лично встретился с ним», – записал Иоганн Кесслер. Кроме Базеля он побывал в Виттенберге, где ел за одним столом с Лютером.⁶⁶ В последние годы своей жизни Кесслер в силу убеждений стал активным протестантским проповедником.

Во время летнего семестра 1522 года Рютинер дышал бодрящим воздухом высшей школы Базеля.⁶⁷ Пребывание в этом городе можно смело назвать интереснейшим временем в его жизни. Иоганн Околампад, поздний покровитель и меценат Гогенгейма, предпочитал читать богословские лекции на немецком языке. В остальном же на преподавательском составе университета в те годы лежал ярко выраженный консервативно-схоластический отпечаток. Однако в любом случае университет давал своим студентам хорошее, качественное образование. Среди бюргерского населения Швейцарии XVI века оно ценилось чрезвычайно высоко. Всеобщим признанием и уважением высшее образование стало пользоваться во многом благодаря Вадриану, который после своего пребывания в должности ректора Венского университета и возвращения на родину поднял авторитет образования в бюргерском Санкт-Галлене на небывалую до той поры высоту. Эта тема звучит в произведениях Рютинера и Кесслера. Они увековечили в своих писательских опусах те ощущения, которые были свойственны представителям прогрессивного бюргерства, имевшим счастье жить в одно время с Вадрианом. Фоном для метких и ярких высказываний служат разговоры и беседы в тесном кругу цеховых мастеров, которые имели обыкновение ежедневно собираться за столом в обеденное время, а в чрезвычайных случаях и по вечерам. Бернхард Милт называет произведения Рютинера «ежедневником застольных бесед завсегдатаев, в котором нередко встречаются описания городских сплетен»⁶⁸. Общую некритическую позицию сукнодела подтверждает и другой исследователь творчества Рютинера Эрнст Герхард Рюш. Однако все это вовсе не принижает значения дневника как важного исторического источника.⁶⁹ Любопытными особенностями диариума являются зависимость практически всех оценок и высказываний Рютинера по тому или иному поводу от Вадiana, а также большое количество мелких деталей и замечаний, связанных с рядом незначительных посторонних событий. Читая дневник, мы знакомимся с множеством людей, узнаем подробности цеховой и экономической жизни. На страницах диариума нередко встречаются метеорологические заметки и политические наблюдения, имеющие отношение как к локальной, так и к большой политике. К примеру, Рютинер описывает в своем дневнике изгнание герцога Ульриха из Вюртемберга.

Упоминания о Гогенгейме, содержащиеся в дневнике, относятся к двум разным периодам. Первая пространная запись была сделана Рютинером спустя три года после самого продолжительного пребывания доктора в Санкт-Галлене, а вторая – спустя девять месяцев после последнего посещения города Гогенгеймом. В марте 1537 года в дневнике появляется первое описание обстоятельств пребывания Гогенгейма в городе. То, что сведения о знаменитом докторе относятся именно к указанному времени, не случайно, поскольку именно с

⁶⁶ Staerkle, Beiträge zur spätmittelalterlichen Bildungsgeschichte von St. Gallen, S. 121.

⁶⁷ A.a.O., S. 281.

⁶⁸ Milt, Bernhard: Vadian als Arzt, St. Gallen 1959, S. 137.

⁶⁹ Persönliche Mitteilung.

конца 30-х годов странствующий доктор становится известным и его признает ученая публика. В это время были изданы «Большая хирургия» и – что особенно важно для Санкт-Галлена – трактат о купальнях. Имя Парацельса уже не могло остаться незаметным. Кроме позднейших добавлений у нас есть сообщение о нем, полученное из первых рук. Гарантом его подлинности является Каспар Тишмахер, непосредственный противник Гогенгейма, резко критиковавший практикуемое врачом лечение дождевыми червями.

Лечение дождевыми червями

Рютинер пишет: «В то время, когда Теофраст Парацельс лечил Кристиана Штудера, он следил также и за лечением сына Каспара Тишмахера, который ненароком повредил руку. Он произвел операцию с извлечением кости, вследствие чего рука стала скрюченной и опухла. Тишмахер собирался обвинить его перед коллегией врачей. Он (Гогенгейм) пришел в ярость и с бранью обрушился на специалистов в области хирургии, назвав их говнюками (*Contempsit eos nominando arskratzer*). Тогда Тишмахер обратился в городской совет. Он следил за лечением управляющего Бартоломе Шовингера, находившегося при дворе аббата (*culinam fecit in aula*). В этой связи Бартоломе потребовал, чтобы он (Тишмахер) потерпел со своим прошением еще две недели. Наконец он выступил с жалобой перед Советом Трех (бургомистр, старый бургомистр и имперский фогт). Однако никто из членов совета не стал рассматривать вопрос заранее. В конце концов, он изложил существо дела заместителю бургомистра Андреа Мюллеру. Тогда он (Гогенгейм) приказал, чтобы юноша на одну ночь сделал повязку из живых дождевых червей. На третий день молодой человек полностью исцелился» (переработанный перевод с издания Э.Г. Рюша).⁷⁰

Ничего, кроме гнева! В Санкт-Галлене, в окружении недалеких и сумасбродных пациентов, нельзя было и мечтать о плодотворной и спокойной работе. Какой врач не сталкивался с такого рода пациентами и их родственниками, которые готовы вытянуть из него все нервы, если лечение затягивается хотя бы на один день? Они сразу же бегут к Понтию Пилату и обивают пороги всевозможных инстанций вместо того, чтобы набраться терпения и предоставить лечение природе и врачебному искусству.

Однако по сравнению с остальными «сюрпризами» Фемиды этот процесс выглядит довольно безобидным. Предыдущий судебный процесс в Базеле, проигранный Гогенгеймом, лишил его места городского врача. Впрочем, причиной принудительного закрытия медицинской практики Гогенгейма в городе стало не столько поражение сумасбродного врача в суде, сколько его «злобные замечания»⁷¹, исполненные самых разных ругательств, которыми он щедро одарил членов городского магистрата. Вообще-то, изучая жизнь Гогенгейма, невозможно удержаться от несколько запоздалого пожелания: ради Господа и Пресвятой Девы ему следовало бы знать меру в употреблении бранных выражений.

Знаменитое «говнюки» имело у Гогенгейма весьма широкую область применения. Он не раз прибегал к этому термину при характеристике хирургов в написанном им во время пребывания в Базеле хирургическом сочинении «Бертеонея» (VI, 195). Манера Гогенгейма часто употреблять это одиозное выражение могла расцениваться как неприкрытое оскорбление. Вспоминая о знаменитых парацельсовских «говнюках», нельзя не упомянуть о не менее известном ругательстве «кастрат», которое благодаря исследованию Карла-Хайнца Вайманна обеспечило Гогенгейму не последнее место в истории формирования немецкого языка.⁷² Лексикон Гогенгейма был богат также такими комплиментами, как «врач-халтур-

⁷⁰ Rütiner, Diarium, II, 25v his 26r.

⁷¹ Blaser, Paracelsus in Basel, S. 60.

⁷² Wiemann, Karl-Heinz: Die deutsche medizinische Fachsprache des Paracelsus, Diss. Masch. schr., Erlangen 1951, S. 336.

щик», «врач-ничтожество», «врач-мошенник», «врач-волчара», «врач-болтун», «кухонный врач», «телячий доктор», «доктор-невежа», «ветрогон», «сиропщик», «зассанец», «лупоглазый баран», «дуболом» и «козьявка», не говоря уже об «аптечном осле» и «отравителе».⁷³ Мы привели лишь избранный ряд ругательств, наиболее часто употребляемых Гогенгеймом, которые в литературном отношении принадлежат к разряду грубых выражений. Во времена Гогенгейма такого рода словечки были на пике популярности и в особенности часто встречались в полемических сочинениях Лютера и его экспрессивного антипода, католического ученого Томаса Мурнера.

Однако, необдуманно используя «говнюков» и знаменитых Лютеровских «пердунов» в полемических беседах на улицах Санкт-Галлена и Базеля, Гогенгейм неправильно оценивал свое коммуникационное поле. Блеск и успех, окружавшие таких известных полемистов, как Лютер, Мурнер и, уже в Новое время, Карл Краус, во многом объясняются тем, что толпы их единомышленников получали настоящее наслаждение от словесных битв – мощных, ярких и одновременно с примесью особого рода наглости, свойственной Новому времени. Вербальное поражение или даже уничтожение идейных оппонентов вызвало у сторонников удачливого полемиста прилив силы и энергии, которые становились гарантией существования и надежным оплотом новых школ, новых церквей и новых партий.

Ситуация с Гогенгеймом была совершенно иной. Меньше всего подобный успех мог ждать его в Санкт-Галлене. В этом небольшом швейцарском городке его не окружали толпы почтительных учеников. Более того, среди горожан и приезжавших в Санкт-Галлен гостей вряд ли находились люди, которых можно было бы назвать его единомышленниками. Все это делало положение Гогенгейма очень шатким. То, что в период наивысшей эскалации конфликта Бартоломе Шовингер называет его, как сказано в составленной Бетшартом биографии Парацельса, «благоразумным врачом»⁷⁴(!), можно рассматривать не только как дружескую услугу. Скорее всего, Шовингера раздражал сам факт возбуждения процесса против личного врача его тестя и шумиха, поднявшаяся вокруг этого события. Мы не должны забывать о том, что Штудер и его преемник на посту бургомистра, городской врач Иоахим фон Ватт (Вадиян), не были добрыми друзьями. В корпусе замечаний Вадияна имя Штудера отсутствует. Также и в некрологе, составленном Иоганном Кесслером на смерть бургомистра, благочестивым рассуждениям отведено ничтожно мало места. По насыщенности, почтительности и образности надгробная речь Кесслера не идет ни в какое сравнение с эпическими посвящениями, написанными на смерть Цвингли, Околампада, герцога Фридриха Мудрого и других. Ни рождение в семье офицера швейцарских наемников, ни родственные связи, ни сравнительно небольшая разница в возрасте, колеблющаяся в рамках одного поколения, не могли сблизить старого Штудера с деятельным Иоахимом фон Ваттом. Кажется даже, что исчезновение Штудера с мировой арены было предопределено.

Как и в других подобных случаях, в ходе процесса против Гогенгейма Вадиян, который занимал высокий чиновничий пост и одновременно следил за здоровьем горожан, был обязан дать в суде под присягой показания о своем имущественном положении. Однако как человек высокого общественного положения он мог отказаться от этого. Поэтому бедный Тишмахер, повар по профессии, обивая пороги многочисленных передних, неизменно оставался с носом. Сложная динамика отношений между представителями городской верхушки замедлила, а затем вообще остановила ход процесса.

Ко второй половине 1531 года, на который и приходятся описываемые нами события, Гогенгейм уже имел за плечами достаточно солидный жизненный опыт, чтобы не полагаться полностью на счастье и помощь влиятельного Шовингера. В критические моменты, когда

⁷³ A.a.O., S. 102.

⁷⁴ Betschart, Paracelsus, S. 117.

нетерпение больного или его родственников угрожает обрушиться на врача в виде неприкрытой агрессии, возникает необходимость практических действий. Знания одной только психологии недостаточно, чтобы понять сложность человеческих взаимоотношений в позднесредневековую эпоху. Карл Зюдхофф и Ильдефонс Бетшарт не без оснований называют основной причиной появления у Гогенгейма мысли об использовании дождевых червей необходимость выиграть время.⁷⁵ В то время, когда Гогенгейм еще не умел достаточно ловко и умело обращаться с асептикой (в его труде имеются лишь элементарные указания на применение обеззараживающих средств), хирургическое вмешательство нередко вызывало появление опухоли и частичное онемение руки. Из собственного опыта врач знал, что эти симптомы благополучно исчезают по прошествии нескольких недель.

Лечение дождевыми червями находит применение не только в древней народной медицине. Помимо так называемой навозной аптеки, указания на применение дождевых червей содержатся в одном из сочинений, принадлежащих перу Гогенгейма. Дождевые черви включены автором в составленный им сложный рецепт, который мы находим в раннем варианте «Книги о контрактуре» в разделе о «лекарствах, которые излечивают контрактуры»! Кроме того, «хорошо очищенные от грязи дождевые черви» являются необходимой составляющей чудодейственной мази, рецепт которой приведен в «Большой хирургии» (X, 104). В отличие от простых «элементивных» и «металлурных» средств, сложные составные рецепты не были новым словом в лечении болезней и уходили своими корнями в крестьянскую, знахарскую и цыганскую медицину. В народной медицине дождевые черви считаются одним из лучших средств для смягчения боли и особенно широко применяются для лечения «застарелых ран». Червей режут на кусочки, жарят, доводят до порошкообразного состояния, сушат, а в ряде случаев используют в живом виде.⁷⁶ В оригинальном рецепте, изобретенном Парацельсом для лечения контрактур, дождевые черви, как было сказано выше, используются в качестве составной части. Согласно Гогенгейму, их следовало приготовить для использования в рецепте следующим образом: «Необходимо в течение месяца держать их в навозе, который следует поместить в теплое место, освещаемое солнцем. Затем их следует промыть и положить в ту же воду» (II, 484). Здесь же говорится о спиртовой выжимке, содержащей экстракты шпанских мушек, свежих ромашек, папоротника, язвенника, тысячелистника и азурита. Можно предположить, что использование измельченных лягушек и дождевых червей имеет не только народно-медицинское, но и магическое обоснование. Во всяком случае, если о широком использовании червей в медицинских целях в настоящее время практически ничего не слышно, то применение лечебных трав как природных источников здоровья является общепризнанным в медицине направлением.

Сведения, содержащиеся у Рютинера, показывают, до какой степени недоверчивости и пренебрежения могли прийти историки медицины в своих суждениях о магической составляющей лечения Гогенгейма, так что успех последнего в каждом конкретном случае ставился в прямую зависимость от расположения и контроля определенного духа. Как лечили китайцы? Как лечат знахари, которые есть у всех народов? Что представляло собой врачебное искусство ведьм и акушеров?

Исследование записей Рютинера, касающихся, в частности, скандала с дождевыми червями, из описания которого мы черпаем ценные сведения о языке и лекарствах Гогенгейма, выявляет немало интересных и надежных сведений о жизни врача, которые рассматриваются, как правило, на фоне истории семьи Шовингеров. Примечательно, что очень часто в биографиях Парацельса, написанных за последние 50 лет, эта история вообще опускается.

⁷⁵ Sudhoff, Lebensbild, S. 106. Betschart, a.a.O., S. 118.

⁷⁶ Ebert, Max: Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Bd. 3, S. 534. Bächtold-Stäubli: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, Bd. 7, S. 610f.

Однако следует признать, что она представляет собой не простое рядовое событие, но является серьезным биографическим фактом, достойным внимания и уважения.

Магистр Симон о цыгане Теофрасте

Рютинер, ссылаясь на магистра Симона, ученого хирурга, получившего высшее образование за пределами Страсбурга, где 5 декабря 1526 года Гогенгейм был принят в соответствующую гильдию, пишет: «Теофраст был так помешан на науке, что исходил в поисках знаний всю Европу. В течение пяти лет он путешествовал с цыганами с целью овладеть их знаниями. В области тайного знания он превзошел всех, так что мог даже сублимировать в огне ртуть и доводить ее до высшей очистки»⁷⁷.

Это место, в котором восхваляется умение Гогенгейма сублимировать ртуть, содержит еще несколько позитивных суждений. Минимум информации о Гогенгейме, оставленный Конрадом Геснером, касается в первую очередь алхимической сферы. «В химическом искусстве, которое сам Гогенгейм, насколько мне известно, называл алхимией, он оставил позади себя многих ученых мужей», – писал Геснер в письме Дидемию Обрехту, жившему в Страсбурге.⁷⁸ Даже если эти сведения не вполне соответствуют истине, Гогенгейма можно считать предшественником современной химиотерапии.

Что же касается упоминания о пятилетнем пребывании Теофраста у цыган, то оно даже на первый взгляд кажется неправдоподобным. Существует искушение свалить всю вину на несовершенно латынь Рютинера, которая местами не поддается адекватному прочтению. У нас есть немало сведений о юности Гогенгейма, времени его обучения, годах, проведенных в странствиях и писательских трудах. Жизнь Гогенгейма настолько насыщена событиями, что возможность найти в ней пятилетний отрезок, проведенный им у цыган, представляется маловероятной. Поэтому, даже учитывая то, что характер творческого наследия крупного сукнодела не оставляет сомнений в добросовестности последнего, мы не можем просто принять на веру информацию о «цыганском» прошлом Парацельса. Весьма вероятно, что Рютинер многое записывал по слухам, не подвергая услышанное критическому осмыслению. Возможно, в какой-то момент его ушей коснулась весьма распространенная сплетня об образе жизни, который Гогенгейм вел в середине 1530-х годов, и сукнодел незамедлительно внес ее в свой дневник. Надо сказать, что это время характеризуется наиболее скудными сведениями о времяпрепровождении Гогенгейма. Очевидно, что цыганская легенда была пущена в народ не для того, чтобы поднять авторитет Парацельса как ученого или доказать его благонадежность как христианина. Скорее наоборот. Эта история, рассказанная, к примеру, в кругу знакомых и товарищей Вадияна, лишняя раз «доказывала», что не стоит слишком доверять этому парню, даже если до сих пор его мошеннические способности оставались под спудом.

Басня о том, что Парацельс три года путешествовал с цыганами, быстро распространилась в Баварии, Австрии и Чехии. В 1537 году в предисловии к «Великой астрономии» Гогенгейму пришлось самому выступить с опровержением распространяющихся сплетен: «В начале этой книге мне хотелось бы сказать, что я – не колдун, не язычник и не цыган. Напротив, человек, пишущий эти строки, признает себя добрым христианином. Впрочем, если другие христиане, ложно прославляющие Христа, пожелают рассказывать обо мне небылицы, то пусть болтают» (XII, 12).

⁷⁷ Rütiner, Diarium, I, Fol. 84a his 84b.

⁷⁸ Milt, Bernhard: Paracelsus und Zürich, Vierteljahresschrift der Naturforschenden Gesellschaft in Zürich LXXXVI (1941), S. 333.

Это высказывание оставляет открытым вопрос об истоках, причинах и происхождении сплетни о связи Гогенгейма с цыганами. Одну из причин можно увидеть в отдельных рецептах, которые содержатся в трудах Гогенгейма, опубликованных при его жизни. Так, в «Большой хирургии» предлагается рецептура некоего чудодейственного напитка: «Этот рецепт я перенял от одного цыгана, когда был на Карпатах. Он добывал сок из этого растения и давал его больному. После одного приема у больного чудесным образом излечивались повреждения внутренних органов. У тех же, кто страдал от опухолей, лекарство не имело никакой силы» (X, 96). Кроме того, в «Книге об образах» цыгане упоминаются в связи с описанием практики использования неграмотными крестьянами букв в колдовских целях: «В Египте это искусство распространено повсеместно. Особой же любовью пользуется оно у цыган» (XIII, 376).

В Швейцарии, по мнению Гогенгейма, оплотом и перевалочным пунктом цыган была захолустная горная долина Энтлебух в окрестностях Люцерна. «Искусство цыган» «уживалось» здесь с крестьянской мудростью. Как написано в «Книге об основах», в Энтлебухе и Муотатале крестьянская мудрость несла на себе печать мудрости Соломона. По словам Гогенгейма, такую возможность, по меньшей мере, нельзя было исключать (XIII, 307). Соломон, о котором мы должны вспомнить в этой связи, согласно мифологическим представлениям, был князем джиннов и гениев, великим магистром и повелителем мира духов.⁷⁹

В книге «Бертеонея», посвященной различным вопросам хирургии, обращает на себя внимание следующий пассаж. В заключительной тираде, призывающей всех добропорядочных людей гнать из Германии поганой метлой еврейских врачей, обманывавших людей, Гогенгейм использует сравнение, которое, по всей видимости, ассоциативно пришло ему в голову: эти врачи «напоминают мне цыган, которые вынесли свое искусство из Египта и взращивают его в Энтлебухе. В течение семи лет им нельзя показываться на родине, откуда их выгнали ремнями» (VI, 46).

Уже с первой половины XV века в немецких хрониках появляются записи о цыганах, «уродливых людях, загоревших на солнце», которыми управляли «графы», «герцоги» и «короли». Сохранились сведения о цыганских женщинах, владевших искусством гадания. Они были закутаны в пестрые покрывала, а их уши – украшены большими серьгами. Вечные беженцы позднего средневековья, они выдавали себя за египетских паломников, которые якобы по религиозным мотивам были осуждены на семилетнее странствование. В подтверждение правдивости своих слов они предъявляли сопроводительное письмо весьма сомнительного содержания. Под ним стояли подписи императора Сигизмунда и папы, которые гарантировали им свободу от наказаний и объявляли их неподотчетными местным судам. После непродолжительного периода толерантности, уже в конце XV века, начались гонения на цыган. Первый декрет, направленный против них, в Европе был издан в 1471 году советом Люцерна. Это свидетельствует об активном присутствии цыган в окрестностях Люцерна, куда входил также и Энтлебух. Высказывания погромного характера, в которых упоминалось, в частности, об ударах ремнями и другими средствами, стали приобретать популярность со времени аугсбургского Рейхстага 1500 года, на котором было принято постановление о том, что «ущерб, нанесенный цыганам, не рассматривается как преступление»⁸⁰. Остается спорным, насколько подобные перегибы были распространены в альпийском регионе во время странствования Гогенгейма. Дикий Энтлебух был известен во времена позднего средневековья главным образом благодаря водившимся там волкам и медведям, таинственному народу, фигурирующему под именем альпийских братцев, залежам золота, сосновым

⁷⁹ Golowin, Sergius: Von Weisen Salomo, dem König der Geister, Bern 1964, S. 64f.

⁸⁰ Wilms, Anno: Zigeuner (Texte von Mirella Karpati und Sergius Golowin), Zürich 1972, S. 11.

домикам, уютным в известняковых ущельях⁸¹, увлекательным историям о заблудившихся путешественниках, неудачным попыткам ввести там Реформацию и бунтарскому духу местных крестьян. Несмотря на скромные масштабы, этот кусочек Швейцарии был для Гогенгейма ценнее многих других европейских ландшафтов, странствуя по которым он пополнял сокровищницу своих знаний. В то же время красочные рассказы о живших здесь цыганах можно отнести скорее к жанру саги, чем к историческому повествованию. Удивительно, но даже сегодня представители многих местных родов уверены в том, что в их жилах течет цыганская кровь. Это относится, например, к роду Земпов, о котором упоминается в источниках XVI века. Из известных людей к этой фамилии принадлежали местный хронист, живший в описываемый нами период, и Йозеф Земп, первый представитель католико-консервативной партии в федеральном совете. Однако версия о цыганском происхождении этого рода является маловероятной.

Замечание Рютинера о том, что Гогенгейм несколько лет путешествовал или, по меньшей мере, тесно общался с цыганами, не взято из воздуха. Не пытаясь докопаться до реального положения вещей, хронист, основываясь на доступных и широко распространенных сведениях, воссоздает образ странствующего доктора, сложившийся у его современников. Так как Гогенгейм был в Санкт-Галлене, нельзя полностью исключить его знакомство с упоминаемым Рютинером цыганским королем Лемменшвилем. Будучи профессиональным паяльщиком, последний владел искусством позолоты, которое в более широком смысле относилось к алхимии.⁸² То, что во времена Рютинера воспринималось скорее как унижение, столетиями позже вызывает удивление и выявляет таинственные стороны дождевого червя, предпочитавшего ютиться в низине и не демонстрировать свои способности на людях.

Предсказатель из Хохентвила

О пророческих упражнениях Гогенгейма нам сообщают сразу два человека: некий Андреас Пингиус и уже знакомый нам Рютинер. В конце 1534 года наш высокообразованный сукнодел сделал в своем дневнике следующую запись: «В сентябре 1534 года врач Теофраст на некоторое время задержался в Хохентвиле. Там он предвозвестил Ульриху его грядущее возвращение в родные владения и был щедро награжден владетельным сеньором»⁸³.

Ни предприниматель, ни реформатор, проживавшие в то время в Санкт-Галлене, не могли легкомысленно относиться к политике и внимательно следили за колебаниями политической конъюнктуры. Начиная с 1532 года политическая атмосфера в южнонемецком регионе, в том числе и в Восточной Швейцарии, зависела от успехов или неудач протестантского Шмалькальденского союза. В этом отношении 1534 год принес с собой ряд существенных изменений. Ландграф Филипп Гессенский, один из активнейших членов Союза, нанес королю Фердинанду, а значит, и всему Габсбургскому дому весьма ощутимое поражение. Когти австрийского орла оставляли на теле политического союза между шмалькальденцами и Францией лишь легкие царапины, так что очередное сражение при Лауффене на Неккаре привело к потере католиками Вюртемберга. Протестантский герцог Ульрих Вюртембергский (1487–1550), изгнанный из своих владений в 1519 году за свое постыдное поведение усилиями таких рыцарей, как Франц фон Зикинген и Ульрих фон Гуттен, с помощью шмалькальденцев вновь вернул себе утраченные княжеские привилегии. При этом он однозначно встал на сторону Реформации, оказывая покровительство как Лютеранам, так и последователям Кальвина и Цвингли. В своей реформационной деятельности он опирался на швей-

⁸¹ Müller, Kuno: Luzerner Sagen, Luzern o. J., S. 78.

⁸² Mitgeteilt von E.G. Rüschi. Rütiner, Diarium, I, Fol. 48v.

⁸³ Rütiner, Diarium, I, Fol. 124v.

царского реформатора Амброзия Бларера и Иоганна Бренца, который вторил пению виттенбергского «соловья». Шахматная партия, ловко разыгранная герцогом Ульрихом, привела к переходу всего церковного имущества, так называемого церковного ящика, под его надзор.

Несмотря на то, что формальный договор о продаже Хохентвиля был заключен только 24 мая 1538 года, герцог уже в 1511 году получил право на владение замком, а с 1521 года распоряжался им полностью по-своему усмотрению. По мнению Зюдхоффа, указанные даты не позволяют со всей уверенностью говорить о том, что Ульрих и Гогенгейм действительно встречались. Однако некоторые достижения в области исследований жизни и творчества Парацельса все же дают возможность считать сообщение Рютинера заслуживающим доверия.⁸⁴

Пророческие откровения Гогенгейма, по всей видимости, относятся к 1531–1533 годам. Эта дата достаточно условна, поскольку у нас нет точных сведений о конкретных сроках пребывания Ульриха в Хохентвиле.⁸⁵

Предсказания в Хохентвиле, сделанные Гогенгеймом ради получения прибыли, в отличие от пророческих текстов 1531 года, открывают нам низший уровень его духовной сущности. Мы должны внимательно относиться к подобным вещам. Это тем более важно, если мы хотим научиться с большей или меньшей степенью вероятности определять, в какое время было написано то или иное произведение Парацельса. Такие выдающиеся работы, как «Парамирум», «Антидоксы» и «Парагранум», едва ли попадались на глаза современникам. При этом центральной темой двух третей всех публикаций, появившихся на свет при жизни Парацельса, является довольно традиционная астрология. Имя Парацельса, всемирно известное в настоящее время, впервые появилось на обложке календаря «Практика о грядущих событиях в Европе» (1529). Любые сравнения и сопоставления – вещь трудная и неблагодарная, однако издание Парацельсом астрологических календарей можно сравнить с тем, как если бы Моцарт подвизался в качестве уличного музыканта или балаганного скрипача, а Гете ограничил бы свое творчество составлением сводок погоды.

При всей критичности нашей позиции, мы не можем не признать, что занятия традиционной астрологией были в то время честным способом заработать. К примеру, от Иоганна Шписса мы узнаем, что именно таким образом зарабатывал себе на жизнь доктор Фауст. В этом отношении Фауст и Гогенгейм очень похожи. А знаменитый Нострадамус, в отличие от своих коллег, прославившихся на других поприщах, вошел в историю именно как гениальный астролог и предсказатель.⁸⁶

Тем не менее, основные принципы традиционной астрологии у Гогенгейма находятся в удивительно стройной, и при этом не только космологической, взаимосвязи. В профессиональных предсказаниях, как и в медицинских диагнозах, немалую роль играет чутье предсказателя, который пытается найти те или иные признаки надвигающегося события: «Все имеет свои признаки, и чем значительнее событие, которое человек стремится узнать, тем отчетливее они проявляются. Если предсказания вращаются вокруг города, эти признаки проявляются более четко, чем если бы речь шла о деревне, но и признаки, связанные с городом, бледнеют перед теми, которые имеют отношение к целой стране. Предсказывающий что-либо владетельным господам и князьям быстрее находит признаки, чем если бы он принимал этот труд по заказу простого человека, и, напротив, медленнее, чем если бы он трудился для императора или короля» (XVII, 216).

Это означает, что тесная связь влиятельных структур или известных лиц с развитием крупных политических событий в значительной мере облегчала работу предсказателя. В

⁸⁴ Rosner, Edwin: Hohenheims Weg von St. Gallen nach Augsburg (1531–1536), Wien 1977, S. 34f.

⁸⁵ A.a.O., S. 36.

⁸⁶ Spiess, Johann: Historia von Doktor Johann Fausten, Stuttgart 1961, S. 37.

данном случае пророчества, сделанные Гогенгеймом для герцога Ульриха, а также ряд предсказаний о положении в Швейцарском союзе, относящиеся к 1531 году, свидетельствуют прежде всего о существовании у предсказателя естественной способности грамотно анализировать развитие политических событий и на этой основе намечать перспективы на будущее.

Из всех собеседников Гогенгейма, пожалуй, только герцог Ульрих вошел в историю, покрытый дурной славой отпетого мошенника. Так, во всех биографиях Гуттена упоминается об убийстве герцогом двоюродного брата гуманиста Ганса Гуттена, с которым Ульрих поссорился на почве соперничества в любви. Во многих источниках имя Ульриха сопровождают такие эпитеты, как «кровопийца», «грабитель», «разбойник», «полководец сомнительной репутации».⁸⁷ Сам Гуттен в своем диалоге «Фаларисмус» называет его злодеем.

Принимая во внимание нелюбимое мнение современников о герцоге, можно приравнять историю о данных ему Гогенгеймом предсказаниях к сплетням, которые рассказывались в кругу завсегдатаев санкт-галленских кабаков, чтобы дискредитировать личность самого предсказателя. Однако, по мнению исследователя творчества Рютинера Эрнста Герхарда Рюша, в данном случае это предположение не соответствует действительности. Два уважаемых бюргера Санкт-Галлена – Якоб Грюбель и Георг фон Хевен, с которыми Рютинер тесно общался, долгое время находились на службе у герцога. Следует отметить также и то, что в дневнике Рютинера мы не найдем резких высказываний в адрес герцога.⁸⁸ В конце концов, с точки зрения того же Рютинера, герцог выступал за правое дело, укрепляя позиции Реформации в Швабии. Развитие реформационного движения в немецких землях имело для швейцарских реформатов большое значение, особенно если учесть сложное положение протестантов в Швейцарии после поражения в Каппельской войне.

Следует заметить, что Гогенгейм в своих теологических произведениях нередко выступал в роли строгого моралиста. Возможно, он еще сильнее, чем Гуттен, не желал ставить свое искусство и умение на службу деспоту. Предсказания, сделанные в Хохентвиле, могут служить ярким примером компромисса, на который пошел этот, казалось бы, непримиримый странник. Не стоит осуждать его. Вспомним, что время, в которое ему пришлось жить, нельзя рассматривать только с моральной точки зрения.⁸⁹

⁸⁷ Rueb, Franz: Der hinkende Schmiedgott Vulkan, Ulrich von Hutten, 1488–1523, Zürich 1988, S. 186.

⁸⁸ Mitgeteilt von E.G. Rüschi.

⁸⁹ Goethe, Johann Wolfgang: Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche, Bd. 19, Zürich 1948, S. 613 (Brief an K.F. von Reinhard, 22.7.1810).

Глава IV

Интересы городского врача

*Счастлив город, заключающий в своих стенах такого
гражданина!*

Лео Юд (о Вадiane)

Вплоть до XIX столетия и в более позднее время главным объектом внимания известной части исторических трудов были великие личности, которые, согласно Леопольду фон

Ранке, оказывали определяющее влияние на исторический процесс. Внимание поэтов различных литературных направлений от классицизма до реализма привлекали большей частью встречи и столкновения на гребне исторических волн. Так, в знаменитом «Доне Карлосе» Шиллера есть впечатляющая сцена, когда призрак вымышленного маркиза Позы спорит с королем Филиппом II Испанским и постулирует величие и достоинство свободного стиля мышления. К сожалению, драматически уместный прием немислим в реальной истории. Пламенный защитник прав личности, каким является Поза, и испанский король Филипп, встретившись друг с другом в реальности, едва ли нашли бы общую тему для разговора. Скорее всего они даже не поняли бы друг друга. Подобная ситуация возможна и в наше время. Так, забавной игрой философской мысли выглядели бы совместные занятия, в рамках общего семинара, Хайдеггера и Витгенштейна. Возникает вопрос: можно ли избежать досадных расхождений и недоразумений, возникающих в новейшей философии? Проблемы, занимающие обоих мыслителей, во многом сходны между собой. И казалось бы, именно это обстоятельство должно пробуждать интерес одного философа к спекулятивным построениям другого. Мысль о том, что сердца выдающихся философов и известных деятелей искусства, по примеру творческого союза Гете и Шиллера, бьются в унисон, давно уже стала устоявшимся клише. Однако реальность чаще всего демонстрирует нам обратное: Гете и Гельдерлин, Готтхельф и Келлер, Фриш и Дюренматт – несмотря на целый ряд общих идей, этих людей трудно назвать друзьями. В истории науки также не найдется «экспонатов» в музей изящной дружбы. Во всяком случае, в отношениях между Иоахимом фон Ваттом и Теофрастом фон Парацельсом не было места для взаимной приязни.

То, что оба выдающихся медика не прониклись симпатией друг к другу, не относится к ряду исключительных случаев. Однако разногласия между ними, перераставшие порой в ожесточенные споры, с трудом поддаются документированию. На фоне обширной корреспонденции Вадiana, его разветвленных связей, охватывавших все гуманистическое сообщество на верхненемецком пространстве, это обстоятельство выглядит более чем странным. В числе адресатов Вадiana имя Гогенгейма отсутствует. Если даже оба незаурядных ученых и встречались друг с другом, что, учитывая скромные масштабы Санкт-Галлена, представляется весьма вероятным, то скорее всего их рукопожатие было вялым, взгляд – кислым, а выражение лица – брезгливым. Грандиозная дуэль между обоими медиками в духе шиллеровской драматургии так и не состоялась. У маркиза Позы в медицине просто не было возможности изложить королю врачебного дела того времени свои взгляды на свободомыслие и реформацию в области медицинской науки. При жизни Гогенгейма многие его труды, посвященные этой теме, не достигли издательского стола. Запрет на публикации, наложенный городским советом Нюрнберга в феврале 1530 года, разорил Гогенгейма. Это было намного хуже потери в Базеле места городского врача и профессорской должности. После многообещающих публикаций трудов о сифилисе, предпринятых в 1529–1530 годах, запрет на дальнейшую популяризацию теоретических и практических достижений Гогенгейма привел к тому, что 95% его трудов увидели свет только после смерти автора. Счастливое исключе-

ние составляет знаменитая «Большая хирургия» (1536), опубликованная при жизни ученого, которая по своему замыслу и содержанию выходит далеко за рамки простого учебника по медицине.

Реакцию Гогенгейма на вердикт нюрнбергского совета нельзя назвать смиренной. После безуспешных обращений в сенат Нюрнберга он написал в начале 1530 года апологию, которая до сих пор считается одним из самых страстных произведений этого жанра в истории медицины. Его книгу «Парагранум», где он предлагает научно-теоретическое обоснование четырех несущих колонн медицины и одновременно выражает резкий протест, который принимает форму возвеличивания собственной личности, балансирующего на грани здравого смысла и помешательства, можно сравнить разве что с поздними работами Ницше, также написанными в обстановке тотальной духовной изоляции.

Дух 37-летнего врача не был сломлен. Его последней надеждой оставались швейцарские реформаторы, среди которых нашлись почитатели его таланта. Так, благодаря Околампаду Гогенгейм получил приглашение приехать в Базель. Крепостной крестьянин из Айнзидельна неплохо уживался с Лео Юдом, вторым после Цвингли человеком в Цюрихе. Менее теплыми были его отношения с Буллингером, с которым он, однако, водил личное знакомство. Если мы хотим реалистично оценивать роль многих выдающихся реформаторов и гуманистов Швейцарии того времени, нам необходимо принимать во внимание то, что Вадиян неизменно старался держаться на расстоянии от всех новых веяний, не только в сфере теологии, но и в науке, и никогда не проявлял интереса к теоретическим и практическим открытиям своего времени. При этом благодаря обширной переписке с гуманистами, которую он вел, Вадиян, в отличие от Гогенгейма, оказывал феноменальное влияние на окружающих. Гогенгейм, основным козырем которого являлись его фундаментальные работы, забыл, что в Санкт-Галлене не было ни одной типографии!

К началу 1531 года, когда Гогенгейм почтил своим пребыванием Восточную Швейцарию, городской врач Санкт-Галлена был, пожалуй, единственным человеком в Европе, с которым у трагического странника было так много общего. Как и Теофраст, Вадиян был известен и в Швейцарии, и в Австрии. Более того, в 1506 году фон Ватт проживал в Виллахе, второй родине Гогенгейма, где долгие годы жил и трудился его отец, Вильгельм фон Гогенгейм. В Виллахе Вадиян посещал школу и упражнялся в пении. Нельзя обойти молчанием и его титанические труды на посту ректора Венского университета в 1516–1517 годах! Помимо чисто гуманистического интереса к античности, который был менее свойственен Гогенгейму, Вадиян отличался прекрасным знанием бальнеологии, горного дела и географии, а в 1517 году получил степень доктора медицины. Потенциальными темами для разговора во время первой встречи двух светил тогдашней науки могли стать минеральные источники в Виллахе или горные разработки в Каринтии. Они могли также поделиться друг с другом своими размышлениями по поводу таинственных говений известного отшельника брата Клауса, о котором у каждого из них было свое мнение, или перекинуться несколькими фразами о критике Плиния, предпринятой Леоничено из Феррары, которого они хорошо знали. Как Вадиян, так и Гогенгейм по праву могли считаться экспертами во многих областях знания, причем по некоторым вопросам их мнения совпадали.

В ряде биографий Парацельса содержатся сведения о встрече двух представителей медицинской мысли в Виллахе и Вене. Одна из подобных версий принадлежит Эрнсту Кайзеру. Согласно Кайзеру, Вадиян еще в Виллахе заметил выдающиеся способности Гогенгейма и посоветовал отцу будущего мыслителя отправить юношу в университет.⁹⁰ Однако сведения о встрече Вадияна с Гогенгеймом в Виллахе так же маловероятны, как история о том, как студент Теофраст почтительно положил к ногам великого ректора одну из прекрас-

⁹⁰ Kaiser, Ernst: Paracelsus, Reinbek bei Hamburg 1969, S. 54.

нейших проповедей о подвиге святой Урсулы или, по другим сведениям, рождественскую речь, которую тот позже с блеском прочел в Вене. Вопрос о знании Теофрастом фон Гогенгеймом жития святой Урсулы, которая считалась покровительницей университета, также является спорным. Во всяком случае, в матрикулярных записях Венского университета имя Гогенгейма отсутствует.

В этой связи можно смело утверждать, что сведения о контактах Гогенгейма с Вадрианом в Виллахе и Вене малоубедительны. В не менее трех приложениях, составленных Гогенгеймом к написанному в Санкт-Галлене «Парамируму», содержатся прямые обращения к Вадриану. В первое обращение включены элементы автобиографии, второе выдержано в гуманистически-выспренных тонах, в третьем явно проявляется нетерпеливый и резкий характер Парацельса. Ни в одном из перечисленных выше приветствий, общий объем которых едва ли превышает одну книжную страницу, нет упоминаний о предыдущих встречах. При этом, несмотря на наличие общепринятых шаблонов, которые использовались в приветственных речах, в указанных текстах обнаруживаются следы личной заинтересованности и усердия, что, принимая во внимание общую манеру письма Гогенгейма, довольно необычно. Ни за одним другим человеком, даже Эразмом Роттердамским, своим базельским пациентом, Парацельс не ухаживал так интенсивно, как за доктором Иоахимом фон Ваттом. Поэтому крах предпринятых усилий, вероятной целью которых была духовная дружба и совместная публикация фундаментального медицинского сочинения, имел отчетливый привкус личной и исторической трагедии.

Предисловие к третьей книге «Парамирума» о камнеобразующих болезнях, датированное 15 марта 1531 года, содержит первое обращение к Вадриану, адресованное «читателю». В современном переводе этот текст звучит следующим образом:

Несмотря на недостаток времени и покоя, которые уходят от меня безвозвратно и которые никто из живущих на свете людей не может мне возратить, я все же не хотел бы обойти вниманием моего выдающегося современника, высокоученого Иоахима фон Ватта, доктора медицины, городского врача и бургомистра Санкт-Галлена. Я желал бы представить его вниманию общую теорию обоих видов медицины, насколько моя неопытность позволяет мне изложить ее на этих страницах. И несмотря на то, что в Базеле я с немалым усердием приступил к написанию настоящего сочинения в надежде, что мой труд принесет плоды, мне вспоминается студенческая поговорка, в которой, в частности, говорится о ветрах, что несут с собой смрад и копоть (когда правда начинает громко заявлять о себе), вызывающие удушье у именитых профессоров.

Я не переставал питать сильную надежду, что тот, кто любит душу, любит также и тело, и тот, кто щадит душу, оказывает милосердие и ее телесной оболочке. Исходя из этой предпосылки, я надеюсь, что мои усилия не остались бесплодными. Однако свора собак разрушила мои планы: они стали для меня тем самым смрадным ветром. Поэтому будь осторожен, любезный читатель, не высказывай пришедшее тебе на ум по прочтении первой, второй или даже третьей главы, но побереги свои суждения до конца книги и основательно, соразмерно своему опыту и знаниям, взвесь все то, что я вкратце попытался изложить на этих страницах. Не ужасайся, если я буду нападать на кого-то с критикой. Вооружись благосклонностью и дружеским чувством и поставь мою критику на чашу весов справедливости. Если Богу будет угодно, впоследствии появится еще много книг, основанных на таком же добром фундаменте. Уверен, что они принесут тебе еще больше радости. Познавай и учись!

Написано в Санкт-Галлене в 15 день марта 31 года (IX, 121).

В данном случае слово «бургомистр» означает титул, а не должность, поскольку этот пост Вадиян занимал в Турнусе в 1526, 1529, 1532 годах, а также семь последующих лет. Беспокойство, бывшее отличительным признаком Гогенгейма на протяжении всей его жизни, выражено в этом дискурсе в форме последней надежды. Он ищет у Вадияна не столько дружбы, сколько справедливости, обращая его внимание на убогость своего существования в Базеле и умоляя о непредвзятости. Одновременно из дальних уголков гогенгеймовского текста до читателя доносится жалобный голос автора, который ищет человеческой любви и стыдится этого.

Второе обращение к городскому врачу содержится в тексте посвящения труда «Теофраста фон Гогенгейма, родившегося в Айнзидельне и посвятившего свое сочинение почтенному и высокоученому господину Иоахиму фон Ватту». Это обращение носит риторический характер. Оно характеризуется высокой оценкой Вадияна, которую по стилю и степени уважения можно сравнить с официальными хвалебными гимнами, принадлежащими перу городского историографа Кесслера. На общем благостном фоне представляется неуместным апелляция к Вадияну как к свидетелю и эксперту собственных успехов Гогенгейма: «Среди прочих врачей нашей родимой Швейцарии ты по справедливости сияешь, подобно яркой звезде, и по праву пользуешься надлежащим почетом и уважением. Я хотел бы иметь тебя судьей и в моем деле. Ведь, будучи в Санкт-Галлене, стены которого укрывают меня и по сей день, я не без пользы провожу свой досуг и однажды даже вызвал похвалу и признание к себе из твоих уст. Думаю, ты не будешь оспаривать то, что твое и мое искусство останется в памяти тех людей, которые испытали на себе наше врачебное умение» (IX, 39).

Это высказывание странствующего врача, не имеющего собственного угла, желание разделить славу и престиж с выдающимся гражданином Санкт-Галлена и покушение на незабвение нельзя не признать дерзкими. Однако врач и коронованный поэт Вадиян, друг и приятель всех известных современных ему стихотворцев и автор знаменитой поэтики, определившей основные направления в литературе того времени, не мог и помыслить о том, что два величайших поэта следующих пяти столетий, Шекспир и Гете, назовут этого незваного гостя поэтом всех времен и народов.

Неизвестно, прочитал ли Вадиян рассмотренные выше тексты, или усилия Гогенгейма пропали втуне. Во всяком случае, приятельские отношения между обоими медиками так и не сложились. Тем временем, по сравнению с предыдущими обращениями, тон послесловия ко второй книге «Парамирума» обнаруживает явное нетерпение автора. В «Заключении к И. ф. В.» (Иоахиму фон Ватту) он пишет:

Итак, высокоученый господин Ватт, я не могу упустить возможности сказать несколько слов о первой части моего «Парамирума». В ней я попытался обобщить результаты работы, занимавшей меня днями и ночами, и сделать их доступными для слушателей медицинских факультетов. Я уверен, что предпринятый мной труд принесет гораздо больше пользы, чем думают многие. Одни обвиняют меня в заносчивости, другие – в безумии, третьи – в безрассудстве. Правда то, что каждый из них пытается судить Теофраста исходя из собственного разума и собственных возможностей. Тот, кто уже умер для науки, не знает, какое занятие он может найти в этом царстве. Тот, кто разделяет медицинское учение о соках, не будет хвалить Теофраста. Тот, кто идет ошибочным путем в астрономии, не воспримет ничего из того, о чем я буду ему говорить. Невероятным, новым, удивительным, неслыханным называют они созданное мной собрание жемчужин моего профессионального опыта

(*physica*), мои наблюдения за природой (*meteorica*), мою теорию и практику. Разве не представляется странной моя фигура для того, кто никогда не испытал преображения под солнцем? Меня не пугают яростные споры, разгорающиеся вокруг Аристотеля, Птолемея и Авиценны. Но меня ужасают потоки недоброжелательства, которые разлились на всех моих путях, несвоевременное право, обычаи, порядок и все то, что включает в себе термин «юриспруденция». У имеющего таланты их станет еще больше, а незванные так и останутся за дверями брачного чертога. Да пребудет с нами вечный Бог, наш помощник и покровитель. Будь здоров! (IX, 120).

В этих строчках чувствуется плохо скрываемая гордость, сочетающаяся с осознанием автором собственной миссии и отчетливым ощущением дистанции, отделяющей его от остальных профанов. Он рассматривает себя как особую личность, испытавшую преображение под солнцем. Кроме того, он ставит под сомнение непререкаемость учения о четырех жидкостях, развитого Галеном из Пергама и ставшего к тому времени догматом в медицине. Следует отметить, что в силу полученного образования Вадиян также принадлежал к сторонникам этого учения. Общее содержание текста усугубляет тон, который Карл Густав Юнг характеризует следующим образом: «Кажется, что он настойчиво обращается к каждому, включая также и тех, кто оказался невольным слушателем и от кого, как от стенки, отскакивают самые лучшие аргументы»⁹¹. Вполне очевидно, что на таком основании невозможно построить здание, где было бы комфортно всем участникам строительства.

Однако одними только риторическими вопросами и отсутствием у Вадияна интереса к реформируемой медицине невозможно объяснить, почему двум великим людям так и не удалось встретиться. Для этого необходимо составление двух параллельных биографий с четко очерченными профилями каждого героя.

Мы можем с уверенностью сказать, что городского врача Санкт-Галлена сильно раздражал сам факт пребывания Теофраста фон Гогенгейма в городе. Но скорее всего он не делился своими эмоциями даже с ближайшими друзьями, к числу которых принадлежали Рютинер и Кесслер. Во всяком случае, они не сочли нужным упомянуть об этом в своих записях. Вадиян избегал затевать дискуссию о предметах деликатного характера с людьми, не дотягивавшими до его интеллектуального уровня. Возможно, его молчание объясняется также тем, что он не был уверен в скромности и надежности тех, кто окружал его в Санкт-Галлене. Гораздо большее доверие Вадиян испытывал к своему ученому коллеге из Цюриха, городскому врачу доктору Кристофу Клаузеру. Последний изучал медицину в Ферраре у Никколо Леоничено и в течение многих лет состоял в переписке с Вадияном. Он известен также и тем, что в Базеле, когда не нашлось необходимых документов, подтвердил под присягой факт присуждения Теофрасту фон Гогенгейму степени доктора медицины в университете Феррары. Имя Клаузера упоминается в посвящениях к книгам Гогенгейма. Именно ему был посвящен опубликованный в 1527 году фармакологический труд «*De gradibus et compositionibus rescptorum*», написанный на основе лекций, прочитанных Гогенгеймом в Базеле. Сам Клаузер при этом держался в стороне от работы и ничего не сделал для публикации книги, поскольку, по его же собственным словам, он считал, что Гогенгейм «лживее, чем Лютер», намекая на прозвище «Лютер в медицине», данное Парацельсу.⁹² Немало общего было у Вадияна с Клаузером и в положении обоих мужей на социальной лестнице. Представители семьи Шерер, возвысившись и упрочив свое социальное положение, взяли себе новую фамилию Клаузеров и положили начало известной в свое время династии аптекарей.

⁹¹ Jung, Carl Gustav: *Paracelsica*, Zwei Vorlesungen über den Arzt und Philosophen Theophrastus, Zürich und Leipzig 1942, S. 59.

⁹² Milt, *Paracelsus und Zürich*, S. 331.

К этому клану принадлежал один из богатейших людей Швейцарии той эпохи, крупный предприниматель Конрад Клаузер (1480–1553). Проживая и развивая свое дело в Люцерне и за его пределами, он был первым швейцарцем, совершившим путешествие в Китай. Родственный клан Дисбах-Ваттов, к которому принадлежала семья Вадияна, и Клаузеры были в тот период одними из самых богатых и влиятельных родов швейцарской буржуазии. То, что Вадиян справлялся у своего цюрихского коллеги о Гогенгейме, наводит на мысль о том, что многие знакомые доктора, пользовавшегося при жизни сомнительной славой, принадлежали к одному кругу единомышленников. К ним можно отнести Околампада, Николая Гербелиуса и Лоренция Фриза.⁹³ Интересующая нас запись, извлеченная из огромного эпистолярного наследия Вадияна, гласит следующее:

Приветствую тебя, высокоуважаемый господин! Вчера после моего возвращения в родной город друзья рассказали мне, что врач Теофраст издал некую книжечку с предсказаниями, отпечатанную у вас и касающуюся кометы, которую видели недавно в течение двух дней и о появлении которой в нынешнем году ты в силу своей выдающейся учености говорил задолго до этого события. У меня еще не было времени для того, чтобы прочесть эту книжицу, поскольку до сих пор меня занимали другие важные дела. Так как, по моему глубокому убеждению, ты, как никто другой, способен дать этой книге трезвую оценку и сказать, насколько соответствует истине все то, о чем пишет автор (ведь он усиленно рекомендует ее своим читателям), и рассудить, по праву ли была издана эта книга, я решил письменно обратиться к тебе и попросить тебя изложить мне в ответном письме свое суждение о книжечке Теофраста. Меня весьма интересуют мнения ученых о звездах и явлениях природы, и я не скрываю своего любопытства в подобных вещах. Что же касается религиозных вопросов, то здесь я не утруждаю себя излишними размышлениями. Я ведь и так знаю, кто является Творцом природы. Будь здоров и постарайся, согласно моей просьбе, письменно ответить на заданные мной вопросы.

Санкт-Галлен, 11 сентября 1531 года.

Твой Иоахим Вадиян.⁹⁴

Мы видим, что в своем письме Вадиян, обладавший широкими познаниями в разных областях, спрашивает у своего корреспондента о книжке, объем которой едва ли превышал 20 страниц и которую он, тем не менее, не хочет читать, не узнав мнение своего коллеги. И это притом, что он наверняка прекрасно знал ее содержание по рассказам своих друзей. Ему сообщили, что Гогенгейм склонен давать явлению кометы религиозно-пророческое, а не естественнонаучное истолкование. А для такого человека, как Вадиян, это было менее всего допустимо. Далее Вадиян намекает на самовосхваление автора. Это говорит о том, что он, хотя бы краем глаза, видел одно из посвящений, составленных Гогенгеймом к «Парамируму». Общий тон письма можно назвать удивленным, если не изумленным. Несмотря на взвешенное и осторожное высказывание: «По праву ли была издана эта книга», Вадиян, бесспорно, знал о том, что публикация была незаконной. Между строк письма настойчиво звучит упрек в адрес издателя Лео Юда, занявшего место Цвингли после трагической гибели последнего. Что побудило этого человека нарушить запрет, наложенный разумными и ответственными людьми на публицистическую деятельность Гогенгейма? Публикацию мантического текста можно отнести к тем «ошибкам» Юда, которые привели к тому, что этот легко

⁹³ Vgl. Näf, Werner: Vadian und sein Stadt St. Gallen, 2 Bde., St. Gallen 1944/57. Bonorand, Conradin: Personenkommentar II zum Vadianischen Briefwerk, St. Gallen 1983.

⁹⁴ Akten der Ausstellung zum 400. Todestag von Paracelsus (1941) in der Stadtbibliothek Vadiana, St. Gallen.

увлекающийся новыми веяниями реформатор не принял духовного наследства, оставшегося после кончины Цвингли, но был вынужден передать его более надежному и ортодоксальному Буллингеру. Юд принадлежал к цюрихской военной партии, то есть к тому кругу лиц, у которых попытки Вадияна замять религиозный конфликт вызывали лишь раздражение.

Да, Буллингер знал многое о Гогенгейме! С скромный гражданин кантона Аргау, родившийся в Бремгартене и ставший после публикации «*Confessio Helvetica*» одним из известнейших европейских реформаторов, он несколькими годами позже описал свои разговоры с Теофрастом. У Буллингера сложилось свое мнение о Гогенгейме, которое он наверняка не раз высказывал в разговорах с Вадияном:

Я несколько раз обсуждал с Парацельсом различные религиозные и богословские вопросы. Правовереие ни разу не было темой наших бесед. Зато очень часто он рассказывал мне о изобретенной им самим магии. Если бы вы увидели его, то приняли бы его скорее за возницу, чем за врача. И действительно, оказываясь в обществе этих людей, он, казалось, получал большое удовольствие. Когда он останавливался здесь на постоялом дворе, то внимательно следил за прибытием возниц и, мгновенно сдружившись с ними, ел и пил в их обществе. Когда же случалось ему запьянеть, он ложился на ближайшую скамью и засыпал. Короче говоря, откуда ни посмотри, он оставлял впечатление грязного, нечистоплотного человека. Его редко можно было видеть в собраниях верующих. Казалось, что он вообще не заботится о том, чтобы угождать Богу, и ставит ни во что благочестивые упражнения.⁹⁵

Это место, как и описание пристрастия Гогенгейма к неумеренному употреблению вина, представляет для нас интерес и в другом отношении. Так, Буллингер говорит, в частности, о неблагочестии Парацельса. Достоверность свидетельства Буллингера не вызывает сомнений, поскольку Гогенгейм и сам не раз упоминал о своем нежелании посещать религиозные собрания. Кажется, что Гогенгейм так и не смог принять для себя окончательное решение в пользу католической или той или иной протестантской конфессии. Вполне вероятно, что он симпатизировал анабаптистам, а возможно, и вовсе был неверующим человеком. Последнее было в то время серьезным «грехом». О богословских представлениях Гогенгейма, которые стояли по ту сторону названных выше догматизированных деноминаций, мы не находим у его современников никакой информации. Сведения о том, что после поражения протестантов он посвятил свои теологические работы аббату санкт-галленского монастыря, как показали новейшие исследования, являются ложной подтасовкой, сделанной Конрадом Геснером с явно клеветнической целью⁹⁶.

Принимая во внимание религиозную индифферентность Гогенгейма и осознание им собственной миссии врача и пророка, не стоит удивляться тому, что у него не сложились отношения с фон Ваттом. И уж, конечно, Гогенгейм нисколько не интересовал Вадияна как специалист по духам. Одна из самых известных историй, героем которых является Вадиян, относится к 1518 году и связана с его намерением бросить камень в озеро Пилата, населенное, согласно местным поверьям, демонами. Своим поступком Вадиян хотел посмеяться над народными суевериями и показать их несостоятельность. Только горячая мольба пастуха, беспокоившегося за его жизнь, заставила Вадияна отказаться от своего намерения. По этому поводу он писал: «Поверхностность и легкомыслие, свойственные многим смертным людям, окружают места, отмеченные теми или иными тайнами природы, сказками или суе-

⁹⁵ Milt, Paracelsus und Zürich, S. 322.

⁹⁶ Blaser, Paracelsus in Basel, S. 67.

верными рассказами о зловредном колдовстве»⁹⁷. В этой связи можно только удивляться тому, что, когда речь заходила о серьезных идеологических расхождениях во мнениях, терпимость Вадияна исчезала. Так, гнев фон Ватта сполна ощутил на себе его некогда любимый ученик и зять Конрад Гребель из Цюриха, после того как примкнул к баптистам.

Трещина в отношениях Вадияна и Гогенгейма имела, в первую очередь интеллектуальную природу и расширялась по мере углубления разногласий между ними по тем или иным медицинским вопросам. Один совершенствовал свое знание, измеряя длину европейских дорог, другой, получив стационарное образование в Вене, в течение трех десятилетий занимался врачебной деятельностью в Санкт-Галлене. По словам биографа фон Ватта Вернера Нэфа, Вадиян положил начало новому типу гуманиста, который сильно отличался от «классических образов» – Конрада Цельтиса, Эразма, Пиркгеймера или Гуттена. Вадиян практиковал «гуманизм в его оседлой форме, совмещая ученую деятельность с исполнением должностных обязанностей и не отделяя себя от бюргерской жизни своего времени»⁹⁸. Точнее сказать нельзя.

Врачебная деятельность Вадияна в Санкт-Галлене носила ярко выраженный должностной характер. В отличие от Гогенгейма, который также одно время работал городским врачом в Базеле, Вадиян вносил в свою службу элемент театральной демонстрации. В делегировании поручений Вадиян не имел себе равных. Его руки и одежда в любых обстоятельствах оставались чистыми. Еще в Вене он испытывал страх перед чумой и продолжал бояться ее после возвращения на родину. Во время эпидемий у него мгновенно срабатывал условный рефлекс к бегству, которое в его представлении не являлось чем-то предосудительным.⁹⁹ Когда Санкт-Галлен в 1519 году накрыла большая эпидемия чумы, его заменил неимущий врач и аптекарь Маттиас Освальд, старательный и работоспособный человек, позже практиковавший в Нордлинге.¹⁰⁰ Сам Вадиян в борьбе с чумой ограничился составлением особого регламента и написанием работы о чуме. С помощью инструкций и предписаний он регулировал труд акушерок, организовал четкую работу больниц, богаделен и приютов для бедных. Все это он делал в полном соответствии с прогрессивными настроениями того времени. По его указанию бедным оказывалась безвозмездная помощь. Общественные медицинские учреждения находились под его строгим контролем. Лишь в редких случаях он самолично брался за лечение частных пациентов. Чаще всего он передавал своих пациентов врачам, пользовавшимся его особым доверием. К числу последних принадлежал Иоганн Менлисхофер, практиковавший в Констанце.¹⁰¹

После вступления в должность городского врача в 1518 году этому светочу Санкт-Галлена было положено ежегодное жалование в 50 гульденов. Вадиян рассматривал эту сумму скорее как своего рода почетный грант.¹⁰² Конечно, она была в 10 раз больше годового оклада пяти санкт-галенских акушерок, но на 10 гульденов меньше жалования городского врача в Базеле. Благодаря своему происхождению из состоятельной семьи Вадиян мог жить на ренту, поскольку в отличие от Шовингера он не принадлежал к нуворишам. Впрочем, это обстоятельство не мешало этому выдающемуся человеку, счастливому супругу и отцу семейства, бургомистру и светочу швейцарского гуманизма, ходить в должниках у своего бывшего учителя пения из Виллаха, императорского придворного капеллана Вильгельма

⁹⁷ Kuster, Reinhard: Reformator, Politiker, Wissenschaftler, Zum 500. Geburtstag von Vadian, Neue Zürcher Zeitung v. 1.12.1984.

⁹⁸ Цит. По Heinz Hafer: Vadian und die Universität Wien, Wiener Geschichtsblätter, 80. Jahrg. (1965), S. 386.

⁹⁹ Milt, Vadian als Arzt, S. 51.

¹⁰⁰ Milt, a.a.O., S. 49.

¹⁰¹ Vadianische Briefsammlung III, Nr. 361.

¹⁰² Milt, a.a.O., S. 43. Näf, a.a.O., Bd. 2, S. 83.

Вадлера, которому Вадиян целых 10 лет не удосуживался заплатить за несколько уроков пения.¹⁰³

Долг же, который не был выплачен ни Вадияном, ни самим городом Санкт-Галленом Теофрасту фон Гогенгейму, так и остался непогашенным.

¹⁰³ Bonorand, Conradin: Vadian in Villach. Aus: 900 Jahre Villach, Neue Beiträge zur Stadtgeschichte, Villach 1960, S. 219.

Глава V

Швейцарский пророк

Это может обернуться несчастьем как для меня, так и для многих честных людей. Но будем помнить, что Христос никогда не покинет нас.

Мнение Цвингли о комете

Благодаря «Книге источников по истории Швейцарии», с любовью составленной Вильгельмом Эксли и впервые изданной в 1893 году, швейцарские школьники по крайней мере двух поколений могли наслаждаться прелестной историей из хроники Кесслера «Саббата». Мы попробуем представить эту историю в современном пересказе.

Кристоф Клаузер, философ и городской врач Цюриха, уже в своем «Альманахе на 1531 год» писал: «Скорее всего, в этом году можно будет наблюдать на небе явление кометы, или хвостатой звезды. Возможно, это явление придется на летнее время». Как и предсказывал Клаузер, комета появилась в небе 15 августа в девять часов вечера. Эту пугающую человеческое воображение огненную звезду можно было наблюдать и следующим утром.

Когда известие о комете уже обошло весь Санкт-Галлен, семь мужчин вышли из города на прогулку. Среди них были наш знакомый доктор Иоахим фон Ватт, занимавший в то время должность имперского фогта, его брат Давид фон Ватт, а также Конрад Эппенбергер, Андреас Эк, Якоб Ринер, Иоганн Рютинер и автор этой истории Иоганн Кесслер. Забравшись 16 августа на вершину Бернека и расположившись в Бюргли фон Хохрютинер, они с наступлением ночи расселись вокруг господина доктора, который, всматриваясь в ночное небо, сверял свои наблюдения с записями в альманахе планет. В ходе этой проверки выяснилось, что увиденное нашими героями небесное тело не относится к числу известных планет и, скорее всего, является необычной звездой, которую называют кометой.

В 11 часов фон Ватт предложил спутникам подняться на самую верхнюю точку, называемую Венделинсбилд. Ночь уже вступила в свои права, и ясное небо было усыпано звездами, а земля была влажной от холодной росы. Спутники доктора восприняли его предложение без энтузиазма. Андреас Эк сказал: «Господин доктор, пожалейте себя. Вы достаточно тучный человек, и восхождение на гору будет для Вас нелегким. Кроме того, на Вас хорошие кожаные штаны, которые будут вконец испорчены росой».

На это доктор ответил: «Тем не менее, я хочу вместе с вами подняться выше. Ради друзей я готов пожертвовать не только штанами, но даже одной ногой».

Наконец, они поднялись на вершину, где доктор сел прямо на землю, покрытую росой. Удобно устроившись, он рассказал своим товарищам об особенностях зодиакального круга, на котором расположены 12 знаков животных, о зарождении дня и ночи и смене времен года. При этом он пальцем указывал на созвездия, хорошо просматривавшиеся в ночном небе, и, глядя вверх широко открытыми глазами, периодически повторял: «О, как бы хотел я узреть удивительного Творца нашей Вселенной!»

Закончив объяснения, доктор опустил глаза и, стараясь рассмотреть смутные очертания окружавших его предметов, стал блуждать взглядом по близлежащему ландшафту, расплывавшемуся в ночной темноте. Он вспомнил, как однажды привел сюда известного космографа Себастьяна Мюнстера и по его просьбе подробно описал местность. Он подумал о том, сколько денег, сколько тонн золотых гульденов может дать эта богатая природа и эта земля, даже если просто поставить ее на службу сукноделию! Он вспомнил, что раньше здесь, на верху холма, стояла сторожевая башня... Тут его перебил образованный Андреас Эк, который вспомнил, что, находясь в Англии, он видел похожие башни.

Тем временем доктор продолжил свой монолог. Он рассказал о том, как много лет назад римляне ввели в эти места свои полки. И не только устроили здесь оборонительные рубежи, но и дали названия многим местечкам, деревням, селениям и городам. Цицерс происходит от имени Цицерон. Пфеферс, известный сегодня своими целебными купальнями, восходит к Фабию, а Мелс – к Милону. Арбон ведет свое происхождение от *arbor felix*, плодовых деревьев, которые уже в то время повсюду росли в окрестностях благодаря сочной и плодородной почве и давали плоды; ими и сегодня изобилуют рынки. Доктор завершил свой рассказ, указав на гору у Херисау, называемую Мэнтзель. По словам Вадияна, это название представляет собой искаженное *mons caeli*, что в переводе означает «небесная гора». Там и сегодня живет род Химмельбергеров.

После этого все отправились назад в Бюргли, чтобы лечь спать. Доктор устроился на скамье у окна в восточной части нижней комнаты, чтобы не терять звезду из виду. Все остальные расположились на ночлег в верхних комнатах. Рютинер и Кесслер отправились на чердак.

Обилие дневных впечатлений и стесненные условия, в которых оказались путники, не способствовали хорошему сну. Поэтому ночь с 16 на 17 августа 1531 года выдалась для всех беспокойной. С утренней зарей два друга, устроившиеся на чердаке, были уже на ногах. Выйдя из дома, они спокойно наслаждались утренним пейзажем, пока, наконец, их внимание не привлекло некое свечение на северо-востоке Боденского озера. Им показалось, что там вдали разгорается пожар, как будто, по словам Кесслера, «по ту сторону озера полыхал дом или только что расчищенная новь». Вскоре выяснилось, что свет распространяет не комета, а скорее всего планета Венера, или утренняя звезда, как называют ее необразованные люди – «крестьяне и сторожа» в оригинальном тексте Кесслера.

К тому времени комета уже исчезла или, во всяком случае, скрылась из виду. При свете занимающейся утренней зари семь человек отправились в обратный путь. Наш корреспондент, оставивший описание этой экспедиции, не забыл упомянуть и о мелодичном пении ранних пташек, возвестивших наступление нового дня. Еще до того, как все семеро достигли городских ворот, Вадиян, бодрый и посвежевший после ночного отдыха, успел закончить свою лекцию по швейцарской ономастике, начатую им накануне вечером.

Тем временем нашему высокообразованному мастеру-шорнику, принявшему на себя в конце жизни проповедническое служение, было не по себе. Он продолжал думать о комете, которая представлялась ему отеческим предупреждением Бога, призывавшего людей выйти «из греховного состояния» и усерднее молить Его о снисхождении и милости. Преследуемый этими мыслями, он закончил свой рассказ словами библейского пророка: «Жив Бог, который не хочет смерти грешника или его гибели, но желает, чтобы он обратился к Нему, жил и наследовал блаженство»¹⁰⁴.

Что касается Рютинера, то память об увиденном он пронес через всю свою жизнь. В заключительной части ученого разговора с Вадияном, Кесслером, итальянцем Марком Ангелусом и другими он вспоминает о наблюдениях за кометой: «О, сколь приятно присутствовать на величественном и возвышенном пиршестве духа, изливающегося в высокомудрых беседах. Каждый открывал другому свое сердце и делился с окружающими своими знаниями и опытом. Начиная с той ночи, когда мы все, находясь в Бюргли, наблюдали явление кометы, в нашей жизни не было ничего более радостного...» (переложение Э.Г. Рюша).

Эту историю можно было бы счесть идиллией исторического мирозерцания, если бы мы ничего не знали о некоем отсутствующем лице, физический вес которого не составлял и половины роскошной массы влиятельного имперского фогта. Теофраст не принадлежал к тому кругу друзей, ради которых фон Ватт готов был пожертвовать не только шта-

¹⁰⁴ Uchlsli, Wilhelm: Quellenbuch zur Schweizer Geschichte, Neue Folge, Zürich 1893, S. 550f.

нами, но и ногой. Он не забирался со всеми вместе на Бернек, чтобы в молчании впитывать в себя ученость ученойшего из мужей. Он не сидел на лестнице в Бюргли, и ему не пришлось ни с кем делить комнату для ночлега. «У того, кто вынужден в течение всей своей жизни лежать под лестницей, со временем вырабатывается недюжинное терпение» (II, 3, 169), – написал он в своем духовном дневнике «О тайнах тайн богословия», позднем богословском сочинении, не поддающемся точной датировке. Это происходило в те дни, когда он не только не пользовался признанием в среде ученых кабинетных врачей («*logicis dialecticis* в медицине»), но и не получил известности даже в таких изведанных им областях знания, как философия и астрономия. Он объяснял это тем, что никогда не любил «помпезных и вычурных бесед... в которых старался не участвовать» (II, 3, 168). В отличие от Вадияна, окруженного почетом и славой великого ученого, Теофраст скромно ютился под лестницей. В действительности же в ту августовскую ночь вряд ли кто-нибудь еще в Европе с большим вниманием наблюдал за изменениями небесной тверди. Проводил ли он свои наблюдения в уединении, о котором часто упоминает в различных местах своих многочисленных сочинений, или сидел, окруженный группой конкурентов? Может быть, рядом с ним был Шовингер, который также интересовался небесными явлениями? А может быть, он находился в обществе людей, навлекших на себя немилость Вадияна, друзей баптистов или тайных сторонников аббата?

К сожалению, мы ничего не знаем об этом. Даже если рядом с Гогенгеймом плотным кольцом расположились другие наблюдатели, ничто не могло заставить его отвлечься от созерцания природного феномена и пуститься в риторические рассуждения. В любом случае, глядя на завораживающее явление, этот отвергнутый Европой «странствующий врач» (XI, 5) не завел бы беседы о происхождении швейцарских топонимов, полной гуманистической фантазии. Впрочем, поиски этимологических истоков не были ему совсем чуждыми. Человек, которого не раз изгоняли из Литвы, Восточной Пруссии и Польши и который не ужился в Нидерландах (VI, 180), объяснял происхождение латинского названия своей второй родины «Каринтия» от «*quasi charitas intima*», что в вольном переводе может означать «заветная любовь» (XI, 8).

Заветная любовь к первой родине, Швейцарии, водила пером Гогенгейма, когда он трудился над сочинением о комете, которое он закончил, по всей видимости, не позднее «субботы после празднования памяти святого Варфоломея» (26 августа). Именно этим числом датирован текст посвящения к книге (IX, 373). При этом словоохотливый городской врач Санкт-Галлена внезапно оказался на заднем плане. В таинственной тишине, под ночным небом, расцвечиваемым огненными всполохами хвостатой звезды, встречаются высокоученый господин Парацельс и многоопытный магистр Ульрих Цвингли (XI, 372). Ни в одной книге о Цвингли, ни на одном торжестве в честь великого реформатора не было сказано об этом удивительном стечении обстоятельств, связавшем нити судеб двух выдающихся людей, несмотря на то, что этот эпизод можно смело отнести к наиболее знаменательным событиям в духовной истории Швейцарского союза.

Не следует думать, что эта «встреча» означала фактическое пересечение жизненных линий Гогенгейма и Цвингли, которое, впрочем, могло произойти как осенью 1527 года, так и в течение всего 1531 года. Однако у нас нет документов, которые подтверждали бы это. Кроме городского врача Клаузера и Генриха Буллингера в Цюрихе, Гогенгейм хорошо знал проповедника из Санкт-Петера Лео Юда, второго человека после Цвингли при жизни последнего. С Юдом Гогенгейм в течение длительного времени связывали особые доверительные отношения, и это притом, что едва ли полдюжина людей могла похвастаться своей дружбой с Парацельсом. «Мой Лео» – так называл он Юда, которого, очевидно, считал своим единомышленником. «Мой ближайший друг в Цюрихе» (IX, 373) – это обращение свидетельствует об особом доверии, которое Гогенгейм испытывал к Юду. Если мы сравним эти

строки с обращением к Вадриану в одном из посвящений, выдержанным с соблюдением определенной дистанции, то увидим между ними огромную разницу. Более того, Лео Юд принадлежал к тому немногочисленному кругу друзей, которые готовы были не только говорить приятные вещи, но и действовать в соответствии со сказанным. В 1530-е годы нельзя было придумать более отчаянного и смелого дела, чем издание сочинений Парацельса, предпринятого Юдом. Как полагает Бернхард Милт, это можно объяснить только тем, что Лео Юд, будучи представителем самого радикального крыла цюрихской Реформации, несмотря на решительное неприятие баптистского учения, одно время симпатизировал Каспару Швенкфельдту, позже примкнувшему к анабаптизму.¹⁰⁵ Швенкфельдт был ярким противником подчинения церкви государству и привнесения в нее формального элемента законности. Он выступал как провозвестник религиозной свободы и защищал позиции апокалиптически ориентированных реформационных теологов, многие положения которых были созвучны мыслям Парацельса. Возможно, именно этим объясняется общность идей и увлечений, объединявших Юда и Гогенгейма. Мы не должны забывать о том, что Гогенгейм в течение долгого времени, прилагая подчас немалые усилия, пытался примкнуть к реформационному движению. Последний рывок в этом направлении он сделал как раз к 1531 году. С одной стороны, Гогенгейм мог, как некогда в Базеле, где он нашел себе политического союзника в лице Околампада, использовать реформаторов в своей борьбе с галеновской схоластической медициной. С другой стороны, являясь светским теологом, он преследовал цели, которые на несколько шагов опережали реформационное движение. Его борьба за разрушение «церковных стен» имела много общего с чаяниями сторонников Реформации и методами ее проведения. Так, и тот и другие выступали против монашества, продажи церковных должностей (симонии) и индульгенций. Однако большинство реформаторов, с которыми Гогенгейм расходился по тем или иным вопросам, подозревали его в анабаптизме и ставили нашего героя в один ряд со Швенкфельдтом, Томасом Мюнцером и Себастьяном Франком.

Без дружбы с Юдом опубликовать три мантические работы, содержавшие корреляцию природных процессов с успехами реформации в немецкоязычной части Швейцарского союза и написанных со всей подобающей внешней серьезностью, можно было бы только благодаря чуду или упущениям в работе цензоров, на что в вопросительной форме и намекал Вадриан в своем письме Клаузеру.

Три сочинения о комете, землетрясении и радуге связаны между собой. В них настойчиво заявляет о себе необычное для этого гражданина мира внутреннее участие в драматических судьбах Швейцарии, которое без преувеличения можно назвать пророческим. Учитывая время публикации, содержание работы и характер посвящения, сочинение «Толкование на явление кометы в высокогорной области, имевшее место в середине августа 1531 года» было настоящей сенсацией. До сегодняшнего дня сохранились семь печатных экземпляров этого сочинения, один из которых находится в Центральной библиотеке Цюриха.

По сравнению с медицинскими или богословско-догматическими произведениями Гогенгейма, публикация мантических толкований, вышедших из-под его пера, представлялась при его жизни наиболее возможной. Гораздо больше поражает посвящение Лео Юду, в котором Парацельс трижды обращается к Ульриху Цвингли. Его тон и экспрессия завораживают: «...эта маленькая работа... которую я посвящаю тебе и прежде всего нашему многоопытному магистру Ульриху Цвингли, касается явления кометы, произошедшего в настоящее время, о которой мне дана власть написать...» (IX, 373). Другими словами, дорогой Юд, дорогой Цвингли, мне дана привилегия писать об этой комете! В истории Швейцарии еще ни один человек, даже из могущественного рода, не разговаривал так со своими чита-

¹⁰⁵ Milt, Paracelsus und Zürich, S. 327.

телями. За кого, в конце концов, принимал себя автор? За пророка, за гения, за всевидца? Неудивительно, что для Вадияна подобный тон был неприемлем.

Дальнейший текст посвящения выдержан в том же стиле. С гордой экспрессией автор призывает обоих реформаторов прочитать его труд. По его словам, им не следует «заставлять себя читать это сочинение, так же как мне не было нужды заставлять себя читать твои работы или работы магистра Ульриха». Наконец, Гогенгейм говорит о том, что для публикации этого сочинения необходимо согласие Цвингли. Обращаясь к Юду, он просит, чтобы тот только тогда начинал действовать, когда получит «одобрение и согласие нашего патрона магистра Ульриха Цвингли» (IX, 373).

Эта апелляция к Цвингли поразит нас еще больше, если мы вспомним, что именно предсказывал Парацельс. В своем сочинении о комете он пишет, что в грядущей войне Бог поддержит более слабую партию, которая не обязательно является хранительницей истины. «Троны поколеблются... предводитель умрет за свою страну... наступит гибель могущественного светского начала и наследующего ему могущественного начала духовного...» (IX, 386). Случившееся обернется тяжелыми последствиями не только для конкретной личности («один человек скоро погибнет»), но и для всех ее сторонников, которые «наследуют участь своего предводителя». Предводители выступают в роли пастухов, народу же уготована участь стада (IX, 388). Предсказанное сбылось не в одну минуту. Для этого потребовались часы, дни и годы. В основе грядущих событий лежал твердый исторический принцип: «То, что происходит, имеет свой смысл, того, что не произошло, более не следует ждать».

Далее история в точности «следовала» сценарию, написанному Парацельсом. Во второй Каппельской войне Цюрих и его союзники потерпели сокрушительное поражение от пяти католических кантонов. Война унесла жизни политического реформатора Цвингли и Околампада, олицетворявшего собой духовное начало. Второй каппельский мир (ноябрь 1531 года) упорядочил конфессиональное деление Швейцарии, которое сохранялось несколько столетий. Оценивая случившееся, мы можем впасть в искушение поверить в пророческий дар Парацельса, характеризующийся высокой степенью исторической точности. Но изучая его мантические сочинения, мы должны отбросить народное понимание пророчеств, которое видит их сущность прежде всего в предсказаниях. Как и Иоанн Креститель, его любимый пророк, Гогенгейм призывает сограждан одуматься, даже если уже поздно, и делает акцент именно на этом. Интересно, что Иоанн Креститель считался патроном иоаннитов, чей крест украшал герб семьи Гогенгеймов. В сочинении о кометах мы находим две ссылки на пророка Нового Завета. Примечательно, что в обоих случаях автор не связывает себя ни с одной из партий. В этом смысле представляется ошибочным сравнение Гогенгейма с национальным швейцарским святым Николаусом фон Флю, харизма которого в период такого же политического кризиса, произошедшего 50-ю годами ранее, сыграла роль мощного исторического катализатора.

Несмотря на независимость мышления и отстраненную позицию обоих швейцарцев, разница между ними очевидна. Брат Клаус во время переговоров в Стансе (1481) пользовался необычайным авторитетом. Ни один император, папа или епископ не оказывал такого влияния на общество, как этот швейцарский упрямец. Строгость жизни, аскетизм и пост (все это, впрочем, не было чуждо и Гогенгейму во время его пребывания в Санкт-Галлене) окружили отшельника из Ранфта ореолом святости. Многочисленные посетители и паломники уже при жизни Клауса почитали его как святого.¹⁰⁶ Совсем иное положение занимал Гогенгейм на заключительном этапе гражданской войны в Швейцарии, которая велась по целому ряду религиозных, экономических и политических причин. Его пророческое слово

¹⁰⁶ Durrer, Robert: Bruder Klaus, die ältesten Quellen über den seligen Niklaus von Flüe, sein Leben und seinen Einfluss, 2 Bde, Sarnen 1917 u. 1921, Bd. 1, S. 162f.

оставалось гласом вопиющего в пустыне и ничем больше, *vox et praeterea nihil*¹⁰⁷. Перипетии его жизненного пути, о которых, как кажется, были хорошо осведомлены в Цюрихе, вызывали у людей простое любопытство. В любом случае, тот, кто, заинтересовавшись, брал в руки его книгу, думал найти в ней естественнонаучное, а не богословско-пророческое толкование появления кометы. В условиях, когда политическая ситуация обострялась с каждым днем, у людей просто не было времени и желания ломать голову над символическими пассажами Гогенгейма. Никто не хотел замечать, что его сочинение являлось своего рода передовицей, в которой он описывал происходившее, своеобразной газетой в современном смысле этого слова. Разумеется, Цвингли не пожелал украсить сборник гогенгеймовских пророчеств своим комментарием. Ведь если даже Вадиян объяснял свое нежелание читать это сочинение нехваткой времени, то разве мог найти его настоятель Гроссмюнстера, часы которого отсчитывали уже последние минуты жизни? Тем не менее, мы вправе предполагать, что Цвингли все же дал свое согласие на публикацию сочинения о комете. Это было согласие начальника многостаночного предприятия, который полностью доверяет своим сотрудникам. «Мой Ульрих, – мог сказать Юд, – доктор Теофраст происходит из Айнзидельна. Помните, как славно мы проводили там когда-то свое время?!» Сочинение Гогенгейма постигла трагическая судьба большинства пророчеств, которые, несмотря на всю их историчность, были не в силах изменить текущие события. Ничтожное влияние сочинения на умы соотечественников помешало достижению главной цели, которую ставил перед собой автор, – внутреннего изменения каждого из членов общества.

Как утверждает ранний биограф Цвингли Иоганн Штумпф, реформатор предвидел свою скорую кончину: «Была выкована цепь, из которой я вырвал немало колец, многие из них мне даже удалось сломать... эта цепь стянула горло мне и многим другим благочестивым швейцарцам»¹⁰⁸. Историки Реформации не придают большого значения этой загадочной фразе, записанной, как считается, со слов Цвингли. Предание о том, что Цвингли предвидел свою смерть, характерно для христианской агиографической традиции, под которую биографы охотно подгоняли жизнеописания великих реформаторов. О том, что анализ событий, проведенный Гогенгеймом, и принадлежащие ему пророчества принципиально иного уровня, говорит время наблюдений за кометой, написания «Толкования», его пересылки в Цюрих, печати и появления в продаже. К счастью, мы можем в точности воссоздать всю эту последовательность.

Комета появилась над Санкт-Галленом в праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа), в день, который сыграл немалую роль в духовном становлении Гогенгейма.¹⁰⁹ Согласно наблюдениям Рютинера и Кесслера от 17 августа, комету можно было видеть еще несколько дней. Как уверяет нюрнбергский астроном Иоганн Шенер, она появлялась в небе 18 августа и последний раз в пятницу 25 августа, после чего исчезла в направлении «полночных стран».¹¹⁰ В классической демонологии именно эти места традиционно считаются местом пребывания дьявольских сил.

Гогенгейм закончил работу над своим «Толкованием» 26 августа. Манускрипт, сразу же отосланный в Цюрих, уже в последних числах августа был у Юда. По всей видимости, он без промедлений поступил в печать. Первый экземпляр, еще пахнувший типографской краской, увидел свет не позднее субботы 2 сентября. В тот же день все свежие экземпляры книги были отправлены во Франкфурт и Констанц. Такие темпы производства спустя всего

¹⁰⁷ Schneider, Reinhold: Der Balkon, Wiesbaden 1957, S. 9.

¹⁰⁸ Материалы выставки в Хелмхаусе, посвященной 500-й годовщине со дня рождения Цвингли, Цюрих (1984).

¹⁰⁹ Самая ранняя сохранившаяся работа Гогенгейма о Деве Марии «De virgine sancta theotoca» относится к 1524 году.

¹¹⁰ Schöner, Johannes: Coniectur odder abnemliche ausslegung uber den Cometen so jm Augstmonat/des M.D.XXXI. jars erschienen ist, zu ehren einem erbern Rath/und gmainer burgerschafft der stat Nürnberg aussgangen, 1531 in Nürnberg bei Friedrich Peypus (Verleger Hohenheims!) erschienen.

лишь 80 лет после изобретения книгопечатания впечатляют! В следующий же выходной, в воскресенье 3 сентября, Лео Юд отправил Гогенгейму письменное подтверждение, составленное в следующих выражениях:

Высокоученому господину Парацельсу Теофрасту фон Гогенгейму в Санкт-Галлен. Благодать и милость Господа Нашего да пребывает с вами, мой дорогой и ученый друг. Как только мне принесли вашу книжечку с изложенным в ней толкованием явления кометы, я тотчас же прочитал ее и в тот же вечер отнес манускрипт в типографию, где она моментально была напечатана. Я посылаю вам несколько экземпляров и надеюсь, что их вид и оформление соответствуют вашим пожеланиям. Если же нет, я буду весьма опечален. Некоторые экземпляры печатник взял с собой во Франкфурт, другие были отосланы в Констанц. Господь желает, чтобы мы исправляли свою жизнь и исполняли Его святую волю. На этом я заканчиваю. Да хранит вас Бог.

Отправлено в воскресенье etc. 1531 года.

Лео Юд (IX, 392).

Итак, книга была напечатана и в кратчайшие сроки поступила в продажу. Через несколько дней городской врач Санкт-Галлена направил своему коллеге в Цюрих уже известное нам письмо, в котором выражал свои недоумения по поводу издания книги. Быстрые темпы производства и распространения тесно связаны с актуальностью и сенсационным характером такого рода текстов. Нельзя забывать и то, что, по свидетельству самого Гогенгейма, мантическое сочинение, написанное в русле христианской традиции, вступало в конкуренцию с теми, что были приготовлены на кухне языческой астрономии. Это подтверждают, в частности, записи Кесслера. На книжных прилавках Санкт-Галлена гогенгеймовское толкование явления кометы было не единственным сочинением, написанным в жанре пророчества. Гораздо серьезнее читающая публика отнеслась к творению Иоганна Шенера из Нюрнберга. Богатое астрономическими подробностями, сочинение Шенера получило благосклонный отзыв санкт-галленского властителя умов. Повышенный интерес к книге проявил и Кесслер, подробно законспектировавший ее отдельные места. Что же касается толкования Гогенгейма, то тот же Кесслер упоминает его в своих записях исключительно из склонности к энциклопедической полноте описания. То, что пророчества все же подтвердились, не ускользнуло от городского хрониста, который, выражая в другом месте своего труда удивление и восхищение, избегает, однако, называть имя провидца (KS, 376). Помимо предсказаний, содержащихся в сочинении о комете и являющихся его основным стержнем, довольно интересен и контекст толкования. Как и рассуждения о радуге или землетрясении, естественнонаучные построения Гогенгейма проникнуты свободным духом исследователя, полны восхищения, выраженного во фразе «Как прекрасна природа и наполняющий ее воздух!». Размышляя над значением радуги, получившей статус мирного и благого знака, о чем настойчиво говорится в толковании явления кометы, Гогенгейм одновременно рассматривает хвостатую звезду, это ужасное предзнаменование небес, согласно своим представлениям о соответствии универсума человеческому телу. В отличие от радуги, которая несет с собой умиротворение, комета в представлении Гогенгейма – это «чудовище, рожденное от женщины» (IX, 390). Термин «чудовище» («монстр»), происходящий от латинского глагола *monere* («предостерегать»), употребляется для обозначения пугающих явлений духовного мира: великанов, огненных человечков и сирен. Как и в случае с кометой, появление этих существ считалось дурным знаком, они предвещали гибель князей и владетельных господ, возникновение деструктивных сект и столкновение враждующих партий (XIV, 150). Многообразные «чудовища» не были непосредственными причинами подобных

событий, но, по свидетельству Парацельса, «единственно указанием и знаком» (IX, 375). Такое же провиденциальное значение имело и землетрясение, случившееся 10 октября, о котором кроме Гогенгейма неоднократно упоминает и Рютинер.¹¹¹

Землетрясение, названное падким на образные выражения Гогенгеймом «кометой земли» (IX, 402), предвещало наступление кульминационного момента, было указанием на то, что уголь, оставшийся от кометы, будет «мелко перемолот» и «обратится в пепел в ходе *bella intestina* (гражданской войны)» (IX, 400). С естественнонаучной точки зрения внутреннее колебание матери-земли объяснялись теорией полых пространств (IX, 398), землетрясение же, по аналогии с кометой и радугой, имело, согласно Гогенгейму, женскую природу. В современной философии «указания», которые несли в себе три природных явления, и подробные комментарии разного рода толкователей могли бы стать предметом макросемиотического анализа. Природа (которая никогда не рассматривается «естественно» и изнутри самой себя) представляет собой колоссальную знаковую систему, которая позволяет нам ориентироваться в происходящем. Это относится как к благоприятным, так и к устрашающим знакам и монструозным явлениям. В книге о явлении душ пугающим явлениям потустороннего мира приписывается коллегияльная чудодейственная сила, «которой обладают... врачи среди духов» (XIV, 303). Не бояться совокупности предзнаменований можно, лишь глубоко веря в Бога и будучи убежденным в непререкаемости библейских максим, служащих основой для любого толкования.

Почти четверть всего 20-страничного сочинения о комете отведена подробному рассмотрению сущности пророка и провидца. Гогенгейм с увлечением пишет о том, что значит «ватицинировать», именно так в его терминологии звучит глагол, происходящий от латинского *vates* («провидец»). В более узком смысле это слово обозначает одухотворенную речь, исполненную пророческого жара, которая исходит из уст «блаженных людей еще до того, как Бог обнаружит свое присутствие последним и окончательным предзнаменованием» (IX, 389). Этот вид харизматического дара в данном случае не был ярко выражен. Так, в четко сформулированном пророчестве о том, что «наступит гибель могущественного светского начала и наследующего ему могущественного начала духовного», автор подчеркивает «авгурическую природу предсказания» (IX, 389), говоря тем самым, что сделал его благодаря присущим ему естественным способностям. При всем осознании своего призвания к пророческому служению Гогенгейм отказывал себе в праве считаться харизматиком: «Говорить огненным языком – не мое призвание», – категорично заявлял он в «Великой астрономии» (XII, 12).

К провидчеству в более широком смысле этого слова относится толкование небесных предзнаменований в соответствии с так называемой *magica caelestis*, необходимой при гадании на птичьих внутренностях и предсказаниях, сделанных при участии воды, огня и звезд. Искусство такого рода было более по душе Гогенгейму, однако ему хотелось большего. Один из возможных способов толкования представляло собой объяснение того или иного феномена на «птолемеевский лад», когда акцент смещался в сторону естественнонаучного и географического элементов (IX, 380); этот способ активно практиковал в то время упоминавшийся выше Иоганн Шенер. Сочинение о комете и последовавшие за ним толкования землетрясения и радуги были, по словам самого Гогенгейма, ориентированы на того, «кто создал свет (природу)». В критике общепринятого способа составления альманахов прогнозы дождя, снега, града, благоприятных или несчастливых лет называются поверхностными: «Это искусство помогает установить, что красная заря возвещает вечерний дождь, а красный закат является провозвестником хорошего утра; но где здесь искусство? Какая польза истекает от него? Благодаря ему мы заранее узнаем о том, будет ли год урожайным

¹¹¹ Rütiner, Diarium, I. Fol. 79r. u. 99 (Hinweis: E.G. Rüsche).

или нет... но с его помощью мы ничего не можем узнать о тех знамениях времени, которые предвещают нам будущее» (IX, 379).

Согласно евангельскому изречению (Мф. 16:4), толкование знамений времени является особым видом пророчества. Гогенгеймовскую интерпретацию небесных предзнаменований, выдержанную в библейском стиле и впечатляющую своей максимальной приближенностью к современным автору событиям, можно считать высоким искусством. При этом сам толкователь не считал себя пророком. Он избегал сравнений с библейскими персонажами: Ионой, Даниилом, Исаией и Иоанном Крестителем, которые, по его мнению, были подлинными пророками и на которых он нередко ссылаясь. Толкователь никогда не остается безучастным ко времени, в которое ему приходится жить. При этом немалое значение имеет вопрос о том, основывает ли он свои толкования на Ветхом Завете или черпает вдохновение из Евангелия. Ситуация, сложившаяся к осени 1531 года, с характерной для нее атмосферой напряженного ожидания, способствовала обращению Гогенгейма к пророческому служению Иоанна Крестителя, чей неистовый и немного диковатый стиль как нельзя лучше соответствовал его манере. Креститель представлен в сочинении о комете как пророк нового типа. Иоанн Предтеча не был «лжецом или болтуном», но скорее «путеводителем» в «новое царство» и «новый мир» (IX, 374). Под «царством» Гогенгейм подразумевал «ту блаженную обитель, которую наследуют души». Исходя из этого, он, по всей видимости, был склонен рассматривать свое время как завершающий период истории спасения человечества, которая началась с приходом в мир Спасителя. Во время Реформации к такому апокалиптическому прочтению Библии были особенно восприимчивы анабаптисты. Начало деятельности Иоанна Крестителя знаменовало собой и наступление новой эры пророческого служения: «старая *magica caelestica* закончилась с приходом в мир Христа и Иоанна Крестителя» (а.а.О.). Однако, как показывают многие мантические сочинения Парацельса, старая магия не потеряла своего значения, но приобрела христианский характер. Таким образом, основываясь на тексте Ветхого и Нового Заветов, мы можем выделить четыре вида пророчества, о которых говорил Гогенгейм. Во-первых, пророчества, исходящие непосредственно от Бога: «и сказал Господь» (Ис. 1:2); во-вторых, пророчества, представляющие собой толкование Божьего слова применительно к определенной исторической ситуации, или пророчества, основанные на вере; в-третьих, пророчества, являющиеся следствием особого дара, сравнимого с ораторским даром, пророчества святых, проявляющиеся, в частности, в способности различать духов соответственно тексту Первого послания к коринфянам (1 Кор. 12); в-четвертых, ложные пророчества, внушенные дьяволом, чтобы обмануть и погубить людей.

Все знаки и предзнаменования, независимо от того, идет ли речь о явлениях природы или о библейском пассаже, должны быть истолкованы в духе Божественной любви. Если вспоминать пророчества, сделанные в разных местах и в различное время, то кажется, что увещания и предсказания Гогенгейма действительно несут на себе отпечаток Божественной любви и не имеют ничего общего с пустыми фразами, брошенными на ветер. Для пророка, не признанного при жизни своими современниками, очень соблазнительной выглядит возможность излить скопившиеся в нем гнев и обиду в негативных предсказаниях. Однако такие пророчества нельзя было бы назвать «работой... в духе Божественной любви». Программную установку любого пророка хорошо выражает фраза, сказанная Гогенгеймом: «Вне этой любви мы не предсказываем» (IX, 376).

Парацельс, подобно своему далекому предшественнику Гиппократу, рассматривал профессию врача прежде всего как особое дарование. Точно таким же дарованием было для него и пророческое служение, которое «несет тот, кому Бог открывает свою волю» (IX, 376). Поэтому человек, обладающий пророческим даром, так же не имеет права им чваниться, как и врач не должен бахвалиться своим умением. В сочинении о комете это центральное положение гогенгеймовской медицинской теории познания звучит особенно настойчиво:

«Видели ли врачи того, кто делает больного человека здоровым? Ведь исцеление совершает не врач, а тот, кого никто из людей не видел» (IX, 382). Только тот может по праву называться врачом, кто проникает взглядом в невидимое, знает его и понимает.

В свою очередь, толкователь также не должен гнаться за сиюминутным успехом и пытаться видеть в изменчивых обстоятельствах причины второстепенных событий. Все предзнаменования следует рассматривать с эсхатологической точки зрения, неизменно держа в мыслях таинственное течение последних дней человеческого рода. Подобно прочим эсхатологически ориентированным мыслителям, автор сочинения о комете был убежден в кратковременном существовании и конечности исторических царств и империй. Не менее твердой была его уверенность в том, что не человек творит историю. «Эта комета так ясно увещевает и уговаривает нас, словно у нее есть язык и она может говорить. Поэтому мы должны иметь страх Божий и бодрствовать, чтобы не просмотреть самое главное» (IX, 378). В этом смысле толкование Лео Юда также является призывом к покаянию.

В кризисный период 1531 года Теофраст фон Гогенгейм стал пророком Швейцарского союза. У него было четкое, профилированное мнение о стране, частью которой он ощущал себя всю свою жизнь, особенно в те моменты, когда «грубость и диалектные особенности языка» вызвали раздражение у его собеседников за границей. При этом по своим взглядам он во многом был близок к Цвингли. Становится понятным, почему скромный врач из Айнзидельна не мог рассматривать победу католических сил как триумф правого дела. Свое собственное мнение о «швейцарской коммуне», как он называл свою родину, Гогенгейм в течение жизни старался держать при себе. Подчас мы совершенно неожиданно находим аутентичные взгляды Гогенгейма на положение в Швейцарии в его богословских трудах, которые до сих пор ускользали от внимания швейцарских историков и биографов.

В самом начале радикального, богословско-утопического труда «*De generatione et destructione regnorum*» («Возникновение и закат политических империй»), который, по всей вероятности, был написан как раз в кризисное для Швейцарского союза время, стоит сентенция, напоминающая нам о мантических текстах Гогенгейма 1531 года: «Если Бог лишает государство своего покровительства, он в дальнейшем попустительствует его разделению» (II, 2, 148). Это разделение противопоставляется в сочинении идеальному миру, в котором нет места голоду, войнам, произволу и религиозным разногласиям, «миру блаженных... когда воля Божия осуществляется на земле, как на небе». Подобно Платону с его теорией государства, Гогенгейм склонен относить благополучные времена либо в начало мировой истории, либо в утопический «золотой мир» (II, 2, 149). Реальные политические обстоятельства, расположенные между этими двумя крайними точками, началом и исполнением времен, воспринимаются как несовершенные, коррумпированные или, по крайней мере, таящие в себе угрозу.

По мнению Гогенгейма, Швейцарский союз в начале своего существования представлял собой островок добродетели в порочном мире, где все продается и покупается. Если же теперь швейцарцы перестали следовать этой возвышенной цели, ради которой был основан их Союз, то, в соответствии с евангельской притчей, на место одного изгнанного беса придет семь его злобных приятелей. В оригинале это звучит следующим образом: «Царство, которое хочет выстоять в этом мире, должно сохраняться в том состоянии, в котором оно пребывало в начале своего существования. Швейцарская коммуна, предавшись разврату, начала все дальше отходить от своего истинного состояния. После того как она вылезла из бездны, в которую чуть не свалилась, ее существование продолжилось. Если же она вновь впадет в прежние грехи, которых ей следует избегать, последнее будет хуже первого. К ней вернется первый дьявол, прихватив с собой еще семерых» (II, 2, 148).

Разумеется, под выражением «разврат» в данном случае не следует подразумевать проституцию. В это слово Гогенгейм попытался вместить всю совокупность морально-рели-

гиозных, политических и экономических пороков, и в частности заклеянную Цвингли жажду наживы, которая сделала швейцарских наемников желанными участниками всех европейских войн того времени. Против этого предостерегал еще Николаус фон Флю. Последний оставил политическую арену Обвальднера после того, как испытал глубокое разочарование в нравственности представителей кантональной верхушки, продававшей права на гражданство.¹¹² Историю употребления слова «разврат» в указанном контексте можно проследить вплоть до 90-х годов XX века. Так, Фридрих Дюренматт, известный швейцарский моралист с ярко выраженной эсхатологической ориентацией, незадолго до своей смерти следующим образом оценивал положение своей страны: «Тот, кто, подобно Швейцарии, усердно предается экономическому разврату, не может сохранить свою девственность и в политической жизни».¹¹³

Фридриха Дюренматта и Теофраста фон Гогенгейма объединяло то, что оба мыслителя не питали надежд на вечное существование Швейцарии. В сочинении о комете автор, говоря о современной ему ситуации, проводит характерные исторические параллели: «Канули в небытие Римская коммуна, Карфагенская коммуна и Троянское царство» (IX, 378).

Тема временности и конечности существования Швейцарского союза отчетливо прослеживается в сочинении, посвященном крещению, которое, по мнению Курта Гольдаммера, было написано Гогенгеймом в пору его идейной близости к Цвингли. Сочинение «О крещении» входит в герлицкое собрание рукописей и до сих пор еще не опубликовано. У нас есть также конспект отрывков из текста сочинения, сделанный в 1899 году Карлом Зюдхоффом. Рассуждая о таинстве, Гогенгейм противопоставляет вечность и несмысленность христианского крещения относительности и бренности Швейцарского союза: «Крещение является знаком христианина, так же как, впрочем, и крест служит символом швейцарца. Однако между ними существует большая разница. Само начертание креста + можно замазывать, стереть и на его месте нарисовать другой знак и т. д. Что же касается водного крещения, то оно совсем иное, и как только новоокрещаемого окунают в воду, крещение запечатлевается на нем... точно так же как в Ветхом Завете никто не мог отрицать знак обрезания...»¹¹⁴

«Швейцарский крест» всплывает в похожей связи еще в одном сочинении – «О крещении христианина». Там он упоминается наряду со словами *poleten* («печать») и «паспорт».

Дословно это звучит следующим образом: «Итак, крещение должно совершаться... не только ради ношения самого знака, который можно сравнить с печатью, паспортом или швейцарским крестом, но ради действия Святого Духа. Именно его мы должны искать, за ним следовать и к нему устремлять наши мысли. Креститься нужно не для того, чтобы повесить на шею знак креста, но чтобы получить освящение, в котором действует сам Святой Дух и которое уже не отнимется от нас» (II, 2, 361).

Гогенгейм призывает читателя следовать не за швейцарским крестом, но за Святым Духом, искать Его и посвящать Ему свою жизнь. На фоне кризиса, охватившего Швейцарский союз, и очередной личной неудачи в Санкт-Галлене такие перспективы немало утешали Теофраста фон Гогенгейма. Совмещая призвания врача и пророка, он являл собой особый тип гуманиста. Эразм Роттердамский, его базельский пациент, олицетворял филологическое направление в гуманизме, высокий уровень гуманистического знания, имеющий в своей основе латинское и греческое образование. Ульрих фон Гуттен, дилетант в области лечения сифилиса, профессионально изученного Гогенгеймом, воплощал политически ангажированный, журналистский гуманизм, пронизанный немецким национальным чувством и

¹¹² Gröbli, Ronald: Die Sehnsucht nach dem «einig Wesen», Leben und Lehre des Bruders Klaus von Flüe, Zürich 1990, S. 115.

¹¹³ Basler Zeitung, 1 Juli 1990.

¹¹⁴ Sudhoff, Karl: Paracelsus-Handschriften, gesammelt und besprochen, Bd 2. Versuch einer Kritik der Echtheit der Paracelsischen Schriften, Berlin 1899, S. 253. Vgl. Die Breslauer Variante a.a.O., S. 540.

имевший перед собой четкий образ врага. Парацельс дал свое имя эсхатологическому гуманизму, наделенному способностью к толкованию знаков природы и знамений времени. В истории Швейцарии он был человеком, обладавшим талантом смотреть на вещи с высоты многих сотен лет и в то же время находиться в гуще происходящих событий, даже если он, подобно нищему псу, тихо лежал под лестницей.

Глава VI

Политические колики аббата

Желудок – это еще не человек.
(II, I, 115)

Реформация, которая на определенном этапе переходит в форму религиозных войн, нередко становится причиной болезни. Рекатолизация негативно отражается на общем самочувствии. Резкие повороты головы направо и налево скрывают в себе фатальный риск для здоровья.

Историческим примером описанных процессов может служить хороший знакомый Гогенгейма – высокородный князь и господин Иоганн Якоб Руссингер, с 1517 года занимавший место аббата бенедиктинского монастыря в Пфеферсе – старейшего, а в прежние годы и одного из самых важных аббатств в округе. Аббат, проявлявший невиданную активность и способность к изменениям, мог занять почетное место в ряду победителей, творцов истории процесса. Пытаясь убить сразу двух зайцев, он, с одной стороны, горел желанием принять участие в Реформации, а с другой, не хотел упускать доходы, приносимые монастырем.

Он с самого начала увидел в Цвингли ту реальность, за которой стояло будущее. С ростом популярности цвинглианского учения Руссингер не противился деятельности нового протестантского духовенства во вверенных ему приходах. По меньшей мере, он терпимо относился к проповеди новой веры. Для Цвингли, Юда и Ульриха фон Гуттена, в то время лечившегося от сифилиса, целебные источники в Пфеферсе стали настоящим курортом. Симпатия к Реформации, проявляемая аббатом Иоганном Якобом, не выливалась в истребление икон и других священных изображений. Он представлял собой тип культурного ренессансного князя церкви. Его подданные имели меньше причин для проявления великодушия. В Мельсе, Флэше, Малансе, Унтерваце и Майенфельде необузданные крестьяне, почувствовавшие вкус новой свободы, отказывали ему в уплате десятины. В 1528 году он распространил свое земельное право на владения Саргансерлендер, принявшего новую веру, а в судьбоносном 1531 году Цюрих принял благоразумного служителя церкви под свою особую защиту. Однако помимо прямых выгод это покровительство обязывало аббата поставить точки над «и» в вопросах мессы и священных изображений. За несколько недель до сражения, решившего исход Каппельской войны, Руссингер, несмотря на предостерегающее явление кометы, скинул сутану аббата и без всяких оговорок перешел на предположительно правую сторону.

Едва закончилось сражение, аббата охватило горячее желание повернуть в обратную сторону. В ноябре, запасаясь в дорогу деньгами, он отправился в Кур. Находясь там, он на дневном заседании 2 декабря умолял о прощении представителей пяти католических кантонов. Лишившись покровительства Цюриха, он горячо стремился отдалиться под защиту новым господам. В результате уже 26 февраля 1532 года, ровно за три дня до возвращения аббата Санкт-Галлена в свои владения, Руссингер вновь принял властные полномочия. Впрочем, католическая церковь была им по-прежнему недовольна. Только 19 марта папский нунций Стефан фон Кур, годом позже ставший викарным епископом, дал раскаявшемуся аббату полное отпущение былых прегрешений. После возвращения Руссингера в родное аббатство ссоры и судебные тяжбы с подданными Союза и монастырем Айнзидельна стали частью его повседневной жизни и превратились в постоянно саднящую рану. По словам Вернера

Фоглера, Руссингер, будучи «плохим хозяином в доме», «кажется, весьма интересовался духовными вопросами»¹¹⁵.

В продолжение всех описываемых событий Руссингера мучили хронические боли в животе. Вдобавок к этому, весь остаток своей жизни он страдал от усиливавшейся с каждым днем непопулярности. В какой-то момент на него вообще перестали обращать внимание, так что он мог смело идти за медицинской помощью к доктору Теофрасту, не беспокоясь о том, как расценит этот поступок общественное мнение и какими сплетнями будет после этого окружено его имя.

В качестве пациента Гогенгейма Руссингер впервые упоминается в 1535 году, однако нельзя исключать и того, что лечение аббата началось раньше указанной даты. Весьма вероятно, что Гогенгейм в прежние годы не раз посещал купальни Пфеферса, о которых он упоминает в бальнеографической работе, написанной в 1525 году. С уверенностью можно сказать, что утверждение о том, что Гогенгейм является основоположником научной бальнеологии, встречающееся в его многочисленных биографиях, противоречит истине. Начиная с Позднего Средневековья бальнеографические сочинения, по аналогии с работами о горном и металлургическом производстве, стали традиционным жанром, в котором работали многие врачи. Так, например, до Гогенгейма бальнеологией активно занимался Лаврентий Фриз, его друг и гостеприимный хозяин уютного эльзасского домика, в котором врач-скиталец не раз находил покой и отдохновение.

Анализ бальнеографических работ Гогенгейма показывает, что по сравнению с «Парамирумом» они написаны на скорую руку и отличаются низким качеством. И все же в них содержится ряд интересных замечаний. Так, обращают на себя внимание сомнительные, но довольно увлекательные рассуждения о геологической взаимосвязи между Баден-Баденом, Вильдбадом и Целлербадом (II, 255). К любопытным моментам относится также противоречивая похвала «валлисерским купальням» (Лейкербад, II, 252), которые не столько останавливают, сколько ускоряют течение начавшейся болезни. Не менее сомнительными представляются упоминания о благотворном воздействии кислых источников в Геппингене, Эгере и Санкт-Морице, якобы укрепляющих желудок (II, 258).

О купальне в Пфеферсе, расположенной чуть выше купальни в Рагаце, Гогенгейм отзывался с одобрением. По аналогии с целительным эффектом лекарственных растений, он сравнивал купальню со сбором из Melissa, лепестков розы и *iva arthetica*, а также желтой дубровки. Купальня оказывала целебное воздействие на больных проказой и другими кожными болезнями (в этом смысле пребывание здесь Гуттена проходило не без пользы), подагрой, желтухой и людей, страдавших различными формами контрактуры, «дрожанием рук и ног» (IX, 651). Купальня успокаивала «усталые члены» ремесленников и гонцов, облегчала боли в печени, излечивала женские заболевания, болезни почек и мочевого пузыря, лечила гангрену и язвенные высыпания. Лечение в купальне рекомендовалось «больным всепожирающим раком» (IX, 652) в курсе общей терапии. Для достижения нужного эффекта лица, проходившие лечение в купальне, должны были иметь при себе теплую одежду и обувь, избегать сквозняка и вести целомудренную жизнь. Необходимо было придерживаться установленной диеты и следить за свежестью потребляемых продуктов, среди которых доминировали чеснок, репчатый и зеленый лук, редька, горчица, выдержанная водка, горох, чечевица, бобы, сыр, молоко и дичь (IX, 654). Запрещалось употребление солонины, плесневелого хлеба и смешанного вина. Среди рекомендованных к употреблению приправ значились корица, шафран и мускат. Для очищения крови пациенты съедали каждое утро

¹¹⁵ Daems, Willem F. u. Vogler, Werner: Das medizinische Consilium des Paracelsus für Abt Johann Jakob Russinger von Pfäfers 1535, Einsiedeln 1988, S. 9.

две ягоды можжевельника, а после еды разгрызали три «зернышка кориандра» (*coroandrum sativum*), которые до этого выдерживались в уксусе.

В предисловии к бальнеографическому сочинению о купальне в Пфеферсе привлекает внимание недвусмысленное высказывание в защиту врачей-любителей. Обосновывая свою мысль, Гогенгейм ссылается на милосердного самаритянина и предлагает двойную интерпретацию источника как целебной купальни, с одной стороны, и мистического водоема, сравнимого с новозаветной Силоамской купелью, с другой (IX, 650). Гогенгейм упоминает и о целебном эффекте бани, действие которой рассматривается по аналогии с раскаленными металлами, гравием и камнями. Теплота бани берет свое начало от серы, сущность которой сама по себе скрыта под таинственной завесой. Эта целительная теплота сравнима с естественным теплом курицы, теплом, из которого рождается «шелковичный червь», и теплом женщины. Наслаждение последним, по мнению Гогенгейма, способствовало долгой жизни. Добровольный холостяк Гогенгейм не раз говорил связанному обетом безбрачия Руссингеру о том, что, в отличие от них, женатые мужчины могут рассчитывать на большую продолжительность жизни.

Первое издание сочинения о купальне в Пфеферсе, которое принадлежит к числу парацельсистских «инкунабул», относится к 1536 году. Из работ, написанных Гогенгеймом в этот период, не меньший интерес вызывает так называемый «*Consilium*» (совет), адресованный аббату Иоганну Якобу Руссингеру. Значение этого документа для исследователей трудно переоценить, поскольку он содержит в себе один из немногих дошедших до нас аутентичных текстов Гогенгейма. После закрытия монастыря в Пфеферсе это сокровище было перенесено в городскую библиотеку Санкт-Галлена. Из всех реминисценций о Парацельсе, которыми богат Санкт-Галлен, «Консилиум» относится к числу наиболее часто упоминаемых и цитируемых текстов. Благодаря этому мы можем, не прилагая больших усилий, вкратце суммировать его содержание.

С точки зрения истории медицины, пфеферсский «Консилиум» нельзя рассматривать изолированно от прочих парацельсистских рецептов и практических рекомендаций. Даже поверхностный обзор медицинской практики Гогенгейма показывает, что рекомендации, касающиеся лечения желудочно-кишечных болезней, в среднем встречаются чаще других. Среди пациентов Гогенгейма, страдавших от болей в животе, были Эразм Роттердамский, Адам Райснер, городской хронист Миндельхайма, Иоганн Лайпник из Мэриш-Кромау, личность которого не поддается идентификации (1536), а также отец Зебальда Тайлингиуса из Вольфсберга (1538). Очевидно, что умение и практические знания Гогенгейма в этой области медицины пользовались широким признанием окружающих, в то время как его хирургический опыт ценили лишь единицы. Он был специалистом по желудочным болезням, и можно предположить, что даже отдельные недостатки в принадлежащих ему исследованиях камнеобразующих болезней не имели серьезного значения, поскольку Гогенгейм смотрел на лечение своих пациентов с позиций психосоматической перспективы. О том, что он рассматривал больного в его целостности, подтверждает Эразм Роттердамский в адресованном Гогенгейму письме, которое включает в себе одно из самых прекрасных в истории медицины обращений пациента к своему врачу.¹¹⁶ Формально медицинский осмотр Руссингера не представлял для Гогенгейма большой проблемы. И все же Теофраст, как никто другой, очень болезненно относился к проблеме духовного самоопределения, и та легкость с которой Руссингер менял свою конфессиональную принадлежность, не могла не задевать его религиозного чувства. Собственная позиция Гогенгейма была намного устойчивее религиозных взглядов Эразма. Мнение о религиозной неопределенности последнего не выдерживает критики. «Гражданин мира» не колебался между конфессиями, напротив, конфессии

¹¹⁶ См. главу «Медицинская практика, преподавательская деятельность, писательская работа и смерть».

колебались вокруг его позиции, к которой они смогли приблизиться только через пять столетий.

После рассмотрения карьерного роста и жизненной позиции Руссингера уже не кажется удивительным, что он, как и многие его современники, пытавшиеся похожим образом упрочить свое существование в период Реформации, был вынужден в один прекрасный день обратиться к врачу. В сочинении «*De generatione et destructione regnorum*» Гогенгейм анализирует противоречие между евангельской заповедью о бедности и нестяжании и практическими действиями бенедиктинских монастырей в Швейцарии: «Случается, что человек говорит всюду о своей бедности, а сам тайно накапливает богатство... такое можно видеть в некоторых монашеских обителях и монастырях Швейцарии, например в аббатстве святого Галла и монастыре святого Майнрата (основатель монастыря в Айнзидельне). Там, где этого не происходит, можно найти гораздо больше людей истинной святости... Дом молитвы должен оставаться домом молитвы и ничем больше. Когда же монастырь копит деньги, получает ренту и различные подношения, он превращается в разбойничий вертеп» (II, 2, 146).

Почтительность, звучащая в строках предисловия к сочинению о пфеферсской купальне, носит формальный характер и не противоречит негативному отношению Гогенгейма к состоянию современных ему монастырей. В отличие от писем, адресованных Вадану или Юду, в указанном предисловии нет выражений личной симпатии, а формализованный стиль исключает любой намек на дружеские отношения. Текст «Консилиума» также носит исключительно деловой характер. Сочинение выдержано в сухом, но достаточно бодром стиле и представляет собой медицинскую оценку симптомов политических вывихов, отразившихся на состоянии головы и желудка больного. Уникальное значение аутентичного текста заключается в языковых особенностях документа. В данном случае мы имеем дело с оригинальным, непричесанным и диалектно окрашенным текстом. Он лишен следов редактирования писцом или издателем и содержит оригинальную орфографию автора. Это тем более важно, что в ряде случаев при нормализации и редактировании между оригиналом и окончательным текстом возникают разночтения. Приводимая ниже выдержка из «Консилиума» в транскрипции городского архивариуса Вернера Фоглера, звучит следующим образом:

Совет, данный по случаю болезни, которая посетила Вашу милость и которая, коснувшись главным образом желудка, причиняет Вам немалые страдания.

Для желудка

Вашей милости необходимо два раза в год производить чистку и обновление организма. Первый раз осенью, когда девятая луна идет на убыль, что происходит в период господства знака скорпиона или рыбы. Лекарство следует принимать с утра натощак. Порошок нужно растворить в вине и выпить, после чего в течение трех часов нельзя есть ничего. После этого нужно съесть немного гороха без соли и каких-либо жиров. Главная ценность этого лекарства состоит в том, что оно удаляет флегму из желудка. После такого лечения у вас прибавится сил и бодрости.

То же самое, что Вы проделываете осенью, Вашей милости необходимо совершать и весной, когда луна начинает увеличиваться, что также происходит в период господства знаков скорпиона или рыбы. Следует также в день приема лекарства и на следующий день сделать кровопускание.¹¹⁷

Затем следуют рецепты по приготовлению сильнодействующей мази, «описание которой находится на другой странице». В качестве необходимых компонентов здесь названы

¹¹⁷ Daems/Vogler, a.a.O. S. 13f.

ботва белокочанной капусты, мелко порубленная свекла, водосбор, полынь, очанка, корень бенедикта, венерин волос или стенная рута (?), касатик, дубровка, аир, крупный изюм, мускат, гвоздика, перец, ягоды можжевельника и шалфей. Виллем Ф. Дэмс как-то заметил, что большинство упомянутых выше растительных компонентов содержится в так называемом желудочном порошке императора Карла и входит в традиционные виды лечения природными средствами.¹¹⁸

Стиль и филологические особенности рецепта позволяют предположить, что Гогенгейм предпочитал разговаривать на алеманском языке с уклоном в австрийский диалект. Слова *oderlessin* (*aderlassen*, «пускать кровь»), *Euer Gnoden* («ваша милость»), *moss* (вместо *Mass*, «еда») проникнуты австрийским колоритом. О том, что автору не был чужд швейцарский диалект, говорят также слова: *kelti*, *houpt*, *all jor*, *win*, *zit*, *zedelin*, *ruebe*, *doruf*, *wiss*, *negeli* (*Nelken*, «гвоздика»), *schla* (*schlagen*, «ударять»), *abwexle* (*abwechseln*, «менять»), *huft*, *schwinifleisch*, *gilgen* (*Lilie*, «лилия») и выражение «*Ziger schatt nütt*», в котором под словом *Ziger* имеется в виду не козий сыр, как можно было бы предположить при первом прочтении, а сыр с пряностями, который сегодня больше известен под маркой гларнского творожистого сыра. Алеманский язык Парацельса до сегодняшнего дня вызывает трудности у переводчиков его творческого наследия. Так, слово *kib*, которое в настоящее время еще встречается в швейцарском диалекте и употребляется также в форме *kibe*, *chiibe* (*keifen*, «недовольные крики», чаще всего издаваемые детьми), в интерпретации Бернарда Ашнера получило коннотацию египетско-каббалистического *Kteb*. Не меньшую сложность для переводчика представляют такие слова, как *drotti* (*Trotte* = *Kelter*, «виноградный пресс») и загадочное *ürti*.¹¹⁹

К подробному комментарию Виллема Ф. Дэмса к пфеферсскому «Консилиуму» следует добавить, что «флегма» желудка, или, другими словами, слизь, которая называется в первой части сочинения основной причиной болезни, указывает на частичное принятие Гогенгеймом древнего учения о четырех жидкостях. Необходимо отметить, что в своей практике Парацельс не отрицал значения жидкостей, но лишь отводил им иное место. Однако в «Консилиуме» мысль о решающей роли жидкостей проводится особенно настойчиво. Рассуждения об определяющей роли «флегмы» в развитии заболевания являют собой нередкий пример того, что практические действия базельского врача, сжигавшего книги своих идейных оппонентов, по степени радикальности уступали его теоретическим построениям. Это относится не только к его медицинской деятельности, но также к богословским и политическим идеям. Как только ему приходилось принимать решение практического характера, он становился прагматиком. В случае же с любезным господином Иоганном Якобом Руссингером он предстает перед нами едва ли не циником. Такому прожженному молодчику, каким был аббат, не могли помочь даже самые революционные медицинские методы. Для него было достаточно общедоступного рецепта в духе желудочного порошка императора Карла! Хроническая болезнь может сопровождать человека до самой старости. Аббат монастыря в Пфеферсе принадлежит к числу таких исторических персонажей, которые убегают от смерти до тех пор, пока продолжаются реформы. И все же смерть настигла его 9 марта 1549 года, почти через восемь лет после смерти его знаменитейшего лейб-медика. С именем Руссингера остались связаны позитивные воспоминания о появлении первого устава пфеферсской купальни и строительстве деревянного моста через ущелье Тамина.

¹¹⁸ A.a.O., S. 21f.

¹¹⁹ Strebel, Josef: Über den Wert des St. Galler Manuskriptes Hohenheims (Consilium Russinger) für das Studium der paracelsischen Ursprache, Gallusstadt-Almanach, St. Gallen 1949, S. 60f.

Глава VII

От парахимии к парамедицине

*О том, что Бог един в трех лицах, тебе скажет любое растение.
В каждом можно найти серу, соль и ртуть.
Ангелус Силезиус (1624–1677)*

В течение того времени, пока Гогенгейм, ютясь на верхних этажах дома Штудера, освящал своим присутствием Санкт-Галлен, последний оставался столицей невидимой империи. С какой целью он прибыл в Санкт-Галлен? Чтобы заработать на жизнь частной медицинской практикой? В надежде заглянуть в библиотеку Шовингера? Может быть, он стремился скрестить копы с местным хирургом, этим бесталанным засранцем, как он частенько его называл? Или, ощущая себя врачом и пророком, он думал дожидаться здесь следующего явления радуги? Ни одна из перечисленных выше причин не соответствует истине. Доктор Теофраст приехал в Санкт-Галлен для того, чтобы именно здесь, в республиканской общине, основать новое царство. Оно возникло параллельно с окончанием его знаменитого «Парамирума» и рождением из духа созданной им химии новой медицинской науки. Средоточием этого царства стала гогенгеймовская концепция алхимии. Слово «химия» в работах Гогенгейма и поздних парацельсистов не несет в себе привычного для нас смысла. Не соответствует оно и известному определению, которое дал химии пионер этой науки Антуан Лоренц Лавуазье (обезглавлен в 1794 году) и которое прошло через весь XIX век. Впрочем, то обстоятельство, что имя Гогенгейма включено в старые классические учебники по истории химии Иоганна Фридриха Гмелина (1797) и Германа Коппа (1843) и предстает перед читателем в негативном освещении, не должно вызывать удивления. Каждое из этих произведений, написанных с величайшим старанием, представляет собой значительное явление в истории науки и проникнуто духом естественнонаучного просвещения. В обоих учебниках парацельсизм, опустившийся в тот период до уровня догматического учения, наделяется всеми признаками врага по тем же причинам, которые побуждали в свое время Гогенгейма с яростью нападать на учение о четырех жидкостях. Гмелин говорит об «эпохе Парацельса», в которую, «несмотря на надежды, которые возлагал на нее предыдущий век, так и не возшло солнце» (Bd. 1, s. 187). Гогенгейм называется в книге «человеком выдающихся дарований», но при этом «невежественным во всех основополагающих науках». По мнению Гмелина, для того чтобы выстоять в борьбе за благосклонность толпы, Гогенгейм осмеивал все существовавшие до той поры школы и использовал их слабые места. Его новая доктрина, несмотря на то что «она большей частью противоречит здравому смыслу», «была принята на вооружение некоторыми врачами и химиками и продолжает пользоваться популярностью вплоть до настоящего времени» (Bd. 1, s. 197). Герман Копп, продолжая традицию Гмелина, пишет о «противоречиях в каждой строке» работ Гогенгейма, одновременно признавая за их автором «острый ум и выдающиеся наблюдательные способности». При этом, представляя три принципа Парацельса в виде трех элементов, Копп допускает ошибку в правильном понимании его учения. Помимо наличия прямых инвектив в адрес Гогенгейма, мы можем с сожалением констатировать живучесть некоторых легенд, окружающих имя ученого, и в частности многочисленных рассказов о любви Парацельса к выпивке. Хронист мог только «сожалеть о том... как такой выдающийся талант пачкается грубостью и чувственностью»¹²⁰. Правда ли, что Гогенгейм был первым, кто употребил слово «химия» в связи с проблемами медицины? Один из заголовков работы, относящейся к более раннему времени, который, впрочем, мог

¹²⁰ Kopp, Hermann: Geschichte der Chemie, 4 Bde., Braunschweig 1843, Bd. 1, S. 95.

принадлежать и позднему издателю, звучит следующим образом: «Девять книг о химии и лечении французской болезни» (VI, 301). По времени это сочинение относится к 11 июня 1528 года и посвящено бургомистру Кольмара Иерониму Бонеру. Слово «химия» в данном случае могло означать как истоки или начало, так и собственно терапию, которая противопоставлялась традиционному лечению сифилиса «мазями, курением и древесиной» (VI, 314). В традиционном лечении широко использовались ртутные мази, любимая Гуттенем и приносящая немалый доход древесина гваякового дерева, или *lignum sanctum*, из Вест-Индии. Наконец, сама болезнь воспринималась с точки зрения ее природного развития и в результате получала натурфилософское толкование. На практике, как свидетельствует переписка Эразма Роттердамского, лечение базировалось главным образом на описаниях больным своего самочувствия и попытках врача проникнуть в сущность болезни.

Наглядным примером в сочинениях, написанных в Санкт-Галлене, а также в базельских лекциях и поздних сочинениях, возникших в Каринтии, служит винный камень. Латинское определение базельского профессора звучит так: «*Tartarus vel tartarum est omne generatum ex dissoluto frigido, coagulatum per calido* (IV, 155)» – «винный камень есть все то, что возникает из холодного раствора и при нагревании коагулируется». По аналогии с винным камнем в сосуде, Гогенгейм говорит о камне, образующемся на зубах, который во французском языке носит название «*le tartre*», и далее об образовании камней во рту и желудке, вследствие чего человек начинает испытывать внутри болезненное жжение. По мнению Гогенгейма, это жжение бывает вызвано акридином, который содержится в каждом камне (IX, 134). Согласно парацельсистскому учению, похожие процессы происходят практически во всех остальных органах: в почках, печени, мочевом пузыре, мозге и, наконец, в сосудах. Вспоминая о химизме пищеварения, который Гогенгейм подробно рассматривает в своих санкт-галленских работах, Герман Копп справедливо замечает, что, хотя Парацельс многое узнал о человеческом организме, «прошло немало времени, прежде чем открытая им система была осмыслена в химиатрии как чисто химический процесс»¹²¹. На деле же ни сифилис, ни пищеварение, ни различные виды образования камней в человеческом организме не понимались автором «как чисто химический процесс», по крайней мере в том смысле, какой вкладывает в эти слова современная химия с ее отточенной формальной терминологией. В этой связи мнение о Парацельсе как основателе химиотерапии, утвердившееся во многих серьезных трудах и учебных пособиях, страдает явным релятивизмом и требует пересмотра. Алхимические преобразовательные процессы, происходящие в желудке, Гогенгейм не заключает в рамки логического толкования. Скорее, они рассматриваются им образно, по аналогии и в тесной связи с трансмутантным, спекулятивным искусством алхимии, преобразующим сущность металлов и нацеленным на самопознание и непрерывное самосовершенствование. Под этим углом зрения гогенгеймовскую науку в Санкт-Галлене следует называть парахимией, по аналогии с его знаменитым псевдонимом и работами «*Volumen Paramirum*» (1524?), «*Paragranum*» (1530) и «*Opus Paramirum*» (1531). На титульном листе раннего издания работы о сифилисе напечатано «Три книги о французской болезни. Пара». Слово «пара» имеет греческое происхождение и означает то, что находится выше, «возвышается над...». Приставка «пара» стала жизненным девизом доктора из Айнзидельна. О том, что он всю жизнь старался возвыситься над миром и одновременно сознательно погружался в гущу событий, свидетельствуют все его работы, и в первую очередь удивительная книга «Парамирум».

Основной темой «Парамирума», написанного во время пребывания Гогенгейма в Санкт-Галлене, является процесс возникновения и развития болезни. В определенном смысле эта работа стала продолжением «*Volumen Paramirum*» и «*Парагранума*», написанных

¹²¹ Kopp, Hermann, a.a.O., S. 102.

ранее на ту же тему. Многие одаренные люди, отличающиеся к тому же большой творческой продуктивностью, могли бы упрекнуть автора в том, что он без конца прокручивает одну и ту же ленту. Однако единство упомянутой трилогии, выраженное в цветистом многообразии мыслей, вовсе не исключает введения в каждый следующий том новых познавательных моментов. По словам Люция Брауна, «терпеливое чтение»¹²² основного труда Гогенгейма постепенно вводит нас в парацельсистский космос, показывает нам, что автор считал нужным включить в него, а что намеренно выпустил. При вдумчивом чтении каждая строка этого произведения становится настоящим откровением.

В первых двух книгах «Парамирума» излагается учение о трех принципах «соли-ртути-серы». Перед читателем разворачивается сценарий величественного действия, в котором главные роли играют болезнь и смерть, жизнь и основа, четыре элемента и три мужских свойства: поджог, распад и выдыхание. В третьей книге рассказывается о болезнях, которые имеют в своей основе образование камней в различных органах человеческого тела. Здесь речь идет не только о различных коагуляциях (свертывание и затвердевание), но вообще о питании и обмене веществ в организме человека. В четвертой книге автор, чье целомудрие подчеркивается во всех написанных о нем биографиях, рассуждает о женских болезнях и вообще о женской природе.

Пятая книга «О невидимых болезнях» в строгом смысле не относится к «Парамируму», а представляет собой самостоятельное произведение. Учитывая работоспособность Гогенгейма, свойственный ему творческий задор и содержательные критерии книги, можно с большой степенью вероятности предполагать, что она также была написана в Санкт-Галлене. «Volumen Paramirum», состоящий из пяти частей, посвящен рассмотрению душевных заболеваний. Поскольку пятая часть этого объемного сочинения посвящена оценке воздействия на человека добрых и злых духов, его можно по праву называть «парамирическим» или «сверхудивительным» шедевром мировой медицинской литературы. Как и прочие работы Гогенгейма, «Volumen Paramirum» нельзя оценивать исходя из гуманистических критериев литературного творчества. Четвертая и пятая книги, снабженные характерными названиями «Парафеминизм» и «Парапсихиатрия», как, впрочем, и парахимическая теория поста брата Клауса, требуют особого рассмотрения.

Признаком большинства классических научных работ является то, что в них сперва предлагается объяснение самых элементарных вещей. Следуя этому неписаному правилу, санкт-галленские сочинения Гогенгейма очень аккуратно погружают нас в духовный мир автора: «В первую очередь, врач должен знать, что человек состоит из тройной субстанции. Несмотря на то что человек был создан из ничего, он был создан в чем-то, что, в свою очередь, имеет тройную сущность» (IX, 40).

Приведенная выше цитата стоит в самом начале сочинения. Термин «субстанция» у Гогенгейма не равнозначен современной модели субстанции и не имеет ничего общего с распространенным сегодня понятием «химическая субстанция», которое мы употребляем по отношению к материалу, не поддающемуся более точному определению. Вопрос о парацельсистском понимании субстанции относится к дискуссионной теме «вечной философии», философскому спору об основах всего сущего, длящемуся в течение многих тысячелетий. В философии Аристотеля, Фомы Аквинского, Спинозы, Лейбница, Декарта, Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра, а также в диалектическом материализме Маркса и Энгельса звучит вопрос: что же на самом деле является самостоятельным и действующим из своей собственной сущности в отличие от вторичной, производной и случайной действительности?

¹²² Braun, Lucien: Paracelsus, Alchemist, Chemiker, Erneuerer der Heilkunde, deutsch v. Katharina Biegger, Zürich 1988, S. 147.

Гогенгейм испытал на себе все муки классической дискуссии о субстанции, обозначив последнюю описательным термином «в чем-то». Ранее схоластика зарезервировала за собой понятие «ens in se», означающее некое голое свойство или определение, которое, в отличие от вещей, существующих в чем-то другом, черпает бытие из самого себя. Парацельсовское «в чем-то» имеет, по словам Гогенгейма, тройкую сущность, выраженную формулой «соль-ртуть-сера». Эта динамическая структура в системе Парацельса отвечает на вопрос «откуда?», который ставился в ряду основополагающих вопросов такими древнегреческими философами, как Фалес, Гераклит, Анаксимен, Анаксимандр и Пифагор. Откуда произошло все сущее? Что является господствующим принципом? Фалес провозгласил таким принципом воду, Гераклит положил в основу своего учения «вечно живой огонь, который то затухает, то загорается вновь»¹²³, Анаксимен считал таким первопринципом воздух, «который никогда не исчезает»¹²⁴, Анаксимандр полагал первопричину всего сущего в безграничном апейроне.¹²⁵ Наконец, Эмпедокл объединил до той поры изолированные друг от друга теории в единое космологическое учение о четырех элементах.

Три принципа «соли-ртути-серы» у Гогенгейма отвечали на вопрос «откуда?». При этом сам автор, в отличие от упомянутых выше греческих философов, не может считаться материалистом. «Соль-ртуть-сера» по своей природе далеки от статичности и ничем не напоминают соль, ртуть и серу, употребляемые в быту. Они символизируют собой центральные понятия, имеющие скорее биоспиритуальную, чем биохимическую природу. Они раскрывают и описывают процессы, которые непосредственно связаны с основой животворной силы. В этой связи важной аксиомой звучит фраза «Из животворной силы происходит основа» (XI, 176), взятая из «*Labyrinthus medicorum errantium*», написанного в 1538 году. Эти три принципа стоят у истоков всего живого, являются основой человеческого тела (или человеческого организма в самом широком смысле этого слова), которое, будучи трупом, уже не способно, по мнению Гогенгейма, дать врачу сведения, необходимые ему для более глубокого понимания человека. У Гогенгейма речь идет о трех жизненных принципах, которые участвуют в оформлении как органической, так и неорганической природы. В этом смысле он, как и многие философы до Платона, примыкает к архаическому учению о гилозоизме (живой материи). Образный стиль Гогенгейма, его тяготение к описательному изложению сближают нашего героя с Гераклитом и другими знаменитыми философами, предпочитавшими мыслить яркими, образными картинками. В древние времена строгие логики и софисты обрушивали на философов, отличавшихся от них по образу мышления, такую же критику, какой в настоящее время нередко злоупотребляют те, кто не в силах почувствовать прелесть парацельсовского стиля. Образный язык во все века помогал понятно и доступно высказать то, что невозможно увидеть и что нельзя выразить в точных формулировках.

Предисловие к «Парамируму» трудно назвать плодом спекулятивного мышления. Автор просто ссылается на свою «искушенность в изучении природы и опыт проникновения в сущность ее основных качеств» (IX, 45). Далее, после невнятного упоминания имени Николая Кузанского, Гогенгейм вводит в свой исследовательский актив принцип современной науки, о котором в дальнейшем благополучно забывает: «к болезни применимы категории веса, числа и меры» (IX, 40). С одной стороны, речь здесь идет о вещах, которые доступны человеческому зрению. С другой стороны, разглядеть их невооруженным взглядом невозможно (IX, 46). Только «глаза огня» (IX, 44) способны их рассмотреть, глаза, которые открываются у исследователя в процессе алхимического опыта, в момент огненной мистерии.

¹²³ Diels H., Kranz W.: Die Fragmente der Vorsokratiker, Dublin und Zürich 1972. Nestle, Wilhelm: Die Vorsokratiker, Wiesbaden 1978, S. 108.

¹²⁴ Mansfeld J. (Hrsg.): Die Vorsokratiker I, Stuttgart 1983, S. 89.

¹²⁵ A.a.O., S. 67.

Стандартным, дидактически выверенным примером реальности трех парацельсовских принципов служит дерево, которое одновременно представляет собой и прекрасную учебную модель, и своего рода подобие человеческого тела. Эффект горения древесины, доступный зрению и пониманию любого стороннего наблюдателя, стал основой для знаменитого и чаще всего цитируемого учебного пассажа Парацельса: «Чтобы понять это на опыте, обратитесь к дереву, которое является подобием человеческого тела. Во время его горения действует сера, дым производит ртуть, а соль обретается в пепле» (IX, 46).

Этот учебный пример должен всегда находиться «перед глазами врачей». Осознание универсальности опыта с горящим деревом поднимает специалиста на новую ступень познания и глубже вводит его в теорию тела. Однако при изучении парацельсовского наследия нельзя останавливаться на описанном примере. При всей значимости последнего, он не обнажает сердцевину медицинской теории познания Парацельса. Горящее дерево является пропедевтическим шагом, или, выражаясь специальным языком врачебного персонала, «первой пробой». Образно говоря, чтобы узнать больше, нам нужно после сдачи анализов оказаться в стационаре.

В первой книге «Парамирума» Гогенгейм знакомит читателя с разработанной им научно-теоретической основой практического медицинского искусства. Согласно историку медицины Хульдриху Кельбину, эта практическая медицина Парацельса принципиально отличается как от средневеково-гуманистической книжной медицины, так и от современного лабораторного медицинского знания.¹²⁶ В старой системе такие классики, как Гиппократ, Гален, Цельс и Авиценна, считались главными источниками познания, доступными с точки зрения опыта и филологического восприятия. В постпарацельсовской медицине XX века ареной основных достижений лауреатов Нобелевских премий и их безымянных помощников стали естественнонаучные лаборатории, оборудованные по последнему слову техники.

По сравнению с этими концепциями, Гогенгейм в течение всей своей жизни представлял тот тип медицины, которая ставит в центр своей теории и практики живого человека, как здорового, так и больного. Впрочем, он был не первым и не единственным в этой области. Для клинической теории различие между здоровым и больным организмом имеет решающее значение. Именно здесь соприкасаются друг с другом эстетическое понимание здоровья и негативный принцип познания. В данном случае важно правильно понимать логическую аксиому Гераклита, согласно которой справедливость нельзя понять без соприкосновения с несправедливостью, добро – без знакомства со злом и здорового человека – без опыта общения с больным. В любом случае, очень по-гераклитовски звучит приближенный к библейскому тексту пример, приводимый Парацельсом, в котором основными принципами познания выступают огонь и кедровое дерево. В период роста это дерево «прекрасно», когда же его срубают «и оно сгорает в огне, скрывавшаяся в нем жизнь проявляется в полную силу» (IX, 49). Итак, то, что в период своего фактического бытия радует глаз и существует лишь в потенции, раскрывается при воздействии огня. Это таинственное раскрытие доступно зрению исследователя, смотрящего на мир огненным взором.

По аналогии с этим образным примером, ученый познает тайну человеческого тела, когда оно начинает «разрушаться» (IX, 50), болеет и умирает. Этот вариант практического мышления не превращает Гогенгейма в проповедника смерти. Напротив. Глядя на здорового человека, он восклицал: «Посмотрите на человека, пока он жив! Насколько же он прекрасен!» (IX, 49). Это слово редко можно встретить в специальном медицинском контексте. Тем более непривычно слышать его от человека, который называл себя уродливым и горбатым сыном своей матери (XI, 155). В третьей главе здоровая жизнь сравнивается с государством в

¹²⁶ Koelbing, Huldrych: Von Paracelsus zur Labormedizin, Neue Zürcher Zeitung v. 2. Feb. 1981.

состоянии мира и благоденствия (IX, 52). «Добрая... сильная, прекрасная» – такими эпитетами наделяет он жизнь, дни и годы которой, к сожалению, «весьма непродолжительны» (IX, 53).

Живой человек также заключает в себе три принципа «соли-ртути-серы». Гогенгейм называет его *mittel corpus*. По его учению, он занимает среднее положение между зарождением, *prima materia*, и полнотой завершения, наступающей после смерти, *ultima materia* (IX, 53). Ради этого *mittel corpus* и были созданы врачи и медицинская наука, являющаяся основанием надежды при любой болезни. Фраза, прозвучавшая из уст Гогенгейма на ранненовонемецком языке с оттенками алеманского прононса, полна оптимизма, выраженного в духе Гуттена («О время, о наука!»): «Знайте, что Бог создал врачей не ради только почек, головы, гнойных воспалений и зубов в отдельности, но ради проказы, внезапной смерти, падучей (эпилепсии) и других подобного рода болезней, не исключая ничего! Если же мы перестаем лечить их, то у нас отнимается наше искусство и мудрость, которые необходимы для этого, и мы перестаем быть верными Богу! На земле есть лекарства от всех болезней, за исключением тех, которые нужно оперировать» (IX, 78).

Слова *Pfnüsel*, *Aissen*, *gäch* в швейцарском варианте немецкого языка до сих пор употребляются для обозначения соответственно почек и гнойных воспалений, а прилагательное *jäh* используется для выражения стремительности и пылкости характера человека. Слова доверия и уважения к врачебному искусству встречаются у Гогенгейма и в «Парагрануме», написанном годом раньше. Они отражают не заносчивую и самоуверенную веру в науку, но глубокую веру в Бога и созданную им природу. В обеих работах используется распространенный в средневековой культуре образ Христа как целителя, который пришел избавить мир от болезни. В этом смысле, на земле нет ничего более величественного, чем медицина, которая охватывает собой как врачебное искусство, так и лекарства, включающие в себя силы природы и веры. Глубокой верой проникнуты «слова, по степени истинности сравнимые с величием Библии»: «Искусство медицины не возвышает свой голос против меня, ведь оно бессмертно и зиждется на бессмертном основании. Скорее небо и земля прекратят свое существование, чем умрет медицина» (VIII, 53).

По сравнению с «Парагранумом» «Парамирум» выдержан в более умеренном стиле, а само сочинение менее полемично. Возможно, не последнюю роль в этом сыграла личность человека, к которому автор обращается в посвящении.

По словам Блеза Паскаля, болезнь является естественным состоянием христианина. «Только больной мир способен встретить Христа, своего Господа и Целителя», – комментирует мнение Паскаля Райнольд Шнайдер (1903–1958), отрицавший медицину по велениям совести.¹²⁷ В сочинении «Парамирум» болезнь представляет собой ту реальность, благодаря которой три основополагающие субстанции, которые до той поры «существуют в человеке в бесценном и прекрасном единстве», манифестируют по отдельности и начинают действовать самостоятельно. Автор уподобляет этот процесс внезапно раскрывшейся внутренней структуре прекрасного и «удивительного» карбункула (IX, 49). Жизнь и здоровье воспринимаются в этом случае как «покрывало, которое скрывает в себе вещи... разрисовывает их и украшает». В процессе болезни и умирания скрытая до той поры в человеке жизненность «видимым, заметным и узнаваемым образом» проявляет себя «в трех субстанциях». В этой фразе употреблена тройная формула, которая часто встречается в парацельсовских текстах. Автор не устает повторять, что эти субстанции «скрываются при жизни» (IX, 50), тогда как во время болезни они раскрываются в своей изначальной неприкрытости.

Антропоморфизм, который возбуждает наше удивление уже при описании женственности радуги, кометы и землетрясения, обнаруживается и в рассуждениях о человеческом

¹²⁷ Schneider, Reinhold: *Erfüllte Einsamkeit*, Freiburg-Basel-Wien 1963, S. 249.

роде, которому отводится одна из ведущих ролей в парацельсовском сценарии. Болезнь можно «сравнить с человеком, который позволил врачам распоряжаться его имуществом. Именно в этом состоит ее сущность» (IX, 50). В отличие от объяснений, предлагаемых учением о четырех жидкостях, такой подход связан непосредственно с причинами болезни. В соответствии с традиционной гуморальной патологией, здоровье означает, что все четыре жидкости: кровь, слизь, желтая и черная желчь – находятся в гармонии. Здоровому состоянию, или синкрезии, противостоит болезнь, или дискрезия, вызванная состоянием дисбаланса и нарушением гармонии. Этой схеме Гогенгейм противопоставил причинную модель, основанную на трех субстанциях или принципах. Он возвел на пьедестал химически ориентированную терапию с ее специфическими достижениями. Являя собой обобщающую систему здоровья и болезни, его концепция символизирует новый порядок в медицине. Однако замена одной натурфилософской модели на другую все же не является современной наукой, основанной главным образом на эмпиризме.

В этом новом порядке человек играет важную роль и воспринимается как бунтарь и разрушитель синкрезии, которая представлена в системе Гогенгейма по аналогии с галеновской медицинской философией: «Пока три принципа существуют в единстве и не разделены между собой, здоровье сохраняется. Там же, где они распадаются, разделяются или изменяют свое положение, одно гниет, другое горит, третье избирает иной путь» (IX, 49).

В подробном комментарии к этому месту, размещенному на следующих страницах сочинения, горение названо первым «делом рук человеческих» (IX, 51). Основным возбудителем этого болезнетворного процесса является «сера», которая содержится в смоле, резине, мазах, жире, масле, винных парах, дереве, мясе, металлических сплавах, а также в горючих жидкостях, добываемых из-под земли, под которыми автор, по всей вероятности, подразумевает нефть. Разжигающее действие перечисленных элементов частично связано с древним представлением об инфекционных материалах, так называемой *materia peccans*. Именно эти продукты, представляющие собой плод человеческих усилий, вызывают горение.

Гниение, охватывающее все процессы разложения, начинается там, где принцип «соли» под влиянием звезд или окружающей среды изготавливается «по-человечески». При этом консервирующие свойства соляного принципа превращаются в свою противоположность. Среди веществ, способствующих разложению, названы известь, пепел, медный купорос, сурьма и мышьяк. В данном случае «дух соли» понимается автором в значении соляной кислоты.¹²⁸ Разложение, звезда, отвечающая за рассасывание воспалительных явлений, представлена тут в виде соляного человека.

«Третье избирает иной путь». Ртуть является в образе спортсмена, которого невозможно догнать. В кругу двух своих товарищей она отличается наибольшей subtilностью. Ртуть можно сравнить с солнечными лучами, тепло и свет которых невозможно пощупать руками. В своей человеческой манифестации принцип ртути проявляется в искусстве сублимации, обнаруживается в испарении, которое усиливается по мере утончения испаряющегося вещества. По сравнению со злодеями, которые не останавливаются ни перед поджогом, ни перед применением соляной кислоты, ртуть воплощает в себе нежность, посылающую воздушный поцелуй.

Описание этих трех «мужей» не будет полным без указания на то, что авантюрные качества каждого из них, пройдя через горнило морализации, не должны изменяться до неузнаваемости. Огонь, разложение и бегство вызывают те же последствия, что и война, которая из всех болезней, существующих в мире, может быть названа самой человеческой. Подобно Эразму Роттердамскому или Себастьяну Франку, Гогенгейм был убежден-

¹²⁸ Darmstaedter, Ernst: *Arznei und Alchemie*, Leipzig 1931, S. 46 Philippe, Adrien: *Geschichte der Apotheker* (Neudruck der Ausgabe von 1858), Stuttgart 1966.

ным пацифистом.¹²⁹ Однако он сравнивал решение задач, стоящих перед врачом, с искусством войны и не стыдился писать в своих сочинениях об «оружии медицины» (II, 7, 167). По его мнению, успех зависит от правильной выучки трех воинов. Прислушиваясь к Гиппократу, Гогенгейм считал, что огонь, являющийся неотъемлемой частью работы врача, а также искусство дробления (разложения) и сублимации, необходимые, к примеру, в лечении камнеобразующих болезней, играют важную роль в терапии. Дикари сеют вокруг себя разруху и опустошение, в то время как воспитанные и обученные мужи становятся союзниками в лечебном процессе. Однако, принимая их помощь, не следует забывать о самом великом и могущественном мастере медицины, о котором Гогенгейм упоминает в седьмой главе первой книги рассматриваемого сочинения, именуя его мастером желудка, и который в лексиконе специализированных выражений Парацельса, составленном Герхардом Дорнсом (Франкфурт, 1584), назван его величеством первоначалом, археусом, преобразователем и разделителем всех вещей, «художником и врачом». В «Парамируме» автор пишет: «Хлеб превращается в кровь, кто видит это? Появляется боль, кто видит это? Кто постигает это? Никто не видит подкожный жир, и никто не может его потрогать, но он есть. Это же можно сказать и о мастере желудка. Он может превратить серу в железо, соль в жемчуг, а ртуть в золото...» (IX, 74). Однако в первую очередь этот алхимик в желудке берется за выплавку, формовку и ковку человека.

Следуя за содержанием «Парамирума», мы знакомимся с довольно сложным для понимания термином «анатомия» у Гогенгейма, которая одновременно раскрывает перед нами алхимический образ мышления Парацельса. В «Парамируме» слово «анатомия» имеет, по меньшей мере, пять значений. Центральное положение занимает здесь упоминавшийся выше *mittel corpus*, или анатомия живого человека. Именно в этой области лежат основные достижения гогенгеймовской медицины. Впрочем, не нужно пытаться найти здесь то, что составляет главное содержание «*Humani corporis Fabrica*» Андрея Везалия (изданной в 1542 году учеником Парацельса Опоринусом), которое стало основополагающей работой современной секционной анатомии. В отличие от Везалия, Гогенгейм вкладывает в слово «анатомия» принципиально иное понимание. Предметом его изучения была анатомия тайны, анатомия уникальных лекарственных средств, предоставляемых природой. Так, покуда роза распространяет вокруг себя дивный аромат, живет и наслаждается жизнью, она не является лекарством. Цветок должен умереть, сгнить и родиться заново для того, чтобы подняться на более высокую ступень раскрытия своей сущности (IX, 99). Анатомия розы как части природы, predetermined для врачевания, в более широком смысле становится анатомией макрокосмоса. Что же касается анатомии человека, то она относится к сфере микрокосмоса, а в более точном определении отождествляется с мезокосмосом, или срединной сущностью. Эта анатомия включает в себя анатомию ног, мяса, сосудов, или, словами самого Гогенгейма, «мельчайшую анатомию» (IX, 67). Старательно выводя эти строки, он основывался на своем анатомическом опыте, полученном им в его бытность хирургом и военным врачом, вследствие чего этот раздел по содержанию во многом напоминает работу Везалия. Однако гораздо большую важность для Гогенгейма представляла анатомия внутренней медицины, под которой он подразумевал внутренний химизм, протекающий в соответствии с тройным принципом «соли-ртути-серы». Он задавался вопросами о том, что такое кровь, мозг и человеческий организм в целом. Среди прочего в сочинении Гогенгейма говорится и об анатомии болезни, или патологии, также базирующейся на учении о трех принципах. Наконец, он упоминает и об анатомии смерти. В рассуждениях о различных видах анатомии речь идет, в конечном счете, о неких сигнатурах, «картинах», которые принципиальным образом отли-

¹²⁹ Wollgast, Siegfried: Zur Friedensidee in der Reformationszeit, Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, Berlin (Ost) 1968, S. 55f.

чаются от голых «набросков», выражающих лишь впечатления или плоско описывающих явление. Таким образом, гогенгеймовское понятие анатомии в своем многозначном выражении представляет собой серьезный вклад в медицинскую семиотику или общее учение о знаках.

Вильгельм Франц Дэмс замечает, что гогенгеймовская анатомия, основанная на тройном принципе «соли-ртути-серы», соответствует известной триаде человеческой целостности, включающей в себя тело, душу и дух. Телу свойственна твердость соли, душа подобна горящему огоньку (похожее уподобление мы встречаем у мистиков), а дух относится к области сверхчувственного и непостижимого¹³⁰. Это соответствие уводит нас в удивительный мир библиотеки Бартоломе Шовингера, в самую сердцевину документа, который в государственной библиотеке Вадяна кодифицирован как рукопись под номером 428. Выяснение этого обстоятельства относится к числу наиболее поразительных открытий. Настоящий архангел среди рукописей, загадочный текст из глубин духовного мира. При всей закрытости библиотеки Шовингера, позже нарушенной Мельхиором Гольдастом, она была достаточно известна, чтобы быть упомянутой в «Частных коллекциях по истории розенкрейцеров», изданных в Лейпциге в 1788 году: «В 1417 году в Констанце бургграф Фридрих, маркграф Бранденбургский, получил от одного францисканского монаха немецкий трактат о разного рода тинктурах металлов и драгоценных камней. Старинный экземпляр этой книги хранился в свое время в библиотеке Шовингера в Санкт-Галлене».¹³¹

¹³⁰ Wollgast, Siegfried: Zur Friedensidee in der Reformationszeit, Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, Berlin (Ost) 1968, S. 55f.

¹³¹ Daems, Willem Frans: «Sal-Merkur-Sulphur» bei Paracelsus und das «Buch der Heiligen Dreifaltigkeit», Nova Acta Paracelsia X (1982), S. 189f.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.